

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГРАЖДАНИН. ВЫБОРЫ. ВЛАСТЬ

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

**№ 1-2
2017**

ЯНВАРЬ – ИЮНЬ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
НАУЧНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ ПРОЕКТА –
ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА,
ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
ЗАСЛУЖЕННОГО ЮРИСТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Б.С. ЭБЗЕЕВА

МОСКВА

- К 100-летию Великой российской революции**
- 3 **Б.С. Эбзеев**
Великая российская революция: идейные истоки и конституционное устройство власти и свободы
- Актуальная трибуна**
- 32 **В.Т. Кабышев, Т.В. Заметина**
Конституционализация правовой системы Крыма
- 45 **В.К. Медведев**
«Русская весна» в Севастополе: как это было...
- Электоральная практика: проблемы и перспективы**
- 50 **Р.Т. Биктагиров**
Становление избирательного права России и стадии избирательного процесса
- 66 **А.А. Макарецв**
Использование должностного или служебного положения как форма злоупотребления правами: проблемы правового ограничения
- 78 **А.Ю. Бузин**
Об иерархии избирательных комиссий
- Теория права**
- 85 **Ю.А. Веденеев**
Юридическая наука: введение в концептуальную историю
- Парадигмы развития**
- 107 **О.В. Дамаскин**
Выборы сквозь призму качества жизни и ее безопасности
- 114 **Н.Н. Козлова**
Реализация избирательных прав женщин в современной России: представительство женщин в региональных легислатурах Северо-Западного федерального округа
- 128 **П.Я. Фельдман**
К проблеме теоретического моделирования политики согласования интересов
- Право выбора**
- 141 **А.М. Осавелок**
Гуманизм или ересь человекопоклонничества?
- Электоральные технологии**
- 159 **И.Б. Гасанов**
Влияние электоральных стереотипов на голосование избирателей
- 170 **В.И. Федоров**
Электронное голосование: идея фикс или основа демократий будущего?
- 186 **В.В. Луговой**
Домой, в Россию!
- События**
- 202 **Д.А. Ежов**
О финалистах Всероссийского конкурса ЦИК России на лучшую работу по избирательному праву и избирательному процессу

К 100-летию Великой российской революции

Б.С. ЭБЗЕЕВ

Великая российская революция: идейные истоки и конституционное устройство власти и свободы

Социализм в России не возник бы, а возникнув, не достиг такого развития, не увлек множество людей, ведомых сильными умами, если бы не отвечал запросам эпохи. Россия в начале XX века была единственной в Европе монархией, которая никак не восприняла конституционные идеи Французской революции в области прав человека, а также участия народа во власти. Именно эти два ключевых вопроса переживавшейся страной эпохи – власть и свобода – слишком долго находились в нашей стране на периферии государственного устройства, чтобы вдруг не оказаться в центре общественного внимания. Верховная власть России начала XX века, оказавшаяся неспособной ответить на вызовы времени, во многом сама спровоцировала социальные катаклизмы, вылившиеся в Великую российскую революцию.

Революция была движима неведомой дотоле Российскому государству задачей – дать свободу народу, несшему в течение всей отечественной истории неимоверные тяготы во имя государства, и добиться справедливого устройства общества, свободного от пороков капитализма. Возможно, именно поэтому совершенные под ее сенью преступления кажутся менее терпимыми, чем совершенные в иные исторические эпохи.

История нигде и никогда не творится без зла и насилия, но контраст между целями и средствами, вынужденными обстоятельствами либо методами, использовавшимися для поддержки собственного существования, оказался слишком велик, чтобы не бросить тень на цели Революции. Как раз в связи с этим было бы справедливо разграничение того, что принадлежит собственно Революции, и что ей не принадлежит, но ответственность за это относят на ее счет, поскольку вызвано именно ею.

Этим обусловлена необходимость содержательной методологии исследования события действительно всемирно-исторического масштаба и закономерностей, которые его породили. Однако юристы часто берут

ЭБЗЕЕВ Борис Сафарович – член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации

исторические события, как они есть, тщательно изучают их соотношение, но не пытаются проникнуть в тайну причинности и бытия. В результате остается плод бессознательного реализма, не способный дать верную историческую картину.

Между тем факты, отделенные друг от друга многими десятилетиями, укладываются в общую закономерность только тогда, когда сохраняются вызывающие их обстоятельства. Таким обстоятельством, предопределившим развитие советской государственности и установленного ею правопорядка, является Великая российская революция; в свою очередь история практического конституционализма на советском этапе государственной бытийности России и его сущностные характеристики самым тесным образом взаимосвязаны с историей КПСС и ее программными документами. Эта взаимосвязь в процессе развития созданного Революцией государства не только не ослабевала, но, напротив, усиливалась по мере слияния партии с государством, изначально выступавшим инструментом реализации партийной политики; что же касается конституции, то ее назначение на всех этапах советского государственного строительства заключалось в том, чтобы объединить общество в созидании нового социального строя, этапы строительства которого определялись сменявшимися друг друга программами Коммунистической партии. Партийностью государства предопределялась природа публичной власти и характер ее взаимоотношений с обществом, равно как масштабы индивидуальной свободы и ее предназначение, установленные в советских конституциях.

* * *

К. Маркс учил, что «...теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»¹. Действительно, теория, воспринятая тем либо иным обществом, способна оказать на него огромное влияние. Такое восприятие, однако, часто бывает различным и в большой мере зависит от истории народа, путей его цивилизационного развития и тех духовно-нравственных и культурных принципов, на которых зиждется общество. Сама же теория неизбежно адаптируется к условиям народной жизни.

Российскую социал-демократию принято считать прямой наследницей теории научного социализма, которая задолго до возникновения социал-демократического движения в России одержала победу в западноевропейском рабочем движении. «Ее предшественниками в России, – говорил В.И. Ленин, – выступали Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов»². Народниками были

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 422.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 25. На обелеске, открытом в Александровском саду в ок-

осуществлены и первые переводы произведений К. Маркса и Ф. Энгельса на русский язык, которые явились идейно-теоретической базой, на которой выросла российская социал-демократия. Именно марксизм явился одним из главных источников революционного мировоззрения в России. Возникновение первой марксистской организации в отечественной истории связано с образованием в Женеве в 1883 году группы «Освобождение труда», основатели которой (Г. В. Плеханов, В. И. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич и В. Н. Игнатов), в прошлом члены народнического общества «Черный передел», заявили, что они порывают с народничеством. Началось постепенное превращение марксизма в главный фактор духовной жизни мыслящей части страны.

И. В. Сталин в беседе с немецким писателем Леоном Фейхтвангером дополнял этот ряд указанием, что «российские социал-демократы – наследники старых демократов – французских революционеров, германских революционеров, наследники, не оставшиеся на месте, а поднявшие демократию на высшую ступень»³.

В действительности наследодателей оказалось значительно больше. Социал-демократическая идея не могла остаться в стороне от общей тенденции, выражавшейся в характерном для XIX века возрастании в российском обществе интереса к европейской философии, социологии, юриспруденции. В связи с этим социал-демократическая мысль причудливым образом синтезировала в своем содержании различные, порой кажущиеся несовместимыми, взгляды и представления; одни из них выросли из отечественной социальной и государственно-правовой традиции, другие были заимствованы. Несомненно влияние на социал-демократическую мысль России немецкой философии и юриспруденции, французской социологии и трудов политических писателей, в том числе периода борьбы с абсолютизмом, особенно актуальных в качестве мировоззренческой системы в связи с многочисленными пережитками феодально-крепостнических порядков, унаследованными Россией от прошлого. При том, однако, что РСДРП была нужна не наука сама по себе, а идеология, которая эксплуатировала предшествующую социальную науку, адаптируя ее выводы к собственным потребностям и преследуемым взявшим верх крылом российской социал-демократии – большевизмом – целям.

Пожалуй, наиболее узнаваемой чертой, общей для, казалось бы, разных социальных и политических теорий, оказавших влияние на социал-демократическую мысль России, сближающей их между собой, выступает примат коллективного в организации социума. Логическим следствием

тябре 1918 году, помещался список 19 социальных мыслителей и политических деятелей, утвержденный В. И. Лениным. Но в этом перечне имен, открываемых К. Марксом и Ф. Энгельсом и завершающемся именами М. А. Бакунина, Н. Г. Чернышевского, Н. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского, Г. В. Плеханова, нет ни А. И. Герцена, ни В. Г. Белинского.

³ Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX–XX вв. М., 2009. С. 596.

такого примата является доказательство исчезновения противоположности между индивидом и государством, обоснование которой было характерно для индивидуалистических теорий XVIII века.

В частности, в уверенности большевизма в своей способности единовременного и окончательного преодоления в пределах объективированного природно-исторического мира противоположности личности и общества и выборе способа такого преодоления отчетливо просматривается позитивистская социология Огюста Конта и органическая теория государства и права – «этого, – по замечанию видного русского государствоведа Н. Н. Алексева, – поголовного увлечения политиков и государствоведов в первой половине XIX века», для которой индивид существует только как член высшего организма, и это должно приниматься в качестве «естественно-необходимого факта». Причем решение проблемы виделось не в поиске рациональной модели взаимодействия личности и общества, а в утрате индивидом реального бытия; интересы и благо личности, как и индивидуальная бытийность, поглощаются общественным целым, высшей формой которого выступает государство.

Российская социал-демократия питалась философией, уже преодоленной Западной Европой. Именно органическая школа, пусть и существенно переработанная в конце XIX – начале XX веков, была особенно близка российской социал-демократии своим основным тезисом, что общественное целое «первее» личности. Этот тезис сочетался с пониманием государства как более или менее искусственной связи между отдельными социальными единицами. Однако, если последователи органицизма видели социальную целостность в государстве, русские марксисты такую целостность видели в классах и противопоставляли эту целостность «эксплуататорскому государству».

К этатизму они пришли позднее. Теперь уже монизм против дуализма, неприятие противопоставления государства и индивида, поскольку преодолены присущие эпохе социальные антагонизмы. Наиболее последовательно эти воззрения нашли выражение в классовой теории государства, в котором отдельный индивид вне исторической эпохи не существует; человек есть часть великого социального целого – пролетариата, а позднее – социалистического государства. Именно государство есть главная форма коллективности, оно является выразителем высшей воли, которая и обладает способностью свободного выбора. Субъектом свободы является государство, но не человек. «Существо государственного соединения заключается в том, что оно содержанием своим имеет властное осуществление общей воли. Субстанцией государства является общая воля, которая внешнего проявления достигает

в организованной силе. Задача государства сводится к сознательной целевой деятельности»⁴.

В своей гипертрофии коллективизма социал-демократическая мысль тесно смыкалась не только с представлениями Гегеля и целой плеяды органицистов, в том числе Г. Спенсера, П. Ф. Лилиенфельда, А. Шефле, Р. Вормса и др., равно как этическими учениями эпохи, но даже ницшеанством и адептами естественно-правовой доктрины, особенно Ж.-Ж. Руссо, «Общественный договор» которого оказал на нее, как порой полагают, в чем-то, возможно, даже большее влияние, чем «Капитал» Маркса⁵. Идеология социализма в своем стремлении нарисовать целостную картину общества эксплуатировала предшествующую Революции философию, приспособлявая ее к своим практическим целям, разумеется, с учетом того, что место «третьего сословия» – буржуазии – занял пролетариат.

Это едва ли можно объяснить исторической случайностью. В частности, будучи истинным представителем политических стремлений XVIII и XIX веков, Руссо в своих взглядах на будущее политического строя был во многом действительно созвучен вышедшему на политическую арену позднее марксизму. В самом деле, его приверженность революции как способу свержения тирании, народному суверенитету, всецело подчиняющую личность общей воле, в которой она растворяется, равенству не только юридическому, но и социальному, возможному лишь на основе имущественного уравнивания, неприятию частной собственности на землю, уничтожающая критика современного ему государства как формы господства богатых над бедными и вера в его низвержение силой народа и т.п. – эти и другие мотивы его произведений оказали на практику становления политической системы социализма, особенно на начальном этапе его развития в России, даже большее воздействие, чем собственно марксизм в его чистом виде.

Российской социал-демократии было близко руссоистское понимание демократии, совпадающее с понятием демократической формы правления, т.е. понятием непосредственного народоправства, соединяющего законодательство с исполнением. Это понимание основывалось на принципе политического монизма общества и социального равенства его сочленов, а также соединении в каждом гражданине властвующего и подвластного путем всеобщего участия в народном собрании. И уж совсем подарком

⁴ См.: Алексеев Н. Н. Очерки по общей теории права. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. М., 1919. С. 101, 115.

⁵ Еще в 1896 году Гаэтано Моска (1858–1941), которого часто называют основоположником европейской политологии, писал, что создателем современного социализма считается К. Маркс, но «на самом деле его интеллектуальным и моральным отцом был Руссо. Выдающихся последователей, продолжающих дело основателя, нельзя путать просто со сторонниками...». Моска Г. Правящий класс / Пер. с англ. и примеч. Т. Н. Самсоновой // Социологические исследования. 1994. № 12. С. 110.

для большевизма как течения общественной мысли была концепция «*volonte generale*» Руссо, той «общей воли», формулируемой государством, которая не совпадает с «волей всех» и через которую только и может проявляться верховная власть народа. Именно в ней самые верные последователи апостола французской революции, якобинцы, искали основания провозглашенной ими в Декларации прав человека и гражданина 1791 года «неделимости, неотчуждаемости и непогашаемости по давности суверенитета народа», который «никогда не может осуществляться во всем его объеме какой-либо частью народа, а народом в целом», а российская социал-демократия обосновывала «самодержавие народа». Но если те же якобинцы смягчили теорию общественного договора провозглашением всеобщего активного и пассивного избирательного права, срочностью всех публичных должностей и ответственностью их носителей, мы в течение многих десятилетий оставались приверженцами плебисцитарных выборов, сводившихся к одобрению народом «генерального курса».

Маркс, в отличие от Руссо, не рисовал картину политического строя будущего. Он твердо знал, что «покуда существуют другие классы, в особенности класс капиталистический, покуда пролетариат с ним борется (ибо с приходом пролетариата к власти еще не исчезают его враги, не исчезает старая организация общества), он должен принять меры насилия, стало быть, правительственные меры; если сам он еще остается классом и не исчезли еще экономические условия, на которых основывается классовая борьба и существование классов, они должны быть насильственно устранены или преобразованы, и процесс их преобразования должен быть насильственно ускорен»⁶. И ограничивался в основном указанием на те течения, которые подготавливали будущее общество. Но в отношении политических форм этого общества будущего Маркс был очень осторожен. Он отрицательно относился к «чистой» политике и был равнодушен к учреждениям и институтам, которые, казалось бы, более всего способствуют развитию демократии, а именно всеобщему избирательному праву.

Это равнодушие предопределялось логикой самого научного социализма: когда победившая революция уничтожит борьбу между государствами и ниспровергнет класс эксплуататоров, права человека и гражданина станут излишними, как станет излишним само государство; оно отомрет. Но до этого – слом буржуазного государства с его военно-полицейской и бюрократической машиной и рождение государства нового типа, прообразом которого марксисты считали просуществовавшую 72 дня Парижскую коммуну 1871 года.

Парижская коммуна рассматривалась как первый опыт государства диктатуры пролетариата, которая научным социализмом представлялась

---

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 18. С. 611.

как высшая форма демократии – демократии пролетарской, покончившей с буржуазным парламентаризмом и разделением властей и основывающейся на выборности, ответственности и сменяемости всех должностных лиц и коллегиальности управления. Вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом многократно обращался к опыту Парижской коммуны В.И. Ленин. Он считал, что Советы – «власть того же типа, какого была Парижская коммуна 1871 года», а «русские революции 1905 и 1917 годов в иной обстановке, при иных условиях, продолжают дело коммуны и подтверждают гениальный исторический анализ Маркса»⁷.

Сюжетная линия, однако, на этом не кончается. Осмысление сущности Советов, действительности совпадающих по типу с Парижской коммуной, ставят их в контекст, имеющий недвусмысленный руссоистский оттенок. В самом деле, плебисцитарные выборы, выражающие «волю всех», в процессе которых избираются делегаты, всецело связанные волей их избирателей, а не депутаты, обладающие собственной волей, неприятие всякого инакомыслия, гарантируемое правом отзыва, строго иерархическая организация публичной власти, выражающей уже государственную волю, т.е. «*volonte generale*», не совпадающую с «волей всех», которая имеет «право на все» и не ограничена правами человека или разделением властей с присущими последнему «сдержками и противовесами» – продолжение традиции якобинской диктатуры, которая черпала политическое вдохновение в «Общественном договоре».

Впрочем, главное заключается не в вопросе о приоритете Руссо или Маркса и даже не в политической форме, которую обретет будущее общество: теория марксизма дополнила принцип политической централизации, обосновывавшийся автором «Общественного договора» и вполне соответствующий разным представлениям о демократии, требованием также экономической централизации. Маркс привнес в социальную науку отождествление человека с хозяйствующим субъектом, то есть определенной экономической единицей, роль которой ограничивалась его производственной функцией. Главное – в господствующем способе производства и доминирующих в обществе отношениях собственности, неизбежно ведущих к пролетарской революции и диктатуре пролетариата, хотя, истины ради, заметим, что понятие «диктатура пролетариата» нечасто встречается в богатейшем литературном наследии К. Маркса. В огосударствлении собственности и экономики в целом, составляющих

⁷ Ленин В.И. Полн. собран. соч. Т. 33. С. 56; Т. 31. С. 146; Т. 35. С. 261. Тезис о необходимости слома буржуазного государства и его замене государством принципиально нового типа был впервые сформулирован Марксом еще в 1852 г. в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». В апреле 1871 г. он писал своему другу Л. Кугельману: «Если ты заглянешь в последнюю главу моего «Восемнадцатого брюмера», ты увидишь, что следующей попыткой французской революции я объявляю: не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а сломать ее, и именно таково предварительное условие всякой действительной народной революции на континенте». «Как раз в этом, – отмечал автор письма, – и состоит попытка наших геройских парижских товарищей». Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 172.

базис будущего общества, – объективное основание отказа от свободы в традиционном для индустриального общества ее понимании как свободы человека в его индивидуальном самоопределении и гарантии от государственного вмешательства в сферу автономии личности.

Как раз в этом взгляды Руссо и Маркса в конечном счете вполне совпадали. Им самим, а главное, последователям, долгое время были чужды представления о возможности иной свободы, кроме той, которая состоит в неограниченном подчинении индивида общей воле народа, при том, что само понятие «народ» в их понимании включало лишь те слои населения, «которые по своему объективному положению способны участвовать в решении задач прогрессивного развития общества». Но, если в одном случае эти взгляды выводились из принципа народного суверенитета, то в другом – покоились на способе производства и форме собственности, которые неизбежно должны были придти на смену капитализму.

Иными словами, большевизм, не признавая это открыто, соединил воедино Руссо и Маркса. Его не смутило, казалось бы, вполне либеральное понимание «Общественного договора», воплощающего социальный мир, свободу и политическое согласие, как его воспринимали современники. Большевистская партия оказалась прозорливей большинства из них, она разглядела за пасторальными картинами Руссо новый абсолютизм, приходящий на смену монархии, – основанное на «единстве воли» «самодержавие народного суверенитета», атрибутивным свойством которого выступало нескрываемое социальное насилие⁸.

Но, в отличие от Руссо, как, впрочем, и от многих других политических писателей, в учении научного социализма, как он был сформулирован его наиболее выдающимися представителями, личность оказалась не только растворена в народе, но она одновременно есть явление, подчиненное способу производства и форме собственности. Человек есть не причина, но следствие. Его юридическая свобода определяется сообразно потребностям производства, а что касается политической свободы, то она предоставляется личности в той мере, в какой эта свобода употребляется для поддержки данного способа производства и всесильного государства, являющегося монопольным собственником средств производства.

* * *

Россия вошла в XX век, имея налицо все признаки, присущие монополистическому капитализму. При этом сохранялись значительные пережитки феодально-крепостнических пережитков. В силу этого в данный период отечественной истории одновременно развивались два крупных общественных конфликта – между условиями и потребностями индустри-

⁸ «...Мы насилие не прячем, потому что мы сознаем, что из старого общества без принуждения отсталой части пролетариата мы выйти не можем». Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 308.

ального общества и давно устаревшими феодально-крепостническими отношениями с одной стороны и трудом и капиталом, развивавшимся в рамках собственно промышленного капитализма, – с другой. Причем первый из них имел наиболее глубокий и острый характер.

В связи с этим на передний план действительно выступала борьба за устранение остатков крепостничества и установление демократии в ее традиционном для Западной Европы понимании в процессе буржуазно-демократического переустройства общества. Причем, уже на этом этапе исторического развития России, большевистская партия во главе с В. И. Лениным рассматривала буржуазно-демократическую революцию лишь как часть революционного процесса, программируя дальнейшее ее развитие и переход к борьбе за диктатуру пролетариата и утверждение социализма; что же касается демократических институтов, то они выступали не целью, а средствами такой борьбы.

Самым значительным из пережитков докапиталистических порядков российские социал-демократы считали сохранение самодержавия. «По самой природе своей оно враждебно всякому общественному движению и не может не быть злейшим противником всех освободительных стремлений пролетариата» – утверждалось в первой программе РСДРП, принятой в 1903 году⁹. Поэтому предусматриваемые ею меры сочетали в себе задачи общедемократической борьбы против абсолютизма за замену его демократической республикой с борьбой за социализм. Этим предопределялся двоякий характер программных требований РСДРП: одни из них были обусловлены конкретной исторической обстановкой и носили преходящий характер, другие составляли содержание генерального направления политики партии и с большей или меньшей степенью определенности отражались в конституционном законодательстве Советского государства на всех этапах его развития¹⁰.

В ходе подготовки программы РСДРП, принятой в 1903 году, В. И. Ленин убеждал, что новое общество будет создаваться «для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества»¹¹. В качестве основных экономических и социальных предпосылок осуществления этой цели были названы ликвидация частной собственности на средства производства и обращение ее в общественную, введение планомерной организации общественно-производительного процесса и уничтожение деления общества на

⁹ См.: Степанов М. П. К вопросу об истории Программы РСДРП. М., 1947; О Программе КПСС. М., 1961. Ч. 1; Москалев М. А. Разработка В. И. Лениным Программы Коммунистической партии. М., 1961; Касрадзе К. М. Очерк истории Программы КПСС. М., 1962; Ключко В. Ф. Марксистско-ленинское учение о партии и его развитие в Программах КПСС. М., 1966; Воронович А. А. История Программы КПСС. М., 1979.

¹⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференция и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 1. 1898–1917. – 9 изд., доп. и испр. М., 1983. С. 62.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 232.

классы. Тем самым формулировались теоретические основы будущего огосударствления общества, в котором для персонализации человека не оставалось пространства.

Но своей ближайшей политической задачей партия поставила низвержение царского самодержавия. На смену монархии должна была прийти демократическая республика, конституция которой обеспечила бы прежде всего «самодержавие народа, т.е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа и образующего одну палату» и демократические права и свободы граждан. Так определялась программой ближайшая цель партии (программа-минимум).

На этом этапе политического развития России парламентаризму еще не был подписан смертный приговор. Учитывая, что конституционные идеи были достаточно сильны среди политических партий и течений общественной жизни¹², РСДРП провозгласила ряд общедемократических требований. В частности, была выдвинута задача после революционного свержения монархии конституционно обеспечить всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании для всех граждан и гражданок, достигших двадцати лет; право каждого избирателя быть избранным во все представительные учреждения; право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства, а также уничтожение сословий и полную равноправность всех граждан независимо от пола, религии, расы и национальности, право пользоваться родным языком. Наряду с этим, в программе партии содержалось требование об учреждении двухгодичного парламента и установлении жалования народным представителям, призванного освободить избранных от материальной нужды. «Самодержавие народа» сводилось по существу к всеобщему и равному избирательному праву и воплощалось в парламентской демократии. Как писал в это время Я. М. Магазинер, идея самодержавия народа содержит в себе два коренных принципа: один, отрицательный, заключается в решительном и торжественном отрицании самодержавия монарха, другой, положительный принцип, утверждает, что суверенитет принадлежит народу. Самодержавие уничтожается как помеха и посягательство на власть народа, но фактически монархия упраздняется лишь как препятствие для непосредственного господства буржуазии. В связи с этим, подобная идея «становится тем великим боевым лозунгом, который уже в недрах буржуазного общества создает опорные пункты политического и классового воспитания пролетариата» и только в будущем обществе «эта идея явится действительной основой всеобщего равенства, свободы и благосостояния»¹³.

¹² См.: Полный сборник платформ всех политических партий с приложением Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и Всеподданнейшего доклада графа Витте. М., 2001.

¹³ Магазинер Я. М. Самодержавие народа (Опыт социально-политической конструкции суверенитета). СПб., 1905 (1907, 1910). С. 10, 22–23.

Но, если в высказываниях молодого ученого было больше романтики, чем научной логики, РСДРП хорошо сознавала, что путь в «могильщики капитализма» требует расчистки оставшихся от феодализма препон, и потому обещала в будущем конституционное закрепление неограниченной свободы совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов. В программе нашла выражение и идея «широкого местного самоуправления, а также областного самоуправления для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения».

РСДРП требовала в будущей конституции России закрепить и определенные гарантии личной свободы и безопасности граждан: неприкосновенность личности и жилища, свободу передвижения и промыслов, отделение церкви от государства и школы от церкви, право каждого лица преследовать в обычном порядке перед судом присяжных всякого чиновника, ряд демократических принципов организации и деятельности судебных органов.

Не ограничиваясь общедемократическими положениями, заманчиво звучащими для «достаточных» слоев населения, партия выдвинула и такие социальные требования и лозунги, осуществление которых должно было обеспечить «охрану рабочего класса» «от физического и нравственного вырождения», а также способствовать «развитию его способностей к освободительной борьбе»¹⁴. Речь, в частности, шла об ограничении рабочего дня восемью часами в сутки для всех наемных рабочих; установлении законом еженедельного отдыха, продолжающегося не менее 42 часов, для наемных рабочих обоего пола во всех отраслях народного хозяйства; полном запрещении сверхурочных работ; воспрещении по общему правилу ночного труда; государственном страховании рабочих на случай старости и полной или частичной потери способности к труду за счет специального фонда, составленного путем особого налога на капиталистов; воспрещении выдачи заработной платы товарами и запрещении предпринимателям делать денежные вычеты из заработной платы. Привлекательно звучало требование ввести «даровое и обязательное общее и профессиональное образование для всех детей обоего пола до 16 лет; снабжение бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства»¹⁵.

Одновременно предусматривались определенные организационные и юридические гарантии охраны труда и обеспечения его безопасности в форме назначения достаточного количества фабричных инспекторов, надзора органов местного самоуправления за санитарным состоянием отводимых рабочим жилых помещений, учреждения правильно организованного санитарного надзора на всех предприятиях, бесплатной медицинской помощи для рабочих за счет предпринимателей с сохранением содержания во время болезни; учреждения во всех отраслях

¹⁴ Там же. С. 62–63.

¹⁵ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 1. С. 62.

народного хозяйства промысловых судов, составленных поровну из рабочих и предпринимателей; учреждения бирж труда; установления уголовной ответственности нанимателей за нарушение законов об охране труда.

Не обошла вниманием первая программа вопрос о создании гарантий для работающих женщин и охране детского труда. Партия требовала воспрещения предпринимателям пользоваться трудом детей в школьном возрасте (до 16 лет) и ограничения рабочего времени подростков (16–18 лет) шестью часами; воспрещения женского труда в тех отраслях, где он вреден для женского организма, освобождения женщин от работы в течение четырех недель до и шести недель после родов с сохранением заработной платы в обычном размере за все это время; устройства при всех заводах, фабриках и других предприятиях, где работают женщины, яслей для грудных и малолетних детей и освобождения кормящих матерей от работы не реже чем через три часа на время не менее, чем полчаса.

Социальная структура общества, громадное преобладание крестьянского населения, в поддержке которого нуждалась РСДРП, обусловили то внимание, которое она демонстрировала по отношению к крестьянству. «В целях устранения остатков крепостного порядка, которые тяжелым гнетом лежали непосредственно на крестьянах, и в интересах свободного развития классово-борьбы в деревне» РСДРП требовала прежде всего отмены выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих на крестьянство как податное сословие; отмены всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его земель; возвращении крестьянам денежных сумм, взятых с них в форме выкупных и оброчных платежей, а также конфискации с этой целью монастырских и церковных имуществ, равно как имений удельных, кабинетских и принадлежащих лицам царской фамилии, обложения особым налогом земель землевладельцев-дворян, воспользовавшихся выкупной суммой. Партия потребовала обращения сумм, добытых этим путем, в особый народный фонд для культурных и благотворительных нужд сельских обществ.

Эти меры должны были служить устранению остатков крепостничества и установлению демократии в ее традиционном для Западной Европы понимании в смысле парламентарной республики и общедемократических прав и свобод, а также социальных гарантий в процессе буржуазно-демократического переустройства общества. Но это была лишь ближайшая цель. Большевицкая партия во главе с В. И. Лениным рассматривала будущую буржуазно-демократическую революцию лишь в качестве части революционного процесса, программируя дальнейшее его развитие и переход к борьбе за диктатуру пролетариата; что же касается демократических институтов, они выступали не целью, но лишь средствами такой борьбы. Ее конечная цель – победа социалистической революции

и установление диктатуры пролетариата для построения социализма («программа-максимум»).

Таким образом, задолго до пришествия Октября 1917 года партия большевиков разработала принципиальные политические основы конституционного строительства России, которые развивались и серьезно корректировались под влиянием политической ситуации в обществе и ее теоретического осмысления. Ключевая исходная установка большевистской партии определялась непоколебимой верой во «всеобщий принцип развития» и неизбежность смены формаций, которая осуществляется как революционный переворот в политической надстройке и производственных отношениях. Марксова теория революции была дополнена большевиками тезисом о возможности победы социалистической революции первоначально в немногих странах или даже одной стране¹⁶. Соответственно еще до Октября 1917 года партия пришла к выводу о необходимости пересмотра своей программы в направлении «исправления положений и параграфов о государстве в духе требования не буржуазно-парламентарной республики, а демократической пролетарско-крестьянской республики»¹⁷; которая, по мысли В. И. Ленина, должна быть «революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства». В ней, однако, уже не было места парламентаризму и буржуазно-демократическим правам личности.

* * *

В. И. Ленин писал, что коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве¹⁸, «ни обойти, ни отодвинуть вопроса о власти нельзя, ибо это именно основной вопрос, определяющий все в развитии революции, в ее внешней и внутренней политике»¹⁹. Революция была честна. Она действительно законодательно закрепила ряд своих программных положений. Уже в Обращении II Всероссийского съезда Советов к «Рабочим, солдатам и крестьянам!» от 7 ноября (25 октября) 1917 года декларировался переход государственной власти к «Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок». В этом обращении одновременно были определены некоторые основные направления социально-экономического и политического обновления России и решения узловых проблем внутренней и внешней политики нового строя. В частности, советская власть, подчеркивалось в данном акте, предложит немедленный демократический мир всем народам и немедленное перемирие на всех фронтах. Она обе-

¹⁶ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 354–355.

¹⁷ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 1. С. 510.

¹⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 145.

¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 200.

спечит безвозмездную передачу помещичьих, удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов, отстоит права солдата, проведя полную демократизацию армии, установит рабочий контроль над производством, обеспечит всем населяющим Россию нациям подлинное право на самоопределение, озаботится доставкой в города хлеба и предметов первой необходимости. С учетом популярности идеи созыва Учредительного собрания, Обращение провозгласило, что советская власть обеспечит своевременный его созыв.

В самом деле, мировая война особенно остро поставила вопрос об обеспечении мира. Крестьянство мечтало о земле. «Мир – народам, земля – крестьянам!» – этот лозунг большевистской партии получил широчайший отклик. В связи с этим не случайно, что именно Декрет о мире, принятый II Всероссийским съездом Советов 8 ноября (26 октября) 1917 года, явился первым внешнеполитическим актом советской власти. Впервые в мировой истории великое государство обнародовало свою внешнеполитическую платформу, провозгласившую высшей нормой межгосударственных отношений мир и сотрудничество между народами и государствами. Всем воюющим странам и их народам было предложено начать немедленные переговоры о справедливом демократическом мире. Советское государство заявило о своем отказе от агрессивной захватнической войны, которая была объявлена тягчайшим преступлением против человечества, провозгласило право наций на самоопределение, отмену тайной дипломатии и опубликование тайных договоров, неправомочность аннексий и контрибуций. Мировой порядок, в котором сильный мог безнаказанно пожирать слабого, уже не мог оставаться прежним.

Одновременно с Декретом о мире был принят Декрет о земле, составленный на основании Крестьянского наказа о земле. В Декрете подчеркивалось: «Все содержащееся в этом наказе как выражение безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России объявляется временным законом, который впредь до Учредительного собрания проводится в жизнь по возможности немедленно, а в известных своих частях с той необходимой постепенностью, которая должна определяться уездными Советами крестьянских депутатов».

По этому Декрету, явившемуся первым актом, направленным на национализацию частной собственности, крестьяне безвозмездно получили 150 млн. десятин земли и освободились от уплаты 3 млрд. долга банкам и помещикам, а также от уплаты 700 млн. рублей золотом за аренду земли ежегодно. В. И. Ленин имел в связи с этим основание сказать: «В крестьянской стране первыми выиграли, больше выиграли, сразу выиграли от диктатуры пролетариата крестьяне вообще»²⁰.

²⁰ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 276. См. также: История советского крестьянства. В пяти томах. Т. 1. Крестьянство в первое десятилетие Советской власти 1917–1927. М., 1986.

Советская власть предприняла ряд законодательных мер общесоциального характера. 11 ноября (29 октября) 1917 года было принято постановление СНК «О восьмичасовом рабочем дне», в тот же день обнародовано обращение Наркомата просвещения «О народном просвещении», в котором содержалось видение задач государства в области народного образования. Вскоре было опубликовано Правительственное сообщение «О социальном страховании», отразившее рабочие страховые лозунги. ВЦИК утвердил Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов и принял Положение о рабочем контроле и др.

Бесспорно, огромное значение для многонациональной страны, в которой бок о бок проживали 194 национальности, народности и этнические группы, имела Декларация прав народов России от 15(2) ноября 1917 года. Закрепив основные и действительно демократические принципы национальной политики, прежде всего равенство и суверенность народов России и право народов России на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства и др.²¹, она способствовала преодолению хаоса, посеянного самой Революцией, объявившей Российскую империю «тюрьмой народов», и заложила основы будущего объединения народов одной шестой части планеты в великое государство, но одновременно заложила под него сработавшую десятилетия спустя мину.

Таким образом, уже в первых актах советской власти юридически провозглашались многие политические и социальные требования, содержащиеся в программе большевиков. Но они касались лишь отдельных аспектов устройства общества. Манифестом нового социального строя, явившимся одновременно концентрированным выражением Великой российской революции, явилась принятая в январе 1918 года Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, подобно тому, как манифестом Великой французской революции явилась Декларация прав человека и гражданина 1789 года. Но если смысл французской Декларации заключался в утверждении в организации общества персонцентризма, российская Декларация знаменовала пришествие эпохи системоцентризма. Именно Декларация 1918 года, включенная позднее в Конституцию РСФСР в качестве ее первого раздела, явилась моделью коллективистской организации социума, которая с фанатичной последовательностью, не терпящей никакого сопротивления и не останавливающейся перед насилием, осуществлялась одержавшей победу партией. За «трудящимся и эксплуатируемым народом» Революция не видела человека в его индивидуальном бытии.

Юридически закрепляя результаты Революции и подводя определенные итоги законодательной деятельности, Декларация объявила Россию

²¹ См.: Съезды Советов в постановлениях и резолюциях. М., 1935. С. 30.

республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, закрепила ее федеративное национально-государственное устройство, провозгласила «суверенитет трудящегося народа и устранение от власти эксплуататоров». Самодержавие народа вылилось в диктатуру пролетариата, далекую от политической буколки, рисовавшейся в недавнем прошлом. В статье IV Декларации подчеркивалось: «III Всероссийский съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов полагает, что теперь, в момент решительной борьбы с эксплуататорами, эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству – Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»²². Именно Советы выступали, во всяком случае на начальном этапе советской государственности, политической формой диктатуры пролетариата.

Декларация подтвердила все ранее предпринятые меры по национализации частной собственности, декреты советской власти о рабочем контроле и Высшем Совете Народного Хозяйства, об образовании Красной Армии и о разоружении имущих классов, развила внешнеполитические установки Советского государства, заложенные в Декрете о мире и др. Одновременно она обладала определенным программным значением, ибо определяла главные задачи деятельности Советов и других государственных органов. Основной задачей советской власти – как раз в этом она видела рецепт окончательного устроения общества – было провозглашено «уничтожение эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победа социализма».

Таким образом, законодательство первых восьми месяцев существования Советской Республики конституировало сосредоточение полноты власти в руках Советов, формально выступавших органами пролетарской диктатуры, и легализовало возникновение Советского государства; юридически оформило огосударствление собственности и средств производства и слом существовавшего способа производства; декларировало суверенитет народов России и учредило федерацию; провозгласило мирное

---

²² СУ 1918 г. № 15. Ст. 215. (Цитируется по второму изданию Собрания узаконений, ибо в третьем издании данный документ приведен лишь в тексте Конституции РСФСР и в него внесены некоторые поправки и уточнения, в том числе структурного характера. – См.: СУ 1918 г. № 51. Ст. 582). Принятию Декларации предшествовал роспуск избранного в ноябре 1917 г. Учредительного собрания, отказавшегося обсуждать ее проект, осуществленный Декретом ВЦИК от 6 января 1918 г. «О роспуске Учредительного собрания»: «Учредительное Собрание, которое должно было явиться венцом буржуазно-парламентарной республики, не могло не встать поперек пути октябрьской революции и Советской власти. Трудящимся классам пришлось убедиться на опыте, что старый буржуазный парламентаризм пережил себя, что он совершенно несовместим с задачами осуществления социализма, что не общенациональные, а только классовые учреждения (каковы Советы) в состоянии победить сопротивление имущих классов и заложить основы социалистического общества». См. подробно: Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997.

существование основой внешней политики Советского государства, закрепило некоторые права и свободы, объем которых находился в прямой зависимости от классовой принадлежности человека, а сами они служили его социализации. Тем самым была подготовлена известная законодательная база для разработки первой советской конституции – Конституции РСФСР, которая была принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 года²³.

Она предшествовала второй программе партии, призванной определить социальные, экономические и политические ориентиры нового этапа исторического развития, что «усилило программно-политическое значение Конституции»²⁴. В ней содержался ответ на «коренной вопрос» Революции. Именно в этот исторический период «были заложены основы и сформирована система всех его важнейших институтов и, следовательно, основы и система советского государственного права как отрасли»²⁵. Как писал в данном контексте автор одного из самых известных курсов советского государственного права А.И. Лепешкин, принцип суверенитета народа теперь воплощен: а) в государственном руководстве советским обществом со стороны рабочего класса (его диктатуре); б) в Советах депутатов трудящихся – как политической основе государства, как форме организации власти; в) в господстве социалистической системы хозяйства и социалистической собственности на основные орудия и средства производства, составляющих экономическую основу государственного суверенитета народа; и г) в руководящей и направляющей роли коммунистической партии в советской государственной системе – как важнейшей политической гарантии полновластия народа²⁶.

Иными словами, доведенный до крайности этатизм, заключающийся в абсолютизации роли государства, оказывающего решающее воздействие на все сферы общественной жизни и индивидуальной бытийности человека, который в экономическом материализме получил новое звучание и дополнительное обоснование, оказался легализован в Конституции РСФСР в качестве фундаментального начала устройства нового общества. Он корректировался, но никогда не ставился под сомнение.

Великий порыв к народной свободе сопрягался с восстановлением строя абсолютного государства. Казалось бы, чуждый провозглашенному

²³ См.: Гурвич Г.С. История Советской Конституции. М., 1993; Ронин С.Л. Первая Советская Конституция (к истории разработки Конституции РСФСР 1918 г.). М., 1948; Чугаев Д.А. Первая Конституция Советского государства. М., 1949; Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 года. (изд. 2-е, перераб.) М., 2003.; Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. 2-е изд., доп. М., 1987; Портнов В.П., Славин М.М. Становление и развитие конституционного законодательства Советской России 1917–1920 гг. / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. М., 1987.

²⁴ Шеремет К.Ф. Программа КПСС и советская Конституция // Советское государство и право. 1986. № 5. С. 6.

²⁵ Лукьянова Е.А. Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917–1993). М., 2000. С. 42.

²⁶ Лепешкин А.И. Курс советского государственного права. Т. 1. М., 1961. С. 182.

Революцией принципу свободы, он объективно ферментировался отрицающим индивидуальность человека и частные интересы коллективизмом в его самых гипертрофированных формах, охватывавших социально-политическую и духовно-культурную сферы, и государственным социализмом, покрывавшим всю экономическую сферу. Для гражданского общества места не оставалось.

Удивительную метаморфозу претерпел сам принцип «самодержавия народа», который в программе РСДРП означал парламентскую республику. Теперь В. И. Ленин, подобно провозвестникам Великой французской революции и следуя примеру Парижской коммуны, резко выступал против парламентаризма, которому противопоставлял Советы – «максимум демократизма для рабочих и крестьян». В них он видел «возникновение нового, всемирно-исторического типа демократии, а именно: пролетарского демократизма или диктатуры пролетариата»²⁷. Тем самым между демократией в ее истолковании на первом этапе советского строительства и диктатурой был поставлен знак равенства; отвлеченные начала свободы и равенства в их традиционном понимании, провозглашавшиеся на заре большевизма, потерпели поражение в столкновении с логикой классово-борьбы. «Самодержавие» народа оказалось в западне диктатуры пролетариата²⁸. Именно этой логикой «самодержавия народного суверенитета», теперь враждебного представительному правлению и тем одинаково созвучной «Общественному договору» Руссо и опыту Парижской коммуны, была продиктована статья 10 Конституции РСФСР 1918 года, согласно которой власть принадлежит «всему рабочему населению страны».

В политической сфере демократия социализма не смогла предложить «трудящемуся и эксплуатируемому народу» ничего, кроме делегации своего суверенитета Советам, которые квалифицировались как политическая основа государства, хотя в партийном по своей природе государстве они были не более, чем инструментом реализации партийной политики. При этом такая делегация, формой которой выступали плебисцитарные выборы, была дополнена институтом отзыва делегатов (депутатов), что в практике советского периода отечественной государственности оказалось превосходным инструментом обеспечения политической лояльности депутатского корпуса и утверждения монопартийности, ибо исключало из публично-властной сферы всякое инакомыслие.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 147.

²⁸ Осмыслению истинного смысла языка эпохи помогает замечание английского философа и писателя Бертрана Рассела, посетившего Советскую Россию в 1920 году: «Когда русский коммунист говорит о «диктатуре», он понимает это слово буквально, но когда он говорит о «пролетариате», то использует это слово в некоем «пиквикском смысле», то есть в отличном от общепринятого смысла. «Он имеет при этом в виду «классово сознательную часть пролетариата, т.е. коммунистическую партию». Рассел Б. Практика и теория большевизма. Пер. с англ. / Институт выборов в Советском государстве 1918–1937 гг. в документах, материалах и воспоминаниях современников. М., 2010. С. 522–523.

В сфере экономики основным конституционным принципом экономического регулирования стало «установление основ и общего плана всего народного хозяйства и отдельных его отраслей», вылившееся в строжайшую экономическую централизацию. Государственное управление производством и распределением отдельной личности, ее инициативе и предприимчивости в этих отношениях места не оставляло. Во взаимоотношениях с всесильным государством она оказывалась незначительной величиной, над которой всецело властвует государство.

Именно гипертрофия коллективного начала в организации социума и вынужденная покорность человека материальным условиям жизни обуславливала ничтожность личного начала и нивелировку индивидуальности по общему шаблону. Государственная организация производства и распределения продуктов стала безмерным источником власти государства, которое своим воздействием покрывало все сферы общественной жизни.

Системоцентристская модель организации общества, сформированная социальной практикой Революции, не могла ограничиться обобщением собственности или строго иерархической организацией политической системы, ее функционирование требовало одномерности духовно-культурной сферы, будь то политические взгляды, философия, литература, искусство и пр. Большевистская партия отдавала себе отчет, что сознание определяет бытие ничуть не меньше, чем бытие определяет сознание. Идеальное устройство общества, образующего живой организм, требовало унификации общественного сознания и подавления человеческой субъективности. В результате – насильственная высылка из страны осенью 1922 года деятелей науки, искусства и литературы («философские пароходы»), не разделявших идеологических постулатов большевизма, гонения на церковь, культурная революция, эзотерика которой заключалась в подчинении общественного сознания марксистской идеологии. «*Tabula rasa*» народного сознания не может быть испорчена чуждыми духу Революции письменами.

Утверждению идеологического монизма активно служила находившаяся в процессе становления юриспруденция социализма. Огромный пласт мировой и отечественной гуманистической правовой мысли в лице ее самых видных представителей оказался отвергнут и предан забвению. Рядом с одержавшим победу мировоззрением, явившимся основанием «высшего типа государства и права», не нашлось места для естественно-правовой теории с ее обоснованием прирожденных прав человека, равно как для теории правового государства или верховенства права, которые могли бы поставить под сомнение самое фундаментальное основание Советского государства – диктатуру пролетариата.

Именно она выступала главным средством социального переустройства общества на новых, разумеется, единственно справедливых началах. В ленинской интерпретации государство диктатуры пролетариата есть «центра-

лизованная организация силы, организация насилия», необходимая «для подавления сопротивления эксплуататоров и для руководства громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариатом» в деле «налаживания социалистического хозяйства».

Диктатура как нельзя лучше выражала природу большевистской интерпретации теории научного социализма на этапе ее практической реализации. Но она отражала и социокультурный опыт самой России, умноженный принципом «демократического централизма», заимствованным Советским государством из опыта партии большевиков. Самодержавие монарха в конечном счете трансформировалось в самодержавие вождя. Что же касается народа, то он в действительности стал объектом небывалого социального эксперимента по «единственно верному и окончательному устройению общества»²⁹.

Революция, провозглашавшая высокие цели, пришла к установлению тирании. Власть, не связанная законом и правом, и личность как правовое ничто на десятилетия предопределили характер взаимоотношений государства и человека, лишенного своей индивидуальности. Несомненно, что в этом была и предопределенная эпохой, жестокая логика социального противостояния. Порядок, которым Россия жила столетия, не мог сдаться без сопротивления. Братоубийственная гражданская война и иностранная военная интервенция, сопровождавшиеся коллапсом экономики, грозили гибелью не только созданным Революцией учреждениям, но и самому принципу государственной бытийности России. Время и обстоятельства требовали сосредоточения власти. Диктатура, суровая, замешанная на крови, не приемлющая традиционных демократических институтов властвования, рассматривалась партией большевиков в качестве единственного способа подавления внутренних врагов и отпора смертельной для отечественной государственности опасности извне.

* * *

В. И. Ленин никогда не писал о правах человека, соответственно это понятие не было известно конституционным актам Революции. И это не случайность, но результат глубокого осмысления большевистской партией данного феномена Нового времени, которому в системе преследуемых Революцией целей и декларируемых ею ценностей действительно не было

---

²⁹ В. И. Ленин, вопреки активно эксплуатировавшемуся в период борьбы с «культом личности» тезису о «чуждости марксизму-ленинизму культа личности», его «противоречии природе социалистического строя» (Постановление ЦК КПСС О преодолении культа личности и его последствий // КПСС в резолюциях и решениях... Т. 9. С. 11–129.), решительно опроверг «очень распространенное мнение», будто единоличная диктаторская власть несовместима ни с демократизмом, ни с советским типом государства, ни с коллегиальностью управления. Нет ничего ошибочнее этого мнения». (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 198–199.). Напротив, волю класса «иногда осуществляет диктатор, который иногда один более сделает и часто более необходим». (там же. С. 200–201.). См. также: Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

места. Как известно, в практическом конституционализме права человека неразрывно связаны с индивидуализмом как основой государственного устройства общества, в котором сильный пожирает слабого, и выдвинутым демократическими революциями XVII–XVIII веков принципом правового государства, власть которого ограничена правами человека. Ими очерчивается пространство индивидуальной автономии личности и пределы, в которые публичная власть не вправе вторгаться без риска оказаться перед судом, который своим воздействием покрывает всю публичную сферу³⁰.

Что же касается учения научного социализма, как и иных коллективистских концепций, при всей разности их исходных позиций и предлагаемых решений они были едины в признании свободы личности лишь частью свободы, которой располагает общество в целом: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»³¹. Именно общество является единственным источником права, что же касается отдельного человека, то он получает свои права от общества, которое, посредством государства даровав индивиду права, может в любой момент отнять их.

Человеку не были оставлены даже самые потаенные уголки, включая семью и брак. Абсолютный монарх уступил место государству без меры и границ. Субъектами свободы стали коллектив, общество, государство. Что же касается личности, то ее ценность определялась лишь исполнением возложенной на нее социальной функции, выполнение которой должно было обеспечиваться всей мощью государства. Могущество государства ничем не могло ограничиваться. Право свободно думать и право творить свободу, устанавливая ее границы, новый общественный строй всецело оставлял на усмотрение власти; общество должно было удовлетворяться равенством в отношении средств производства и справедливостью в распределении социальных и материальных благ в понимании этого строя.

По мысли В. И. Ленина права и свободы носили классовый, а не общечеловеческий характер, соответственно написанный им важнейший акт, сформулировавший фундаментальные начала государственности нового типа, назывался Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Причем логика классовой борьбы, составляющая идейное основание Революции, четко определяла содержание понятия «народ» и границы распространения прав и свобод – трудящийся или эксплуататор. Как раз в связи с этим закономерно, что программа РКП(б), принятая VIII съездом партии в 1919 году, решительно отвергла «глубоко вкоренившиеся предрассудки насчет безусловного характера буржуазных прав и свобод». Вместе с программой-минимум, существенную часть которой составляли

³⁰ См.: Эбзеев Б. С. Конституционный правопорядок и основные права: юридическая природа и особенности государственной защиты // Государство и право. 2016. № 10.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 104.

эти права и свободы, они остались в прошлом. Демократия, говорилось в новой партийной программе, была и остается классовым явлением, служит интересам определенного класса или классов и социальных групп. «Если не издеваться над здравым смыслом и над историей, то ясно, что нельзя говорить о «чистой демократии», пока существуют различные классы, а можно говорить только о классовой демократии»³².

Революции были чужды представления о возможности иной свободы, кроме той, которая состоит в неограниченном подчинении индивида общей воле народа. Свобода выбора уступила место свободе долженствования.

Эти представления выводились из принципа «самодержавия народа» и способа производства и формы собственности, которые пришли на смену капитализму и не порождали теперь антагонизма между носителями прав. Основой юридического равенства сочленов общества является теперь не равное достоинство людей, из которого проистекают гражданские и политические права, а революционное преодоление антагонизма между трудом и капиталом и равенство в отношении средств производства.

Именно этой логикой классового противостояния предопределялось решение Конституцией вопроса о равенстве. При том, однако, что наша история так распорядилась, что Россия, оставшаяся за пределами воздействия конституционных идей Французской революции в части равенства граждан перед законом и судом, вплоть до Великой российской революции 1917 года сохраняла сословное деление, сложившееся в феодальную эпоху. В связи с этим одним из первых актов Советской власти явился Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов от 11(24) ноября 1917 года, которым «все существовавшие доньше в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно все гражданские чины» были «упразднены». «Всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр.), титулы (княжеские, графские и пр.) и наименования гражданских чинов (тайные, статские и проч. советники) уничтожаются и устанавливается одно общее для всего населения России наименование граждан Российской Республики». Конституция особо оговорила равноправие граждан независимо от их расовой и национальной принадлежности, запретила установление или допущение каких-либо привилегий на этом основании, а равно какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия.

Однако Революция, в отличие от своей французской предшественницы, не ограничилась упразднением сословного деления общества и провозглашением равенства гражданского состояния трудящихся. В марксистско-ленинском понимании равенство подчинено социальной необходимости точно так же, как и свобода. Оно связано не только с действующим

---

³² КПСС в резолюциях и решениях... Т. 2. С. 76.

правопорядком, но и с экономической основой, на которой базируется общество, его политическим устройством и духовно культурными принципами. Революция видела свою задачу не «просто» в утверждении равенства прав, т.е. утверждении равного политического и социального значения трудящихся, но в упразднении социального неравенства, требующего революционного преодоления противоречия между трудом и капиталом. Только упразднение частной собственности приведет к освобождению всего общества от порождаемой ею эксплуатации, и на место формального равенства сочленов общества как участников гражданского оборота привнесет действительное равенство общественного положения.

Именно российская Революция впервые в европейском конституционализме поставила проблему равенства в ее социально-экономическом контексте и тем самым оказала существенное влияние на развитие европейского и глобального конституционализма. Не ограничиваясь сферой правопорядка, она распространила категорию равенства на экономическую и производные от нее сферы. Но, если для предтеч Великой французской революции дорога к равенству перед законом и судом лежала через развалины сословного строя и цеховщины и ограничивалась ею, не ставя при этом под сомнение классовое расслоение общества, организаторы Великой российской революции основанием, на котором формируется социальное равенство, считали ликвидацию самого института частной собственности и преодоление классового расслоения общества. Как писал в данном контексте В.И. Ленин, «... равенство есть пустая фраза, если под равенством не понимать уничтожения классов. Классы мы хотим уничтожить, в этом отношении мы стоим за равенство. Но претендовать на то, что мы сделаем всех людей равными друг другу, это пустейшая фраза и глупая выдумка»³³.

В связи с этим Конституция делала акцент на равенстве прав граждан в их отношении к средствам производства. Она не ставила под сомнение принцип равенства прав трудящихся, а также равенства обязанностей для всех, которое отягощалось дополнительными повинностями для нетрудящихся, но считала его лишь частью общего принципа равенства прав «трудящегося и эксплуатируемого народа» во всех сферах жизни общества; при этом грань между правом как возможностью и его осуществлением благодаря материальным и политическим гарантиям, во многом преодолевается. Тем самым принципиально обновляется природа конституционных прав. Права граждан в Конституции РСФСР выступали не пределами свободы индивида, которые ненарушимы государством, это не права защиты от государства, но программа участия их носителя в преобразовании условий общественной жизни и форма такого участия. Одновременно в этих правах, образующих единство с их обязанностями

³³ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 38. С. 353.

перед обществом, выражалась также ответственность за все дела общества; они были направлены на установление новой системы общественных связей³⁴.

На этом социально-экономическом и юридическом фундаменте возвышался институт основных прав граждан. Они были закреплены во втором разделе Конституции «Общие положения Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». Причем такому закреплению предшествовала острая борьба между членами Конституционной комиссии. В частности, М. А. Рейснер, под редакторством которого был разработан один из проектов Основного закона, вошедший в окончательный вариант Конституции, писал в этот исторический период: «Советская Конституция не должна содержать перечня прав граждан; если трудовой народ находится у власти, то ясно, что он использует эту власть в своих интересах»³⁵. Иными словами, свобода участия в осуществлении общественно необходимого не нуждается в субъективных правах.

Таким образом, общество – цель, индивид – средство; он не может быть вооружен субъективными правами против общества как целостного социального организма, в котором сам занимает отведенное ему место и выполняет уготованную социальную роль. «Трудовой народ» имеет право «на все». Одновременно являясь носителем суверенитета и объектом властвования, он не нуждается в защите себя от самого себя же как носителя власти.

Характерный для эпохи органицизм, нашедший благодатную почву в доведенном до крайности коллективизме и идеологеме марксизма о неизбежном отмирании государства, одержал победу и в части конституционного устройства статуса личности. Конституционные права как выражение свободы в традиционном для индустриального общества понимании как свободы человека в его индивидуальном самоопределении и гарантии от государственного вмешательства в индивидуальную автономию личности, как это провозглашалось в программе РСДРП, уже не вписывались в привнесенный Великой российской революцией тип взаимодействия индивида и общества.

Как с удовлетворением писал один из исследователей той эпохи, «по вопросу о субъектах прав» Советское государство «отбрасывает прежде всего основное положение буржуазной науки о прирожденных, естественных правах личности и о противополжении личности государству». И далее, касаясь гражданского законодательства, составляющего краеугольную нормативную базу гражданского общества, подчеркивал, что советское законодательство предоставляет всем гражданам правоспособность «в целях развития производительных сил страны. Следовательно, государство

³⁴ См.: Ханай Г. Социальное право и личность / Пер. с немец. М., 1971. С. 251.

³⁵ См.: Цит. по: Куприц Н.Я. Из истории науки советского государственного права. М., 1971. С. 65.; Гойхбарг А.Г. Основы частного имущественного права (очерки). М., 1924. С. 12–14.

наделяет отдельную личность правами не в интересах личности, а в интересах всего рабоче-крестьянского коллектива в целом»³⁶. Тем самым гражданскому обществу как заповедной для государства сфере отношений места в такой демократии не было: «Мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное»³⁷. В связи с таким видением вопрос об ограничении государства или его самоограничении даже не вставал. Власть была открыта неограниченный простор для использования до конца своего фактического и юридического потенциала. А предостережение Н. А. Бердяева, что «в якобинской демократии, вдохновленной Руссо, может утверждаться принцип тоталитарного государства, самодержавие народного суверенитета»³⁸, не могло быть услышано.

Отрицание естественных прав человека, неотчуждаемых и неприкосновенных для государства, привело к отказу от признания за провозглашенными в Конституции публичными правами субъективной природы. Основные права гражданина с этой точки зрения есть не субъективные, а рефлексивные права, т.е. результат объективного права, очерчивающего пределы компетенции государственной власти; следовательно, юридическая конструкция конституционных прав призвана из объективных абстрактных правовых норм, закрепленных в Конституции, вывести права и полномочия государственной власти и границы ее вторжения в сферу человеческой бытийности, но не запреты и ограничения для государства. Все соединено в законодательной власти. Именно она устанавливает эти границы по собственному произволу, не подлежащему контролю суда, ибо в противном случае суд был бы поставлен выше народа, воля которого воплощена в законодательной власти.

Таким образом, Конституция РСФСР только на первый взгляд закрепила основные положения и демократические требования, заложенные в первой программе партии. В действительности, в понятие «конституционное право» вкладывался принципиально иной смысл. Ее раздел второй открывался статьей 9, согласно которой основная задача Конституции заключалась в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства «в виде мощной всероссийской Советской власти»; сила шла впереди права, именно она была признана главным средством реализации тех социальных целей и задач, которые стояли перед обществом. Такими целями выступали: полное подавление буржуазии, уничтожение эксплуатации человека человеком и водворение социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти.

³⁶ Бабун Р. Общее учение о праве и государстве. Киев, 1925. С. 111.

³⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 398.

³⁸ Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды. М., 1999. С. 79.

Именно эта фундаментальная для нового строя установка оказывала определяющее влияние на природу и номенклатуру закрепленных в Конституции прав и свобод и их нормативное содержание, включая состав правомочий и уровень гарантированности. Источником прав выступало не человеческое достоинство, а диктатура в форме Советской власти, для которой классовая принадлежность имела самое важное, критериальное значение для установления конституционного статуса гражданина. Как говорилось в статье 23 Конституции РСФСР, «руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции». Только «трудящиеся» участвовали в осуществлении государственной власти и управления, только им обеспечивалась свобода печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций и др. Только «трудящимся» было предоставлено почетное право защищать революцию с оружием в руках, а на нетрудовые элементы возлагалось отправление иных военных обязанностей. Цитируя статью 23 Конституции РСФСР, В. И. Ленин говорил: «Мы открыто заявили, что в переходное время, время бешеной борьбы, мы не только не обещаем свобод направо и налево, а заранее говорим, что мы будем лишать прав тех граждан, которые мешают социалистической революции»³⁹.

Интересами диктатуры пролетариата оправдывалось закрепление в Конституции многостепенных, неравных и открытых выборов, служивших одной из форм подавления политических противников, между тем как в первой программе партии содержалось требование всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Некоторые категории граждан (лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли или живущие на нетрудовой доход, частные торговцы, служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений и т.п.) вообще не могли избирать или быть избранными. За рабочими были закреплены определенные (не столь значительные, как кажется на первый взгляд, имея в виду многодетность крестьянских семей) преимущества в избирательных правах. Так, Всероссийский съезд Советов составлялся из представителей городских Советов по расчету один депутат на 25 тысяч избирателей и представителей губернских съездов Советов по расчету один депутат на 125 тысяч жителей. Преимущество рабочего класса обеспечивалось и при формировании нижестоящих Советов.

Последовательно проводимое Конституцией системостратегическое понимание свободы и вера в государственный социализм, основанные

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 294; Т. 37, С. 392.

на убеждении в решающей роли государства в организации экономики, социальной и духовно-культурной сфер, привели к конституированию основополагающих принципов социально-экономической политики и государственного патернализма. Рефлексией такого конструирования явилось закрепление в Основном законе Советской России некоторых позитивных экономических, социальных и культурных основных прав. Принципиальная новизна этой модели заключалась в понимании свободы индивида как его участия в созидании нового общества, а самих прав и свобод – как средства социализации индивида. Этим, с одной стороны, предопределялось содержание этих прав и механизма их реализации, в системе гарантий которой доминирует обязанность государства предоставить носителю прав материальное обеспечение, а не суд; с другой стороны, исключался конфликт между «государственным интересом» и индивидуальной свободой.

Как ни утопично с высоты сегодняшнего дня выглядело это понимание, движимое верой в скорое преобразование социального мира и человеческой души, само провозглашение Революцией социально-экономических прав в их позитивном значении оказало несомненное и весьма существенное влияние на развитие транснационального конституционализма. Во многом именно оно подвигло европейский мир на путь социальных реформ. Оно же положило начало конституционализации прав «второго поколения», которые в современном мире составляют каталог «социальных естественных прав», получивших всемирное признание.

* * *

Теоретики социализма в России создали из него строгую и суровую доктрину, синтезировавшую взгляды европейской социальной науки, представления революционного народничества и опыт социокультурного развития самой России, и проникнутую самопожертвованием и лишениями во имя революционного переустройства общества. Они смотрели на человека и сам народ как на собственность государства, в котором, однако, не было места для старого хлама «буржуазно»-демократических прав и свобод, принципов верховенства права или правового государства, которые уже в тот исторический период на фоне возрождения естественного права обретали характер императива эпохи.

В этом была своя особая логика, продиктованная социальной необходимостью. Если воздержаться от следования распространенному обычаю судить о прошлом с позиции современных идеалов, следует признать, что именно такая практика государственного строительства, суровая и часто жестокая, требующая отказа от частных интересов во имя государства и добивающаяся этого силой, способствовала сохранению отечественной

государственности, ибо более всего служила формированию солидарных интересов различных общественных групп.

В короткий исторический срок Революция добилась выдающихся результатов в экономической, социальной и духовно-культурной сферах. Но даже самые выдающиеся из творцов Революции не предвидели, что как раз в отказе от личностного начала в организации социума и гипертрофии коллективизма, не оставляющего места индивидуальности, заключается причина будущего поражения того великого социального эксперимента, который теоретически обосновывался в их трудах.

Несомненно, что доктрина социализма, вдохновлявшая ее приверженцев на Революцию, в своем историческом развитии претерпела существенные изменения, ибо законы естественно-исторического эволюционного развития непременно пробивают себе дорогу. По мере того, как созданное Революцией абсолютное государство без меры и границ уступало место сравнительно умеренной государственности с менее сосредоточенной властью, в общественном сознании происходило размывание ее коллективистской основы и привнесение в общество уважения к индивидуальности человека и его интересам.

Социализм на более поздних этапах своего развития не мог не считаться с потребностью в свободе, а само государство, изначально выступавшее в качестве средства тотального контроля и принуждения во имя выраженного в идеологеме социализма общего блага, в общественном сознании стало слугой, ответственным за равенство граждан в их социальном и материальном благополучии. Но более умеренные начала, привнесенные в политическую систему нашей страны на волне разоблачений «культы личности», оказались не в состоянии дать большую прочность конституционным учреждениям и застывшим в своем развитии институциональным формам. Объективная необходимость поиска новых соотношений между коллективным и индивидуальным, обусловленная ростом благосостояния людей, развитием образования и культуры, научно-технической революцией и становлением информационного общества, была проигнорирована. Общество оказалось в той точке, за которой начиналась нисходящая линия его развития. В результате КПСС утратила монопольное право на истину, а изначально нереалистичный проект построения коммунизма в течение двух десятилетий постепенно разрушил в общественном сознании саму идею. Мертворожденной оказалась и теория развитого социализма, составившая концептуальную основу Конституции СССР 1977 года.

Утрата цели, способной подчинить общественные процессы ее достижению, привела к вырождению авторитарной системы управления обществом; система, десятилетиями занимавшаяся мобилизацией народа на выполнение задач социально-экономического и политического развития, оказалась неспособной адекватно ответить на потребности

общества и вызовы глобальной конкурентной борьбы. Доминировавшее в обществе глухое, но сильное желание иного порядка вещей и общественная атмосфера, отравленная ядом нигилизма, привели к крушению теории и практики социализма в СССР, а бесталанность собственного руководства, жадность, подлость и предательство погубили великое государство.

Конституционализация правовой системы Крыма (Республики Крым и города Севастополя)

Конституционализация правовой системы субъектов Крымского федерального округа обусловлена Конституцией Российской Федерации, Федеральным конституционным законом от 21 марта 2014 года № 6 «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя»¹, учредительными актами новых субъектов Российской Федерации (ст. 95 Конституции Республики Крым, принятой Государственным Советом Республики Крым 11 апреля 2014 года, ст. 46 Устава г. Севастополя²).

Необходимо отметить, что еще в статье 6 Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов, заключенного 18 марта 2014 года, предусматривался переходный период до 1 января 2015 года. В этот период предполагалось урегулировать вопросы интеграции новых субъектов Российской Федерации в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы Российской Федерации, в систему органов государственной власти Российской Федерации, а также вопросы исполнения воинской обязанности и несения военной службы на территории новых субъектов Российской Федерации³.

Однако практика становления конституционного строя в этих новых субъектах Российской Федерации обусловила необходимость срочных правовых корректив. Так, уже 27 мая 2014 года был принят Федеральный конституционный закон № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О принятии в Российскую Федерацию

КАБЫШЕВ Владимир Терентьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и международного права (Саратовская государственная юридическая академия)

ЗАМЕТИНА Тамара Владимировна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и международного права (Саратовская государственная юридическая академия)

¹ См.: СЗ РФ. 2014. № 12, ст. 1201.

² См.: URL: <http://sevsovet.com.ua/index.php/2011-06-30-23-44-03/12507-tekst-ustav-goroda0sevf-stopolya/> (дата доступа: 03.04.2015).

³ См.: СЗ РФ. 2014. № 17, ст. 1570.

Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя»⁴, которым изменялись сроки выборов в органы государственной власти указанных субъектов, а также регулирование вопросов в финансовой и кредитной сферах.

После присоединения Крыма к России перед новыми субъектами встала во всем ее многообразии проблема интеграции. Отношения интеграции Крыма и России получили свое юридическое закрепление в статье 6 Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов. Дальнейшая детализация этих вопросов состоялась в Федеральном конституционном законе от 21 марта 2014 года № 6-ФКЗ.

Конституционно-правовое закрепление интеграция получила и в учредительных актах новых субъектов Российской Федерации (ст. 95 Конституции Республики Крым, принятой Государственным Советом Республики Крым 11 апреля 2014 года, ст. 46 Устава города Севастополя).

Конституционно-правовой анализ вхождения новых субъектов в Российскую Федерацию обуславливает необходимость уяснения соотношения таких конституционных категорий и явлений, как «интеграция», «конституционализация», «конституционализм», «конституционный строй». Данные понятия близки по общему смыслу, но не тождественны.

Позволим себе дать ряд пояснений. Что мы понимаем под российским конституционализмом? Это – конституционная доктрина (конституционные идеи), Конституция, конституционно-политический режим как воплощение конституционных ценностей и конституционных принципов, конституционный контроль как система защиты конституционного строя и Конституции, конституционное мировоззрение и конституционная культура должностных лиц и всего населения. Конституционализм – это философия конституционного мировоззрения, воплощенная в Основном законе государства, обеспечение верховенства Конституции, правление в рамках Конституции⁵.

Что же такое конституционализация? Следует отметить, что данное понятие оформилось практикой российского конституционного правосудия. Наиболее концентрированно это новое для российского конституционализма понятие сформулировал Б.С. Эбзеев. После распада Союза ССР и смены социальных ориентиров, отмечает Б.С. Эбзеев, российская юриспруденция встала перед проблемой создания по существу новой концепции конституционного права. И это не только повышение регулятивного значения Конституции, формирование новых конституционных

⁴ См.: Российская газета. 2014. 30 мая.

⁵ См.: Кабышев В. Т. Российский конституционализм на рубеже тысячелетий // Правоведение. 2001. № 4. С. 63.

институтов, их концептуальное обоснование и наполнение реальным общественным содержанием, но и конституционализация всех сфер жизни государства, и укоренение в обществе самого духа конституционализма⁶. Смысл конституционализации состоит в том, чтобы экономика и социальная сфера, организация власти и содержание законодательства, формирование надежных гарантий от произвола и беззакония обеспечивали главную цель общественного развития: человек, его права и свободы – высшая конституционная ценность. Именно это становится критерием общественного прогресса⁷.

Феномен «конституционализация», олицетворяющий процессы реализации конституционных прав и свобод, внедрение их в жизнь общества, по справедливому мнению С. В. Кабышева, является тем ключевым фактором, который приобрела ныне Канада на конституционной карте мира, добившаяся прогресса в реальной защите прав граждан⁸.

Сегодня Россия находится на этапе конституционной модернизации, основанной на ценностях демократии, прав и свобод человека, правового государства, верховенства права, равенства всех перед законом. Но в то же время обозначились и определенные деформации основ конституционного строя: конфликт права и справедливости, крен в сторону «управляемой демократии», низкий уровень эффективности судебной системы, нарастающий монополизм политических партий в государстве, существенный перекокс в сторону президентской власти, размывание принципа российского федерализма в центр «вертикали власти», неуклонное изменение конституционного режима и другие⁹.

Для новых субъектов Российской Федерации (Крыма и Севастополя) данная проблема приобретает исключительно важное значение. Во-первых, им необходимо решить многогранный блок проблем интеграции (экономических, финансовых, правовых, организационных), чтобы «войти» во все сферы жизнедеятельности Российского государства наравне с другими субъектами Российской Федерации. Проблема эта настолько серьезна, что ее исследование должно быть комплексным. Нас в данном случае интересует аспект конституционализации, а именно специфика, особенности становления конституционного строя в Крыму.

Во-вторых, полагаем, что становление конституционного строя в Крыму и Севастополе – уникальное явление в современной конституционной истории России, и эта уникальность состоит в том, что в социально-пси-

⁶ См.: Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005. С. 6.

⁷ См.: Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. М., 2014. С. 6.

⁸ См.: Кабышев С. В. Конституционализация правовой системы Канады // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 12. С. 76.

⁹ См.: Основы конституционного строя России: двадцать лет развития / под ред. А. Н. Медушевского. М., 2013.

хологическом плане Крым, как справедливо отметил В. В. Путин в своем Обращении 19 марта 2014 года, в сердце и в сознании людей всегда был неотъемлемой частью России. Но в то же время следует иметь в виду и следующее обстоятельство: 23 года Крым жил в другой конституционно-правовой системе власти и, соответственно, иных конституционных ценностях, отличных от российского конституционализма. За эти годы выросло поколение, воспитываемое в ряде случаев в негативном (если мягко выразиться) отношении к России, ее культуре, государственности. Это обстоятельство имеет принципиально важное значение для всех процессов становления конституционного строя в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе.

Становление конституционного строя Крыма и Севастополя юридически в основном состоялось. Приняты учредительные акты новых субъектов: Конституция Республики Крым (принята Государственным Советом Республики Крым 11 апреля 2014 года), Устав города Севастополя (принят Законодательным Собранием) и другие законы указанных субъектов, на основе которых проведены выборы органов государственной власти и местного самоуправления. Таким образом, конституирована система публичной власти и юридически оформлен конституционный строй. Становление конституционного строя Крыма и Севастополя гармонично дополняет ряд федеральных законов, определяющих особенности применения отдельных положений федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации в сфере трудовых, образовательных, пенсионных отношений на территории Республики Крым и города Севастополя¹⁰.

Уникальность конституционной интеграции как части конституционного строя Крыма и Севастополя заключается и в том, что ныне правотворческая, правоприменительная и вся иная деятельность их должна соизмеряться со всеми сферами жизни России. Конституционный строй Крыма и Севастополя **фактически** находится на иной ступени (стадии) развития, чем конституционный строй России (образно говоря, он находится в **эмбриональном состоянии**).

Его становление происходит в сложных исторических условиях. Мы понимаем конституционный строй в двух взаимосвязанных аспектах: фактическом – как систему реальных конституционных отношений, выражающих суверенитет народа и свободу человека; и в правовом – как систему конституционных норм и конституционных принципов, закрепляющих и регулирующих отдельные виды общественных отношений существующего

¹⁰ См., например: Федеральный закон от 14 октября 2014 года № 305 «Об особенностях применения отдельных положений федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, содержащих нормы трудового права, в связи с принятием в Российскую Федерацию Республики Крым и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Российская газета. 2014. 17 октября.

социально-политического строя, выражающего и олицетворяющего подлинный конституционализм¹¹. В то же время сам конституционный строй России переживает трудности своего становления. Это совершенно справедливо подчеркивает Судья Конституционного Суда России профессор Н.С. Бондарь: «Конституционный строй как конституционно-правовая категория представляет собой государственно-правовое выражение **формирующегося** в России гражданского общества»¹² (выделено нами. – *В.К. и Т.З.*).

Закрепленный Основным законом России конституционный строй выступает гарантией модернизации государства Российского как государства демократического, правового. Но в то же время существует определенный разрыв между доктриной конституционного строя и практикой реализации основ конституционного строя.

В литературе не случайно отмечают, что в последние годы наметилась, например, тенденция сужения институтов прямой демократии, прежде всего референдума и свободных выборов.

Конституционный строй, не базирующийся на доктрине конституционализма, дрейфует к опасной тенденции – к «просвещенному авторитаризму», на котором, по сути, основано сегодняшнее правление.

Следует признать, что путь к конституционной демократии в России оказался слишком трудным, тернистым. Принцип разделения властей, парламентаризм стали встраиваться в совершенно иную схему. Реальность оказалась неадекватна конституционным ценностям, конституционным принципам. Примечательно, что общественный организм практически всех постсоветских стран оказался недостаточно подготовленным к обеспечению верховенства права, достоинства человека, конституционной демократии, разделению властей, общественному согласию, равенству, плюрализму. Характерными чертами **реальной социальной действительности** во всех этих странах являются низкий уровень конституционной культуры, системная неполноценность механизмов обеспечения верховенства права, наличие деформированной, внутренне противоречивой правовой системы, отсутствие единого ценностно-системного понимания социальных ориентиров общественного развития¹³.

Главная причина конституционного дефицита не в конституционной модели власти – по сути, главного элемента конституционного строя, – не в тексте Конституции, а вне ее – в реальном соотношении социально-политических сил, неадекватности правотворческой и правоприменительной практики конституционным нормам и конституционным принципам.

¹¹ См.: Кабышев В.Т. С Конституцией по жизни: избранные научные труды. М., 2013. С. 222.

¹² См.: Бондарь Н.С. Конституционная модернизация российской государственности: в свете практики конституционного правосудия. М., 2014. С. 99.

¹³ См.: Арутюнян Г.Г. Некоторые деформации в конституционно-правовом развитии постсоветских государств // Общее и особенное в современном экономическом и конституционно-правовом развитии постсоветских государств: материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву. 28–30 мая 2010 г. Ч. 1. / под ред. А.А. Ливеровского. СПб., 2010. С. 16.

Такой конституционный дисбаланс и в правовой культуре общества, прежде всего у властвующей элиты (по нашему мнению, **главным образом**), в том, как действует и реализуется юридическая Конституция в жизни. Приходится констатировать, что реализация Конституции инициировала или, точнее, явилась правовой константой сложившегося конституционно-политического режима, занимающего доминирующую роль в политической системе России.

Все эти **конституционные вирусы** переходного периода в постиндустриальном обществе крайне нежелательны для наших новых субъектов Российской Федерации. Удастся ли им избежать их или, по крайней мере, интегрироваться в существующий конституционный строй России с наименьшими потерями, покажет время. Видимо, жизнь внесет свои коррективы.

После принятия Республики Крым и города Севастополя в состав Российской Федерации, реализуя свой правозащитный потенциал и руководствуясь статьей 2 Конституции о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, Российский парламент, Президент и Правительство Российской Федерации приняли ряд правовых актов, направленных на защиту прав и свобод граждан, проживающих на территориях новых субъектов.

При этом особое внимание уделялось наименее защищенным в социальном плане слоям населения – пенсионерам, детям и т.д. Еще 31 марта 2014 года Президентом Российской Федерации был подписан Указ «О мерах государственной поддержки граждан, являющихся получателями пенсии на территориях Республики Крым и г. Севастополя», которым до принятия соответствующего федерального закона устанавливалось, что гражданам, являющимся получателями пенсий на территориях Республики Крым и г. Севастополя, в дополнение к назначенной им пенсии полагалась ежемесячная выплата: с 1 апреля 2014 года – в размере 25 процентов от назначенной пенсии, с 1 мая 2014 года – 50 процентов, с 1 июня 2014 года – 75 процентов, с 1 июля 2014 года – уже 100 процентов от назначенной пенсии. Выплата к пенсии производилась до перерасчета указанным гражданам назначенных им пенсий в соответствии с законодательством Российской Федерации¹⁴.

В отношении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел и других органах, 1 декабря 2014 года был принят Федеральный закон № 398-ФЗ «Об особенностях пенсионного обеспечения отдельных категорий граждан Российской Федерации, проживающих на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя»¹⁵.

¹⁴ См.: СЗ РФ. 2014. № 14, ст. 1609.

¹⁵ См.: Российская газета. 2014. 3 декабря.

В целях адаптации финансовой системы Республики Крым и города Севастополя были приняты следующие федеральные законы:

от 2 апреля 2014 года «Об особенностях функционирования финансовой системы Республики Крым и города федерального значения Севастополя на переходный период» (в ред. от 31 декабря 2014 г.)¹⁶, от 2 апреля 2014 года № 39-ФЗ «О защите интересов физических лиц, имеющих вклады в банках и обособленных структурных подразделениях банков, зарегистрированных и (или) действующих на территории Республики Крым и на территории города федерального значения Севастополя» (в ред. от 4 июня 2014 г.)¹⁷.

Процесс конституирования новых субъектов обуславливает создание правовых основ формирования и функционирования государственных структур¹⁸, нуждающихся в согласовании с установленной федеральной Конституцией 1993 года, конституционной системой государственной власти (ст. 11).

В Республике Крым и городе федерального значения Севастополе выстраивается собственная система органов государственной власти.

Так, в Республике Крым были приняты следующие законы учредительного характера: от 15 мая 2014 года «О Государственном Совете Республики Крым – Парламенте Республики Крым», от 29 мая 2014 года «О системе исполнительных органов государственной власти Республики Крым», от 10 сентября 2014 года «О статусе депутата Государственного Совета Республики Крым», от 29 мая 2014 года «О государственной гражданской службе Республики Крым», от 29 мая 2014 года «О государственных должностях Республики Крым», от 2 июля 2014 года «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Крым»¹⁹ и др. Соответствующие нормативные акты, конституирующие систему государственной власти, были приняты и в городе федерального значения Севастополе²⁰.

¹⁶ 16 См.: СЗ РФ. 2014. № 14, ст. 1529; Российская газета. 2015. 12 января.

¹⁷ См.: СЗ РФ. 2014. № 14, ст. 1531.

¹⁸ См.: Указ Президента от 25 марта 2014 года «О некоторых вопросах поступления на службу в органы внутренних дел Российской Федерации граждан Российской Федерации, являющихся сотрудниками органов внутренних дел, органов и подразделений налоговой милиции, расположенных на территориях Республики Крым и г. Севастополя», Указ Президента от 28 марта 2014 года «О некоторых вопросах поступления на службу в федеральную противопожарную службу Государственной противопожарной службы граждан Российской Федерации, являющихся сотрудниками органов управления и подразделений гражданской защиты, расположенных на территориях Республики Крым и г. Севастополя», Указ Президента от 20 марта 2014 года «О признании действительными воинских званий, документов об образовании граждан Российской Федерации, являющихся военнослужащими органов военного управления и воинских формирований Республики Крым, и документов о прохождении ими военной службы» // СЗ РФ. 2014. № 13, ст. 1453, 1456, 1264.

¹⁹ См.: Ведомости Государственного Совета Республики Крым. 2014. № 1, ч. 2; № 3, ч. 1; № 1, ч. 2.

²⁰ См.: Законы города Севастополь: от 10 июля 2014 года «О Законодательном Собрании города Севастополя», от 30 апреля 2014 года «О Правительстве Севастополя», от 30 апреля 2014 года «О системе исполнительных органов государственной власти города Севастополя» // Севастопольские известия. 2014. 12 июля; 30 апреля.

Продолжающаяся в стране судебная реформа совпала по времени с процессом построения судебных органов власти на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя.

Этому способствовали такие правовые акты, как Федеральный закон от 23 июня 2014 года «О порядке отбора кандидатов в первоначальные составы федеральных судов, создаваемых на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя»²¹, Федеральный закон от 23 июня 2014 года «Об органах судейского сообщества Республики Крым и города федерального значения Севастополя»²².

Указ от 14 апреля 2014 года «О некоторых вопросах кадрового обеспечения судов Российской Федерации, органов и учреждений Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, создаваемых на территориях Республики Крым и г. Севастополя»²³.

Российское государство сложилось как многонациональный союз, объединение народов, консолидированных на началах исторической общности, равноправия и сотрудничества. Принятие в состав Российской Федерации новых субъектов актуализирует вопрос не только политического, правового и экономического интегрирования новых территорий, но и необходимость культурной адаптации, включения населения Республики Крым и города Севастополя в единую многонациональную общность – российский народ.

Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года (в ред. от 21 июля 2014 года) гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии, предоставляет право определять и указывать свою национальную принадлежность, право на пользование родным языком, закрепляет права национальных меньшинств и коренных малочисленных народов.

Конституционные основы современной государственной национальной политики Российской Федерации образуют положения Преамбулы, ст. 1–3, ч. 3 ст. 2, 5, 9, 26, ч. 3 ст. 68, ст. 69, п. «в» ст. 71, п. «б», «м» ст. 72 Конституции Российской Федерации.

Национальная политика – неотъемлемая составная часть государственной политики Российской Федерации. Реформационные процессы внутри Российской Федерации, меняющаяся геополитическая ситуация, экономические, социальные и культурные проблемы адаптации новых субъектов в составе Российской Федерации обуславливают необходимость совершенствования государственной национальной политики на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя.

²¹ См.: СЗ РФ. 2014. № 26, ч. 1, ст. 3361.

²² См.: Там же, ст. 3362.

²³ См.: Там же. № 16, ст. 1878.

Основы национальной политики новых субъектов Федерации определены Конституцией Республики Крым от 11 апреля 2014 года²⁴, Уставом города Севастополя от 14 апреля 2014 года (в ред. от 24 июля 2014 г.)²⁵.

Вхождение Республики Крым и Севастополя в российское правовое пространство обусловило распространение государственного суверенитета России на территории новых субъектов, внедрение конституционных начал ее государственной национальной политики. Статус Республики как национально-государственного образования в составе Российской Федерации и факт проживания на ее территории, помимо русского, украинского и крымско-татарского населения, и других национальностей обуславливает конституционное закрепление полиэтничного характера субъекта властеобразования в Республике Крым.

В преамбуле и статье 2 Конституции Республики Крым подчеркивается многонациональный состав населения, многообразие и самобытность национальных культур, исторически сложившихся на территории Республики. Отмечается, что источником власти в Республике Крым является ее народ, являющийся частью многонационального народа Российской Федерации.

В Уставе города Севастополя подобные акценты отсутствуют, в статье 4 говорится о том, что «источником государственной власти города Севастополя являются жители города Севастополя».

Особое внимание в Конституции Республики Крым уделяется государственной языковой политике. В статье 10 констатируется, что государственными языками в Республике Крым являются русский, украинский и крымско-татарский. В Республике Крым признается принцип многообразия культур, обеспечивается их равноправное развитие и взаимообогащение (ч. 3 ст. 10).

Согласно части 5 статьи 6 Конституции органы государственной власти Республики Крым учитывают исторические, национальные, культурные, иные особенности Республики Крым. К числу полномочий Совета Министров Республики Крым (п. 4 ст. 83) относится осуществление мер «по обеспечению государственных гарантий равенства прав, свобод и законных интересов человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств; предотвращению ограничения прав и дискриминации по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности; сохранению и развитию этнокультурного многообразия народов Российской Федерации, проживающих на территории Республики Крым, их языков и культур; защите прав национальных меньшинств; социальной и культурной адаптации мигрантов; профилактике межнациональных (межэтнических) конфликтов и обеспечению межнационального и межконфессионального согласия».

²⁴ См.: Крымские известия. 2014. 12 апреля.

²⁵ См.: Севастопольские известия. 2014. 23 апреля.

Возможно, определенное влияние на содержание Конституции Республики Крым с точки зрения учета национальных интересов народов, с одной стороны, и обеспечения равных прав граждан независимо от национальности, с другой, оказал тот факт, что в ее разработке принимали участие представители крымских татар²⁶.

Анализ содержания Конституции Республики Крым позволяет сделать вывод о закреплении в этом акте федеральных стандартов государственной национальной политики, ее правовых и организационных основ, а также конституционных основ государственной языковой политики на соответствующей территории.

Устав Севастополя от 14 апреля 2014 года воспроизводит федеральные основы государственной национальной политики в гораздо меньшем объеме. Помимо преамбулы об основных направлениях ее осуществления, говорится лишь применительно к полномочиям Правительства Севастополя (п. 2 ч. 2 ст. 34 Устава). Это положение абсолютно аналогично положениям пункта 4 статьи 83 Конституции Республики Крым.

Поскольку в новых субъектах решаются вопросы первоначального этапа структурирования власти, – продолжается процесс формирования соответствующих органов, налаживания форм их взаимодействия с федеральными органами государственной власти, в стадии разработки находятся комплексные документы, определяющие принципы и механизмы реализации национальной политики в соответствующих регионах.

Вместе с тем некоторые отправные начала уже заложены как на федеральном уровне, так и учредительными и иными документами, принятыми исполнительными органами власти соответствующих субъектов Федерации.

Так, например, Постановлением Правительства Российской Федерации от 11 августа 2014 года была утверждена федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года»²⁷. Общий объем финансирования программы составляет 681 221.18 млн. рублей (в ценах соответствующих лет).

В этой программе, наряду с развитием промышленности и социальной сферы, в качестве одной из задач выделена задача обеспечения межнационального единства – «реализация мероприятий по гармонизации межнациональных отношений». Целевыми индикаторами и показателями по этому направлению выступает количество обустроенных граждан из числа ранее депортированных, возвратившихся в Крым на постоянное место жительства. Планируется обустройство в 2015 году – 600 человек, в 2016 году – 800, в 2017 году – 1 200, в 2018–2020 годах – 2 600 человек. Финансирование мероприятий по содействию обустройству ранее депор-

²⁶ См.: URL: <http://tass.ru/politika/1095775> (дата доступа: 04.04.2015).

²⁷ См.: СЗ РФ. 2014. № 33, ст. 4595.

тированных граждан должно осуществляться с учетом мнения национально-культурных автономий Крымского федерального округа.

Анализ содержания федеральной программы в целом позволяет прийти к выводу о том, что федеральный законодатель уделяет внимание прежде всего проблемам обеспечения социально-экономических стандартов жизни населения новых субъектов. Каких-либо развернутых, комплексных мер в сфере национального, культурного развития народов, проживающих на территории Республики Крым, программой не предлагается. Сфера межнациональных отношений во многом остается областью действия региональных правовых актов и институтов гражданского общества. По словам Главы Республики Крым С.В. Аксенова, в Республике Крым продолжается работа над законом «О концепции государственной национальной политики в Республике Крым». В работе над этим документом принимают участие не только Республиканский комитет по делам национальностей, но и представители основных национальных общин Республики. Ведется работа также над другими законами, касающимися межнациональных отношений – «О функционировании языков в Республике Крым» и «Об образовании»²⁸.

Не вызывает сомнений тот факт, что республиканская Концепция государственной национальной политики Республики Крым (и города Севастополя) должна учитывать положения Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года²⁹, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 года. В новых субъектах необходимо также продумать мероприятия по реализации федеральной Стратегии.

Эффективность будущей Концепции государственной национальной политики в Республике Крым во многом будет зависеть от того, насколько в ней удастся найти оптимальные формы и механизмы взаимодействия федеральных, региональных, местных органов государственной власти и национально-культурных объединений граждан Республики и реализовать приоритетные задачи – обеспечить стабилизацию этнополитической ситуации в регионе, профилактику экстремизма и терроризма, защиту конституционных прав граждан и народов, решение проблем депортированных народов, поддержку и распространение идей духовного единства, межнационального согласия с учетом местных особенностей и традиций.

На сегодняшний день реализован целый комплекс действий, направленных на осуществление Указа Президента Российской Федерации от 21 апреля 2014 года № 268 «О реабилитации армянского, болгарского,

²⁸ См.: Аксенов С. Процветание в единстве //Российская газета (Столичный выпуск). 2014. 12 сентября; URL: <http://www.rg.ru/2014/09/12/aksenov.html> (дата доступа: 25.04.2015).

²⁹ См.: СЗ РФ. 2012. № 52, ст. 7477.

греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития»³⁰.

В Крыму должно появиться греческое национальное поселение³¹. В целях реализации Указа Президента Российской Федерации от 21 апреля 2014 года № 268 предусмотрены меры по реализации национально-культурных интересов этнических общностей в информационной сфере. В апреле 2015 года в Симферополе принято решение о создании новой национальной телерадиокомпании (ОГТРК), вещающей на крымско-татарском языке³². Продолжается жилищное обустройство депортированных народов³³.

По словам С. В. Аксенова, по состоянию на март 2015 года абсолютное большинство крымских татар получили паспорта граждан Российской Федерации (97–98%), при этом лишь около 500 крымских татар не захотели получать паспорта, а в целом отказались принимать российское гражданство около 3000 жителей полуострова³⁴.

Как отмечается в докладе Уполномоченного по правам человека Российской Федерации от 7 мая 2015 года, на территории Крыма реализуются комплексные меры по сохранению и развитию сети классов и школ с обучением на родных языках – украинском и крымско-татарском. В настоящее время в Республике Крым функционируют 15 школ с крымско-татарским языком обучения (182 класса, 3 тысячи учащихся); 1 школа с крымско-татарским языком обучения и классами с украинским языком обучения (40 классов, 809 учащихся); 7 школ с украинским языком обучения (103 класса, 2,2 тысячи учащихся). Кроме того, действуют 180 общеобразовательных организаций с двумя и тремя языками обучения: 133 школы с украинским и русским языками обучения; 20 школ с крымско-татарским и русским языками обучения; 27 школ с украинским, крымско-татарским и русским языками обучения³⁵.

В целях сохранения государственного единства и гармонизации сферы языковых отношений на федеральном и региональном уровнях должны создаваться условия существования и развития языков всех народов, проживающих на соответствующих территориях. Конституционное право на пользование родным языком относится к категории важнейших личных прав и свобод, способствует национальной самоидентификации личности

³⁰ См.: Там же. 2014. № 17, ст. 2042.

³¹ См.: Винник С.В. В Крыму появится греческое поселение // URL: <http://www.rg.ru/2015/02/17/reg-kfo/greky-anons.html> (дата доступа: 25.04.2015).

³² См.: Изотов И. В Республике Крым создадут общественный крымско-татарский телеканал // URL: <http://www.rg.ru/2015/04/02/reg-kfo/oktrk.html> (дата доступа: 25.04.2015).

³³ См.: Изотов И. Крымским татарам вручили ордера на новые дома // URL: <http://www.rg.ru/2014/12/29/reg-kfo/doma-anons.html> (дата обращения 25.04.2015 г.); Изотов И. В Бахчисарае заселен дом для 70 семей депортированных // URL: <http://www.rg.ru/2015/04/21/reg-kfo/dom-anons.html> (дата доступа: 25.04.2015).

³⁴ См.: Аксенов С. Большинство крымских татар получили российские паспорта // URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/news/2015/03/14/aksenovbolshinstvo-krimskih-tatar-poluchili-rossiiskie-pasporta> (дата доступа: 25.04.2015).

³⁵ См.: Российская газета. 2015. 7 мая.

и ее социальной адаптации и всестороннему развитию. Сохраняющиеся противоречия в области языковых отношений (в частности, отказ Федерации признавать право субъектов на смену графической основы алфавита) должны нивелироваться правовыми, организационными и финансовыми гарантиями равного статуса языков всех народов, проживающих на территории Российской Федерации.

В.К. МЕДВЕДЕВ

«Русская весна» в Севастополе: как это было...

Сила народа – в единстве.
Русская пословица

2014 год – год переломных событий, в очередной раз, теперь уже навсегда, предопределивших судьбу Севастополя. Они вошли в историю как Третья оборона города-героя!

Нашему поколению пришлось участвовать в поистине историческом выборе для Крыма и города Севастополя. Севастопольцы и крымчане твердо сказали: «Мы возвращаемся домой, в Россию!». Это событие стало судьбоносным не только для Крымского полуострова, но и для всего нашего Отечества. Права русского народа и права Российского государства, попранные в 1954 году и проигнорированные в 1991 году, были восстановлены. Восторжествовал акт исторической справедливости!

Политический кризис на Украине, массовые, хорошо организованные и умело срежиссированные выступления оппозиции против законных властей Украины в Киеве и Западной Украине, которые привели к вооруженным столкновениям евромайдановцев с органами правопорядка, убийства на Киевском Майдане, отстранение действующего Президента Украины Виктора Януковича от власти, изменение Конституции, назначение исполняющим обязанности Президента Александра Турчинова, появление среди протестующих откровенно фашистских формирований и зашкаливающая русофобия не могли оставить крымчан и севастопольцев равнодушными.

Антиконституционные действия новых киевских властей, источавших ненависть и угрожавших войной, требовали от Крыма и Севастополя действовать решительно и быстро. «Русская весна» в Севастополе началась 23 февраля 2014 года. Тогда на «Митинг народной воли», как это событие назвали в народе, на площадь им. П. С. Нахимова вышли более 30 тысяч человек с российскими триколорами в руках. Митинг одобрил

МЕДВЕДЕВ Валерий Кириллович – председатель Севастопольской городской избирательной комиссии в 2014 – 2017 годы, Председатель комиссии по проведению референдума в городе Севастополе 16 марта 2014 года

резолуцию: Севастополь не приемлет майданной вакханалии Верховной рады Украины, а происходящее в стране считает государственным переворотом. Севастопольцы приняли решение избрать народным мэром Алексея Михайловича Чалого и организовать на территории города отряды самообороны. Первыми членами этих отрядов стали бойцы Севастопольского отряда «Беркут».

Решением Севастопольского городского Совета был создан исполнительный орган – Координационный совет по организации Севастопольского городского Управления по обеспечению жизнедеятельности города, председателем которого был назначен А. М. Чалый.

Юристам еще предстоит осмыслить этот акт народной воли и тщательно изучить конституционно-правовые аспекты сопротивления народа киевской камарилье. Я же хочу подчеркнуть одно: даже в этих крайне непростых условиях мы были озабочены легитимностью своих действий.

6 марта 2014 года на внеочередной сессии Севастопольского городского Совета было принято важное решение: назначить дату проведения референдума по определению дальнейшей судьбы города на 16 марта 2014 года. Решение поддержали все 49 присутствовавших в зале заседания депутатов городского Совета.

Уже к вечеру была сформирована городская Комиссия по проведению референдума в Севастополе в количестве 17 человек. Не раздумывая, я согласился стать председателем Комиссии.

Там же, на заседании городского Совета мне было поручено подготовить проект «Временного положения о проведении референдума в городе Севастополе». Мы это сделали за ночь. Сессии городского Совета проходили практически без перерыва, и утром 7 марта 2014 года «Временное положение о проведении референдума» было принято. Будущий референдум обрел добротную юридическую основу.

Узнав о решении крымчан и севастопольцев провести Общекрымский референдум, 7 марта 2014 года Центральная избирательная комиссия Украины постановила заблокировать доступ к базе данных Реестра избирателей Автономной Республики Крым и города Севастополя. Однако попытка сорвать референдум не удалось. Усилиями властей и населения города списки избирателей были восстановлены.

Время требовало смелых решений. Городской избирательной комиссией по проведению референдума было принято решение взять всю работу и полноту ответственности на себя: мы не стали создавать территориальные комиссии по проведению референдума, а напрямую приступили к формированию 192 участков референдума. Были сформированы комиссии и подготовлены помещения для голосования. Для проведения референдума использовались привычные для горожан участки – в школах, домах культуры, учреждениях. По всем адресам разослали приглашения. Все было готово уже к 10 марта.

11 марта 2014 года парламент Крыма и Севастопольский городской Совет приняли декларацию о намерении провозгласить независимость Крыма от Украины и войти в состав Российской Федерации. Севастопольцы это казенное «Войти в состав Российской Федерации» тут же переиначили: «Домой, в Россию!».

15 марта 2014 года, накануне исторического референдума, к жителям Севастополя обратился народный мэр города А. М. Чалый:

«...Без сомнения, завтрашний день станет для Севастополя историческим. Он либо умножит славу нашего Великого города, либо станет днем его позора. ...Мы либо настоим на своем праве называться потомками тех, кто упокоен на Братском кладбище, и тех, чьи имена вписаны в трагические списки последних защитников 35-й батареи, либо признаем себя стадом овец, которым необходим европастих, чтобы довести нас до обещанной кормушки. Причем, заметьте, чтобы отстаять свое право на историю, нам не нужно совершать ночные вылазки во вражеские траншеи или умирать от жажды под скалами мыса Херсонес. Нам всего лишь достаточно вырвать свое драгоценное тело из повседневных забот, прийти на участок для голосования и поставить галочку в правильном месте. Нам всего лишь достаточно показать всем майданам мира, что 23 года безвременья не заставили нас забыть простое и емкое русское слово «ЧЕСТЬ»¹.

Итак, 16 марта 2014 года в Республике Крым и городе-герое Севастополе состоялся Общекрымский референдум, который стал потрясением для недругов нашей Родины, но для нас, участников этого исторического акта, был истинным праздником! Наша российскость, воля к победе правды и справедливости и сила духа обеспечили небывало высокую явку участников референдума. Это было действительно всенародное голосование. Люди начали прибывать на избирательные участки уже в 7 утра и шли непрерывным потоком до самого закрытия участков.

На 10.00 явка избирателей составила около 25 процентов, на 12.00 – более 50 процентов. Итоговая явка избирателей к моменту закрытия избирательных участков на 20.00 составила 89,5 процента. Мне показалось особенно значимым самое активное участие в референдуме молодежи. Молодые люди понимали: они выбирают собственное будущее и видят его только в России.

Этот исторический день стал для жителей города-героя настоящим праздником. Царящее в городе настроение не могли не отметить и международные наблюдатели, признавшие, что голосование было демократическим и прошло без каких-либо нарушений. Но главное не в отсутствии нарушений тех либо иных параграфов закона или международных норм. Севастополь сплотился в единое целое и решительно шел к одной общей цели – показать всему миру величие духа легендарного города-героя и не-

¹ Хроника «Русской весны. День двадцать первый». Цитируется по: <http://primechaniya.ru/home/news/3624/4012>.

сокрушимую волю его жителей. Мы не посягали на права украинского народа или территориальную целостность Украины, как это пытаются представить хозяева киевских марионеток. Испокон века в мире права царит юридическая максима: «Из нарушения права не рождается право» или, как говорили древние, «*jus ex non oritur*». Украина никогда не имела законного титула на Крым. Мы боролись за восстановление суверенного права нашей Родины!

Многие тысячи севастопольцев после закрытия участков референдума не расходились, они терпеливо ждали оглашения предварительных результатов референдума на главной площади города.

Мне как председателю Комиссии по проведению референдума в городе Севастополе выпала великая честь огласить предварительные итоги голосования: за воссоединение с Россией высказались 95,6 процента севастопольцев от общего числа принявших участие в голосовании.

17 марта 2014 года на внеочередной сессии Севастопольского городского Совета были обнародованы окончательные результаты референдума в городе и утвержден протокол комиссии референдума. Несколько цифр: в списки для голосования были внесены 306 258 человек, из них 274 101 человек пришли на участки референдума. Количество голосов участников Общекрымского референдума, поданных в поддержку вопроса № 1 «За воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации» – 262 041. Это 95,6 процента участников голосования. Голосование действительно явилось всенародным.

Севастопольцы однозначно выразили свою волю. После десятилетий ожидания наша мечта осуществилась!

18 марта 2014 года Президент Российской Федерации В. В. Путин выступил в Георгиевском зале Большого Кремлевского Дворца перед депутатами Государственной Думы и членами Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, руководителями регионов России и представителями гражданского общества. Владимир Владимирович замечательно точно выразил волю и желание крымчан и тот духовный подъем, в котором пребывало наше Отечество:

«...Сегодня мы собрались по вопросу, который имеет жизненно важное значение, историческое значение для всех нас! 16 марта в Крыму состоялся референдум. Он прошел в полном соответствии с демократическими процедурами и международно-правовыми нормами.

...И подавляющее большинство жителей Крыма, и абсолютное большинство граждан Российской Федерации поддерживают воссоединение Республики Крым и города Севастополя с Российской Федерацией! Дело за политическим решением самой России. А оно может быть основано только на воли народа, потому, что только народ является источником любой власти.

...Сегодня, основываясь на результатах референдума, который прошел в Крыму, опираясь на волю народа, вношу в Федеральное Собрание и прошу

рассмотреть конституционный закон «О принятии в состав России двух новых субъектов Федерации – Республики Крым и города Севастополь». А также ратифицировать подготовленный для подписания договор «О вхождении Республики Крым и города Севастополь в Российскую Федерацию»².

После выступления главы государства был подписан межгосударственный Договор о принятии Республики Крым в состав России, в соответствии с которым в составе Российской Федерации образуются два новых субъекта – Республика Крым и город федерального значения Севастополь. Документ подписали: Президент России Владимир Путин, председатель Государственного Совета Республики Крым Владимир Константинов, Глава Крымского Совета министров Сергей Аксенов и полномочный представитель города Севастополя Алексей Чалый.

20 марта 2014 года Государственной Думой Российской Федерации был принят федеральный закон о ратификации Договора, 21 марта 2014 года закон одобрил Совет Федерации.

Крым стал 22 республикой в составе России, а Севастополь – третьим городом федерального значения. Так победой закончилась Третья героическая оборона Севастополя, и вновь началась российская история великого города! Эта победа явилась событием исторического значения для всего Русского мира! И я счастлив, что в этом торжестве народной воли есть малая толика моего участия, участия моих коллег по Комиссии референдума, тысяч наших добровольных и бескорыстных помощников. Воистину, в единении – сила. Горжусь родным городом, горжусь нашим великим Отечеством!

---

² Обращение Президента Российской Федерации В. В. Путина. 18 марта 2014 года. Цитируется по: <http://kremlin.ru/events/president/news/20603>.

Электоральная практика: проблемы и перспективы

Р.Т. БИКТАГИРОВ

Становление избирательного права России и стадии избирательного процесса

Свободные, демократические и конкурентные выборы органов государственной власти и местного самоуправления в постсоветский период развития Российской Федерации стали постоянным фактором государственной и общественно-политической жизни страны. Однако бурное развитие избирательного законодательства и широкое развертывание электоральных процессов еще не находит адекватного отражения в государственной науке. В частности, на наш взгляд, недостаточно уделяется внимания научному осмыслению процесса формирования новой отрасли права – избирательного права России, обслуживающего сферу электоральной демократии.

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть некоторые теоретические и практические проблемы, связанные со становлением избирательного права в качестве самостоятельной отрасли права, его местом и ролью в общей системе российского права. Здесь же рассматривается структура избирательного процесса как разновидности юридического процесса с позиции его стадийного деления, анализируются существующие в научной литературе точки зрения на проблемы классификации стадий избирательного процесса, исследуются их характерные признаки и правовая природа.

Становление избирательного права России как научная и практическая проблема

Термин «избирательное право» традиционно употребляется в трех значениях: как свод правовых норм, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в связи с назначением, подготовкой и проведением выборов в органы публичной власти, составляющих отрасль (подотрасль) российского права; как совокупность теоретических положений и научных знаний об избирательном праве и процессе, представляющих собой отрасль (ответвление) правовой науки; как учебная дисциплина, изучаемая

БИКТАГИРОВ Раиф Терентьевич – профессор кафедры государственного управления и права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук

в высших и других учебных заведениях юридического и гуманитарного профиля, предметом которой являются не только общественные отношения, складывающиеся в сфере выборов, но и соответствующая отрасль права и отрасль правовой науки.

Избирательное право во всех своих трех значениях имеет один общий объект – избирательные правоотношения. Констатируя это обстоятельство, вместе с тем необходимо иметь в виду, что объект учебной дисциплины шире, чем отрасли науки, и объект отрасли науки шире, чем отрасли права. Ядро науки избирательного права, как и учебной дисциплины, составляет именно соответствующая отрасль (подотрасль) права, то есть совокупность избирательных правовых норм материального и процессуального содержания. Избирательная правовая наука производна от соответствующей отрасли права, а учебная дисциплина – от отрасли права и отрасли науки, то есть имеет предметом своего изучения и то, и другое.

В настоящей работе избирательное право исследуется как совокупность правовых норм, то есть как отрасль (подотрасль) российского права.

Избирательное право, равно как и любая другая отрасль права в правовой науке, рассматривается в двух аспектах: в объективном и субъективном.

В объективном смысле избирательное право представляет собой совокупность правовых норм, содержащихся в самых различных нормативных правовых актах – источниках права, регулирующих общественные отношения, складывающиеся между субъектами (участниками) избирательного процесса по поводу подготовки и проведения выборов в органы государственной власти и местного самоуправления. Избирательное право в объективном смысле выступает как структурная часть общей системы российского права, регламентирующее полномочия и взаимодействие субъектов избирательного процесса и порядок осуществления предоставленных им прав и юридических обязанностей. Избирательное право как комплексная отрасль права включает в себя нормы и положения целого ряда других отраслей права и законодательства (уголовного, административного, финансово-бюджетного, процессуальных отраслей права, законодательства о политических партиях и общественных объединениях, о средствах массовой информации, статусе депутатов, выборных должностных лиц, о местном самоуправлении и др.) в той мере, в какой они регулируют отношения, связанные с выборами органов публичной власти.

В литературе высказано мнение, что содержанием избирательного права в широком смысле является избирательная система в целом¹. Разумеется, избирательное право и избирательная система – понятия близкие, взаимосвязанные и взаимопроникающие. По нашему мнению, избирательная система представляет собой более широкую категорию, нежели избирательное право. Последнее, как нам представляется, само

¹ См. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации. Учебник для вузов. М.: «Норма», 2003. С. 23 (авторы главы А. А. Вешняков, В. И. Лысенко).

является частью избирательной системы, которая в науке трактуется как феномен, объединяющий явления как правового, так и неправового характера, и включает в себя более широкий круг субъектов и общественных отношений².

Избирательное право в субъективном смысле представляет собой гарантированное Конституцией Российской Федерации право гражданина Российской Федерации избирать и быть избранным в органы государственной власти и местного самоуправления, совершать различные юридически значимые действия преимущественно процессуального характера для реализации этих основополагающих конституционных прав. К ним, в частности, относятся право участвовать в выдвижении кандидата, списка кандидатов (включая право на самовыдвижение), в сборе подписей в поддержку выдвинутых кандидатов, в финансировании избирательной кампании отдельных кандидатов, избирательных объединений, право на предвыборную агитацию, наблюдение за голосованием и многое другое, которые в совокупности образуют правовой статус избирателя, лежащий в основе его избирательной правосубъектности.

Объективное и субъективное избирательное право неразрывно связаны. Субъективное избирательное право базируется и вытекает из объективного права, так как именно объективное право устанавливает равный масштаб, равную меру поведения для каждого конкретного лица, оказавшегося в условиях, предусмотренных гипотезой данной правовой нормы.

Если для каждого отдельного человека большое значение имеют его субъективные права, основанные на позитивном праве, то для государственно-правового строительства и юридической науки доминантой является право в объективном смысле, то есть совокупность действующих в обществе правовых норм, как важнейший регулятор общественных отношений, а применительно к предмету настоящей статьи – избирательных отношений.

Проблема о месте избирательного права в системе российского права до сего времени остается дискуссионной. Одни ученые-исследователи относят его, по-прежнему, к институту российского конституционного права³,

---

² См. по данному вопросу подробнее: Биктагиров Р.Т. Некоторые теоретические и практические проблемы совершенствования избирательной системы Российской Федерации // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, 2001. № 11. С. 69–79; Биктагиров Р.Т., Кинзягулов Б.И. Курс современного избирательного и референдумного права России: теория, законодательство, практика. В двух томах. Том 1. Уфа, УПК, 2007. С. 114–130.

³ См.: Баглай М.В. конституционное право Российской Федерации. Учебник для юридических вузов и факультетов. М.: ИГ «Норма-Инфра.М», 1998. С. 30; Арановский К.В. Государственное право зарубежных стран. Учебник для вузов М.: ИГ «Форум-Инфра»-1, 2003. С. 292; Сравнительное конституционное право. М., 1996. С. 368; Игнатенко В.В., Князев С.Д., Кутафин О.Е., Михалева Н.А., Яшин А.А. Избирательное право Российской Федерации. Учебное пособие. Иркутск, 2001. С. 49 (авторы параграфа Михалева Н.А. и Князев С.Д.). Об отсутствии единства понимания места избирательного права в системе российского права свидетельствует и тот факт, что в рамках этого же учебного пособия проводится мысль и о «целесообразности рассматривать его в качестве подотрасли государственного права» (С. 22 – автор Князев С.Д.).

другие – к его отрасли⁴, третьи же считают самостоятельной отраслью российского права⁵. Высказано также мнение, в соответствии с которым «избирательное право, традиционно рассматриваемое в качестве института конституционного права с весьма ограниченными политическими функциями и формальными процедурами, в новом историческом цикле оформилось в межотраслевой комплекс с весьма сложной структурой и технологией организации и проведения выборов»⁶.

Представляется, что в настоящее время об избирательном праве можно все более уверенно говорить как о самостоятельной отрасли права либо, по крайней мере, находящемся в процессе отпочковывания из конституционного (государственного) права. Для такого вывода, на наш взгляд, имеются достаточно веские основания.

Во-первых, – это самое главное – современное избирательное право образует весьма объемный массив законодательных и подзаконных нормативных правовых актов, общее число которых с учетом законов и других актов субъектов Российской Федерации и смежного законодательства перевалило за тысячу⁷. Такое количество источников не имеют даже некоторые традиционные, давно сложившиеся отрасли права как уголовное, земельное, семейное, процессуальные отрасли права и некоторые другие. Изучение, анализ, систематизация многочисленных источников избирательного права требуют значительных усилий и времени даже от специалистов. Избирательное право находится в постоянной динамике,

⁴ См.: Тихомиров Ю. А. Развитие теории конституционного права // Государство и право, 2000, № 7. С. 6, 7; См. также: Конституционное законодательство России. Под ред. Ю. А. Тихомирова. М.: Городец, 2002. С. 17, 18; Дмитриев Ю. А., Исраелян В. Б., Чудина С. Ю. Избирательное право и процесс в Российской Федерации. Иркутск. «Макаров С. Е.», 2001. С. 91. Но позднее два первых автора пришли к выводу о том, что избирательное право и сопутствующее ему законодательство «вполне обоснованно претендуют на самостоятельное предназначение в публично-правовой системе России» (См. Дмитриев Ю. А., Исраелян В. Б. Избирательное право и процесс в Российской Федерации. Ростов-на-Дону. «Феникс», 2004. С. 78). См. также: Постников А. Е. Избирательное право России. М.: изд. группа Инфра-Норма, 1996. С. 14; Конституционное право как отрасль российского права // Проблемы науки конституционного права. Отв. ред. Кокотов А. Н., Кукушкин М. И. Екатеринбург. 1998. С. 20–21.

⁵ Лысенко В. И. Проблемы современного избирательного права в России и в европейских странах. М.: 1995. С. 6; Ю. А. Веденеев, ранее считавший избирательное право подотраслью, структурным звеном конституционного права, ныне вместе со своим соавтором С. В. Навальным пришел к заключению, что «Избирательное право – это отдельная активно формирующаяся новая отрасль права». Эти исследователи считают «целесообразным и необходимым... выделение избирательного права как самостоятельной комплексной отрасли российского права». (См.: Веденеев Ю. А., Навальный С. В. Избирательное право: роль и место в системе права России // «Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации», 2003, № 2. С. 63–66. Аналогичная позиция высказана также Ю. А. Веденеевым в соавторстве с Н. М. Мироновым в более поздней статье: См.: Веденеев Ю. А., Миронов Н. М. Современное избирательное право: понятие и система. «Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации», 2004, № 8. С. 76–84.

⁶ Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации. Учебник для вузов. Отв. ред. к. ю. н. А. А. Вешняков. М.: «Норма», 2003. С. 7 (авторы главы Ю. А. Веденеев, В. И. Лысенко).

⁷ См. Иванченко А. В. Избирательная система Российской Федерации в условиях становления многопартийности и ее роль в укреплении демократических основ российской государственности // «Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации». Спец. выпуск, 1998, № 9. С. 11.

развивается как вширь, так и вглубь. Для того, чтобы облегчить использование этого обширного нормативного материала, около двух десятков субъектов Российской Федерации подвергли переработке и систематизации свои избирательные законы, создав собственные избирательные кодексы или акты кодификационного характера, что является одним из существенных признаков самостоятельной отрасли права.

Во-вторых, избирательное право имеет собственный предмет правового регулирования, каковым являются избирательные правоотношения, которые складываются между субъектами избирательного права в процессе выборов органов государственной власти и местного самоуправления. Исследователями правильно обращается внимание на то, что предмет избирательного права охватывает и многие общественные отношения, находящиеся на «периферии» избирательного процесса, связанные с освещением избирательной кампании, юридической ответственностью участников выборов, восстановлением избирательных прав граждан. В этом смысле главный предмет избирательного права – политическая правосубъектность граждан⁸.

Эти отношения регулируются общепринятыми в теории права императивными (авторитарными) и диспозитивными (автономными) методами при превалировании императивных методов, так как избирательное право относится к публичным отраслям российского права. Более конкретными методами регулирования, используемыми избирательным правом, являются предписания, дозволения, запреты. Кроме императивного и диспозитивного методов регулирования, избирательное право широко применяет гарантийные процедуры в процессе реализации, защиты и восстановления нарушенных избирательных прав граждан. Метод гарантий составляет специфическую характеристику избирательного права, как публичного политического права.

В-третьих, избирательное право имеет и другую ярко выраженную специфику: оно стало одной из динамично развивающихся и интенсивно применяемых отраслей права и охватывает своим регулированием наиболее широкий круг граждан и юридических лиц, иных социальных образований, обеспечивает легитимное воспроизводство выборных властных структур. Более того, высказано мнение, что данная отрасль права является надежной опорой всей юридической системы правового государства, позволяет обеспечивать реализацию общепризнанных принципов политической демократии, верховенства права и уважения прав человека и гражданина⁹.

Наконец, в-четвертых, в последние годы созданы образовательные программы, учебники и другие труды научного и прикладного характера по избирательному праву и процессу, в том числе, впервые, двухтомный «Курс современного избирательного и референдумного

⁸ См. Веденеев Ю. А., Миронов Н. М. Указ. соч. С. 78.

⁹ См. Там же. С. 76.

права России», некоторые из этих трудов насчитывают до 800 страниц текста. Преподавание избирательного права введено в юридических вузах и средних специальных учебных заведениях, а также в других учебных заведениях гуманитарного профиля. Разработаны соответствующие учебные планы.

Размышляя о становлении избирательного права в качестве самостоятельной отрасли, следует иметь в виду, что система права хотя и обусловлена экономическими, политическими и иными факторами общественного развития, в конечном счете, является результатом субъективного выбора. Система права создается законодателем и учеными на основе изучения совокупности общественных отношений, требующих специфического правового регулирования¹⁰. Некоторые исследователи вообще считают деление права на отрасли условным, оно, как и любая классификация, несет в себе печать субъективизма. Классификации не имеют абсолютного значения и создаются самими исследователями в зависимости от стоящих перед ними задач¹¹. Поэтому неудивительно, что по прошествии столетий писаного права до сего времени в правовой науке отсутствует единство мнений как по вопросу общей структуры отраслей российского права, так и по поводу критериев (оснований) деления права на отрасли¹².

Процессы выделения из крупных фундаментальных отраслей права новых отраслей, обслуживающих вновь зародившиеся сферы экономической, социальной и культурной жизни, являются закономерными и касаются не только конституционного и избирательного права. В свое время в результате развития общественных отношений, развития законодательства и расширения предмета и методов регулирования традиционных отраслей права и усиления специфики отдельных групп правоотношений, из гражданского права выделились семейное, жилищное право, некоторые другие его подотрасли; из уголовного права – уголовно-исполнительное право; из финансового права – бюджетное и налоговое право; на стадии выделения из конституционного права и оформления в самостоятельную отрасль находится муниципальное право.

В последние годы в научных кругах дискутируются проблемы возникновения новых отраслей (подотраслей) права таких, как парламентское право, партийное право, отрасль конституционного правосудия¹³.

¹⁰ А. В. Васильев. Теория права и государства. Учебник. Изд. 3-е доп. и переработ. М.: Изд-во РАГС, 2003. С. 100.

¹¹ Сергеев А. А. Местное самоуправление в Российской Федерации: проблемы правового регулирования. М.: ТК Велби. Изд-во «Перспект», 2006. С. 24.

¹² Байтин М. И., Петров Е. Д. Система права: продолжение дискуссии; Мозолин В. П. Система российского права // Государство и право, 2003. № 1. С. 25–34; 107–113.

¹³ См.: Очерки парламентского права (зарубежный опыт). Предисловие Б. Н. Топорнина. М.: 2003, с. 1; Парламентское право России. Учебное пособие. Под ред. И. М. Степанова, Т. Я. Хобруевой. М.: Юрист, 2002, с. 14; Юдин Ю. А. Политические партии и право в современном государстве. М.: ИГ «Форум»-ИНФРА. М.: 2004, с. 18; Витрук Н. В. Конституционное правосудие. Судебное, конституционное право и процесс. Учебное пособие для вузов. М.: Закон и право, ЮНИТИ, 2005.

На основе развития общественных отношений и регулирующего их законодательства формируются такие комплексные отрасли (подотрасли) права, как хозяйственное, экологическое, медицинское, аграрное, транспортное (водное, воздушное, морское), космическое и др. Отдельные же отрасли теряют свои былые позиции либо вовсе исчезают (например, колхозное право) вследствие трансформации общественных отношений и изменения законодательства. В этом видится диалектика развития и функционирования системы права как важнейшего регулятора общественных отношений.

На эту тенденцию справедливо обратила внимание С. В. Поленина, которая считает: «Процесс развития системы права происходит не только за счет уточнения и конкретизации имеющихся о ней научных выводов и представлений, но и по объективным причинам, вследствие изменений, которые претерпевают сами общественные отношения. Одни отрасли и институты утрачивают значение, поскольку устаревают регулируемые ими отношения. И наоборот, появление новой сферы общественных отношений или усиление их значимости неизбежно влечет за собой создание новых структурных частей системы права»¹⁴. Но юридическое оформление новых отраслей и подотраслей осуществляется волею законодателя с учетом оценок и выводов правовой науки.

В свете изложенного, отпочкование из конституционного права избирательного права – специальной и в то же время комплексной отрасли права, набирающей все большее развитие вширь и вглубь, по нашему мнению, следует признать естественным и целесообразным, ибо перегружать ведущую отрасль российского права непрерывно расширяющейся конкретикой электоральных правовых норм представляется неоправданным. Ведь предметом избирательного права являются не только властеотношения, которые в первую голову присущи конституционному праву, но и широкий круг отношений, связанных с регулированием менее значимых организационных, финансовых, информационных отношений, отношений, связанных с формированием инфраструктуры выборов. Это предполагает «вычленение избирательного права из конституционного»¹⁵, рамки которого «как с предметной, так и методологической позиции оказались слишком узкими, чтобы вобрать в себя новую электоральную практику и порождаемые ею проблемы, коллизии и противоречия»¹⁶.

Место избирательного права в общей системе российского права определяется важностью и значимостью тех общественных отношений, которые регулируются нормами избирательного права. Оно регламентирует правовые и организационные процессы мирной цивилизованной смены

¹⁴ Поленина С. В. Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России // Государство и право, 1999, № 9. С. 6.

¹⁵ Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации. М.: «Норма», 2003. С. 12.

¹⁶ Там же. С. 8.

персонального состава таких важнейших структур власти и должностных лиц в Российском государстве, как президент, парламент, законодательные органы субъектов Федерации, представительные органы и главы муниципальных образований.

В условиях перехода от тоталитарного режима к демократии, когда все звенья политической системы, особенно политические партии, обретают реальный вес, всеобщие выборы превращаются в реальный способ легитимного завоевания власти, значение избирательного права и структур (субъектов права), приводящих в действие его нормы и принципы, многократно возрастает. Отсюда – повышенное внимание политиков, государственных и общественно-политических формирований, активных граждан к изучению избирательного права и процесса, институтов реализации и защиты избирательных прав субъектов избирательного процесса, что находит свое выражение во включении одноименной учебной дисциплины в учебные программы и планы вузов, других образовательных учреждений, а также в углубленном изучении деталей избирательного права и процесса в рамках специальных учебных мероприятий, проводимых по линии избирательных комиссий и политических партий.

Избирательное право, как и любая отрасль права, имеет собственный понятийный и категориальный аппарат, который играет важную роль в правоприменительной практике, в развитии избирательно-правовой науки и обучении участников избирательного процесса. Несмотря на то, что избирательная система Российской Федерации и ее субъектов еще окончательно не сложилась, наука, законодательство и практика выработали основы понятийного и категориального аппарата избирательного права и процесса. Порядок проведения выборов в Российской Федерации опирается на ряд основополагающих понятий, определений, терминов, которые являются надежным ориентиром для участников соответствующих правоотношений – субъектов избирательного права. Значение понятийного и категориального аппарата велико как для науки, так и для практики. Без них не может функционировать и развиваться ни одна отрасль науки в целом и правовой науки в частности и правоприменительный процесс. Основные понятия и категории выполняют опорные функции, держат в границах порядка организаторов и участников выборов, образуя единое поле для деятельности субъектов избирательных правоотношений.

Основные понятия и термины, используемые в избирательном, референдумном праве и процессе, можно условно разделить на две группы. К первой группе относятся фундаментальные понятия и категории, образующие научно-теоретическую базу избирательного права и процесса. К ним, в частности, следует отнести такие категории, как избирательная система, избирательный процесс, избиратель, иные субъекты избирательного права, избирательный ценз, избирательная кампания, Государственная автоматизированная система Российской

Федерации «Выборы», принципы избирательной системы, юридическая ответственность за нарушение законодательства о выборах и некоторые другие широкие понятия, в рамках которых выделяются более узкие по содержанию понятия и термины.

Ко второй группе могут быть отнесены достаточно большое число понятий и терминов, характеризующие инфраструктуру выборов, обслуживающие отдельные стадии избирательного процесса. Например, к категориям, образующим инфраструктуру выборов, относятся избирательный участок, избирательный округ, избирательная комиссия, регистрация (учет) избирателей, список избирателей и др. Наибольшее число терминов обслуживают отдельные стадии избирательного процесса: избирательный фонд, финансовый отчет кандидата, избирательного объединения, доверенное лицо, наблюдатель, политическая реклама, протокол голосования и многие другие.

Таковы некоторые подходы к классификации понятийного и категориального аппарата избирательного права и процесса¹⁷.

В теории и на практике наряду с термином «избирательное право» широко распространен термин «избирательное законодательство». Нередко эти понятия, особенно практиками, применяются как тождественные. Разумеется, эти понятия во многом совпадают, но они не идентичны. Правовая наука их различает и выявляет специфику и того, и другого.

Так, согласно постулатам общей теории права, под системой права понимаются нормы права, содержащиеся в различных источниках права самой различной юридической силы, объединенные по признакам единства предмета и метода регулирования общественных отношений определенного вида, образующие отрасли, подотрасли и институты права. Следовательно, система избирательного права представляет собой совокупность правовых норм, содержащихся в конституциях (уставах), законах, иных нормативных правовых актах, других источниках права, объединенные в отдельную отрасль по признаку единства предмета регулирования, а именно электоральных правоотношений.

Что касается «избирательного законодательства», то под этим термином, согласно теории права, следует понимать, прежде всего, систему законов, указов, других подзаконных нормативных актов¹⁸, регламентиру-

¹⁷ Примерный перечень основных понятий и категорий, которыми оперирует избирательное право и процесс, их определение и краткое содержание см.: Биктагиров Р. Т., Кинзягулов Б. И. Курс современного избирательного и референдумного права России. Том 2, приложение 2. С. 219–238.

¹⁸ Вместе с тем в научной литературе присутствует и узкая трактовка понятия «система законодательства», сторонники которого полагают, что система законодательства в отличие от системы нормативных актов состоит только из законов и не включает в себя какие-либо подзаконные акты. Более того, они считают, что Конституция Российской Федерации в целом и отдельные ее нормы также не входят в систему законодательства. Конкретизируя этот тезис применительно к законодательству о выборах, авторы резюмируют, что «систему избирательного законодательства в Российской Федерации составляют соответствующие законы – федеральные и субъектов Российской Федерации, и в нее не входят иные нормативные акты, например, постановления избирательных комиссий». (См.: Козлова Е. И., Головин А. Г. Направления дальнейшего совершенствования системы избирательного законодательства в Российской Федерации // Избирательное законодательство и выборы

ющих преимущественно избирательные права граждан и других субъектов электоральных отношений и вместе с тем содержащих немало норм права, относящихся к иным отраслям права, а также положения ненормативного характера, но имеющие важное организационно-политическое или иное значение. Система законодательства, избирательного законодательства в том числе, характеризуется, во-первых, наличием основного нормативно-правового акта, как правило, закона. Применительно к избирательному законодательству таковым является Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Во-вторых, наличием совокупности других нормативных правовых актов и, прежде всего, законов, большей частью, если не целиком, посвященных регулированию избирательных правоотношений. Например, федеральные и региональные законы о выборах депутатов конкретных представительных органов власти и должностных лиц, нормативные правовые акты избирательных комиссий, организующих выборы.

Таким образом, избирательное право и избирательное законодательство не только взаимосвязаны, но и в значительной части совпадают как категории, имеющие одинаковые источники. Однако избирательное законодательство, будучи сравнительно узким, но весомым по характеру представленных в нем норм, в то же время по общему содержанию представляет собой стержневую и более широкую категорию, поскольку объединяет в себе не только избирательно-правовые нормы и принципы, но и нормы, относящиеся к другим отраслям права, а также положения общего и директивного характера, определяющие вектор электорально-правового развития государства. Избирательное законодательство, по нашему мнению, является ядром избирательного права, так как оно содержит более значимые нормы избирательного права, чем другие источники, причем имеющие высшую (после конституционных норм) юридическую силу.

В связи с анализом избирательного права и одноименной системы законодательства, полагаем нелишним упомянуть такое понятие, как правовая система государства. Последняя представляет собою наиболее широкую категорию правовой сферы. Правовая система включает в себя не только все отрасли права и законодательства, сформированные и действующие в государстве, но и правовую идеологию, то есть различные учения, теории, взгляды относительно права, правовую политику государства, их воздействие на общественные отношения. Таким образом, можно заключить, что идеология избирательного права соединяет в себя, кроме законодательства и других источников избирательного права, широкую совокупность теорий,

---

в регионах: теория и практика. Под ред. С. В. Юсова. М. ТК Велби. Изд-во «Проспект», 2005. С. 60. Следует признать, что такой подход, хотя в целом и не отражает практику систематизации отраслей законодательства, которые, как правило, включают в себя, кроме законов, указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации и другие подзаконные акты, все же позволяет четко разграничить понятия «избирательное право» и «избирательное законодательство».

взглядов, представлений об избирательном праве, его принципах, тенденциях развития и влияния на формирование и деятельность выборных органов публичной власти.

Стадии избирательного процесса: правовая природа и проблемы классификации

Подготовка и проведение выборов в органы государственной власти и местного самоуправления в правовом аспекте выражается в избирательном процессе, протекающем во времени и в пространстве. Избирательный процесс, будучи сложным многоэтапным явлением правовой действительности, оформляется в законодательстве и реализуется на практике как система последовательно сменяющих друг друга стадий (этапов), выполняющих промежуточные задачи и функции на пути к конечной цели процесса – формированию выборных органов публичной власти и их легитимации. Таким образом, стадии составляют живую ткань избирательного процесса.

Исследование институциональной компоненты избирательного процесса полагаем начать с анализа высказанных в научной литературе позиций о понятии и признаках юридического процесса. Эти вопросы рассматривались преимущественно в разрезе традиционных гражданского, уголовного, административного процессов, в трудах А.Н. Абрамова, Д.Н. Бахраха, Ю.Н. Осипова, И.В. Пановой, а применительно к избирательному процессу – в исследованиях Ю.А. Веденеева, Ю.А. Дмитриева, В.Б. Израеляна, С.Д. Князева, Е.В. Корчиги, В.Г. Крупина, В.И. Лысенко, М.В. Масловской, Е.Н. Хрусталева, М.Ф. Чудакова и других ученых.

В специальной литературе представлены различные определения и признаки стадии юридического процесса – от лаконичных (С.Н. Абрамов, Ю.К. Осипов) до развернутых (И.В. Панова, Д.Н. Бахрах, М.В. Масловская, Е.В. Корчиги)¹⁹.

Е.В. Корчиги, исследовавшая эту проблему также применительно к избирательному процессу, выделяет следующие признаки процессуальной стадии:

- 1) завершенность, которая характеризуется наличием собственной самостоятельной цели и получением определенного правовой нормой результата;
- 2) особый круг субъектов и специфика их процессуального статуса;
- 3) особый круг юридических фактов;

¹⁹ См.: Абрамов С.Н. Советский гражданский процесс. М.: 1952, с. 17; Осипов Ю.К. Подведомственность юридических дел. Свердловск, 1973, с. 77; Панова И.В. Юридический процесс. Саратов, 1998, с. 44; Бахрах Д.Н. Административное право. М.: изд-во БЕК, 1993, с. 250; Масловская М.В. Избирательный процесс в Российской Федерации. Автореф. дисс.канд.наук, Волгоград, 1999, с. 10; Корчиги Е.В. Стадии избирательного процесса. // Дамаскин О.В., Корчиги Е.В., Сеченова Р.Р. Избирательный процесс и электорально-правовая культура. М.: «Норма», 2005, с. 97–99.

4) особый круг избирательных действий и процедур, совершаемых в определенной последовательности в рамках данной стадии.

На основе указанных признаков юридического процесса, которые, по ее мнению, присущи и избирательному процессу, но не исключают наличие его собственных отличительных признаков, автор дает следующее определение стадии избирательного процесса: «Стадия избирательного процесса – это обособленная во времени совокупность избирательных действий и процедур, объединенных собственной самостоятельной целью и направленных на достижение предусмотренного процессуальной нормой избирательного права результата, обеспечивающего достижение общей цели избирательного процесса, и характеризующаяся особым кругом субъектов и оснований их (действий и процедур) совершения»²⁰.

Представляется, что исследователю удалось выявить как общие, так и отличительные признаки стадии избирательного процесса и предложить достаточно полное определение, отражающее его сущность и характерные признаки.

По проблеме общего перечня и классификации стадий избирательного процесса высказаны самые различные мнения. Провести их полный анализ не позволяют рамки журнальной статьи. Поэтому отметим лишь основные позиции ученых.

Е. А. Хрусталеv, один из первых, обратившихся в новое время к проблемам избирательного процесса, разделяет его на девять стадий²¹. С. Д. Князев, весьма плодотворно участвующий в научной разработке проблем избирательного права и процесса, выделяет пять основных и три факультативных стадии²².

Сторонниками излишнего дробления избирательного процесса являются В. В. Маклаков и М. Ф. Чудаков, каждый из которых выделяет по двенадцать стадий²³.

Следует отметить, что встречаются и укрупненные варианты трактовки стадий избирательного процесса. Так, В. Г. Крупин делит его всего на три стадии:

1) организационно-подготовительную стадию; 2) стадию реализации пассивного избирательного права; 3) стадию реализации активного избирательного права²⁴.

²⁰ См.: Дамаскин О. В., Корчиго Е. В., Сеченова Р. Р. Назв. соч., с. 97.

²¹ См.: Хрусталеv Е. Н. Избирательный процесс в России: понятие и стадии// Правоведение, 1998, № 2, с. 33–34.

²² См.: Князев С. Д. Очерки теории российского избирательного права. Владивосток, 1999, с. 315–316.

²³ См.: Маклаков В. В. Народные голосования (выборы, отзыв, референдум)// Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Учебник для вузов. Общая часть. Рук. авт. колл. и отв. ред. Б. А. Страшун, Издание 4-е обновл. и доработ. М.: «Норма», 2005, с. 433–434; Чудаков М. Ф. Избирательный процесс: понятие и основные стадии. Минск, 2001, с. 4.

²⁴ См.: Крупин В. Г. К вопросу о стадиях избирательного процесса// Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве. Вып. 1, Ярославль, 1979, с. 75.

В первом учебнике для вузов по избирательному праву и процессу, вышедшем в свет в 1999 году, названы пять основных стадий избирательного процесса: 1) назначение выборов; 2) образование избирательных округов, избирательных участков, составление списков избирателей; 3) выдвижение кандидатов (списков кандидатов) и их регистрация; 4) предвыборная агитация; 5) голосование и определение итогов голосования, результатов выборов и их опубликование. К факультативным стадиям отнесены: проведение повторного голосования; повторных выборов; выборов депутатов вместо выбывших; новых выборов²⁵. (Авторы главы Ю. А. Веденеев, В. И. Лысенко).

В новом учебнике под тем же названием, выпуск которого также осуществлен ЦИК России (2003 г.), в перечень стадий избирательного процесса авторами существенных изменений не внесено, кроме изменения названия четвертой стадии, которая несколько расширена и представлена как информационное обеспечение выборов и предвыборная агитация, и исключения из перечня факультативных стадий стадии проведения новых выборов²⁶.

Расширение четвертой стадии избирательного процесса за счет информационного обеспечения выборов, с нашей точки зрения, не отражает реалии, ибо информационное обеспечение выборов по своему функциональному назначению не относится к какой-либо стадии избирательного процесса, а является постоянной функцией, сопровождающей все стадии процесса, начиная от опубликования акта о назначении выборов до обнародования их результатов. Что же касается изъятия из перечня факультативных стадий стадии проведения новых выборов, то оно, по нашему мнению, сделано совершенно правильно, ибо новые выборы образуют новый избирательный процесс со всеми его стадиями.

Осмысливая и выражая свое отношение к изложенным позициям, отметим только те стадии, выделение которых вызывает возражения.

В первую очередь это относится к назначению выборов. Большинство исследователей институт назначения выборов традиционно рассматривают в качестве стадии избирательного процесса. Однако это мнение представляется не только спорным, но и недостаточно обоснованным. Дело в том, что назначение выборов как таковое представляет собой обычный акт реализации полномочий уполномоченного на то органа или должностного лица, лишь открывающий конкретную избирательную кампанию, то есть процесс выборов того или иного органа государственной власти, местного самоуправления. Сам же избирательный процесс берет старт с даты опубликования акта о назначении выборов (подчеркнуто – автором). Строго говоря, акт о назначении выборов находится за пределами календарных сроков избирательной кампании. Но главным аргументом в пользу исключения назначения выборов из перечня стадий избирательного процесса является

²⁵ См.: Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации. М.: 1999, с. 261.

²⁶ См.: Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации. М.: 2003, с. 297.

то, что акт о назначении выборов по своему существу не решает ни одного избирательно-процессуального вопроса, а лишь открывает возможность начать избирательный процесс после его официального опубликования в печати, а потому, по нашему мнению, не может рассматриваться в качестве стадии избирательного процесса.

Фактически по этой же причине представляется необоснованным отнесение к стадии избирательного процесса такого общегосударственного мероприятия, как регистрация (учет) избирателей. Результаты регистрации (учета) избирателей лишь создают необходимые предпосылки для настоящего избирательного действия (процедуры), осуществляемого в рамках избирательного процесса, каким является составление списков избирателей. Данное избирательное действие, на наш взгляд, является составной частью стадии формирования организационно-технологической основы (инфраструктуры) выборов. Процедура регистрации (учета) избирателей проводится вне рамок избирательного процесса два раза в год, независимо от назначения и проведения выборов²⁷.

Представляется также необоснованным выделение как самостоятельной стадии избирательного процесса формирование избирательных фондов. Данная избирательная процедура, равно как и внесение избирательного залога, относится к стадии выдвижения и регистрации кандидатов, списков кандидатов. Избирательные законы создание избирательных фондов как кандидатов, так и избирательных объединений, прямо связывают именно с этой стадией избирательного процесса.

Относительно факультативных стадий избирательного процесса следует отметить, что выделение их является необходимым в рамках доктринального толкования стадий избирательного процесса. Что же касается конкретных избирательных процедур, предлагаемых различными авторами в качестве факультативных стадий процесса, то далеко не все из них могут быть признаны таковыми. Например, предлагаемой С.Д. Князевым стадии приостановления (переноса) выборов, дополнительного выдвижения кандидатов, списка кандидатов. Приостановление или перенос выборов законодательством не предусмотрено²⁸, а потому никак не может претендовать на стадию процесса. Дополнительное выдвижение кандидатов, списков кандидатов, хотя и предусмотрено законодательством при определенных условиях (см. п. 33 ст. 38 рамочного Федерального закона), представляет собой лишь отложение на время (на установленной законом срок) основной стадии избирательного процесса – выдвижения и регистрации кандидатов, списков кандидатов. О неправомерности выделения в качестве факультативных стадий проведения дополнительных, повторных или новых выборов следует заметить, что все

²⁷ См.: п. 3 ст. 69 и п. 1 ст. 70 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – рамочный Федеральный закон).

²⁸ Имевшие место в 90-х годах прошлого столетия редчайшие факты переноса дня голосования (напр. в г. Санкт-Петербурге по инициативе губернатора А.А. Собчака) не имели под собой законных оснований.

эти процедуры предполагают проведение избирательного процесса в полном объеме его стадий. Данное обстоятельство препятствует признанию указанных процедур в качестве факультативных стадий избирательного процесса.

Таким образом, полноценной факультативной стадией избирательного процесса является только одна стадия – повторное голосование, проводимое на условиях, предусмотренных п. 1 ст. 71 рамочного Федерального закона и соответствующих норм других избирательных законов.

В условиях отсутствия в российском избирательном законодательстве нормативного определения избирательного процесса и его стадий все вышеприведенные позиции ученых-юристов относительно числа и наименования стадий избирательного процесса представляют собой доктринальную трактовку исследуемого предмета. По нашему мнению, каждая концепция в целом обогащает наши представления об избирательном процессе, а потому имеет право на существование, хотя и отражает личную позицию ее автора.

Вместе с тем, как нам представляется, анализ содержания избирательных законов позволяет говорить о некоторых, хотя и слабовыраженных, правовых основаниях выделения и формулирования стадий избирательного процесса. Прежде всего, это наименование глав и процессуальный характер содержащихся в них норм. Но данный критерий требует не механического, а продуманного подхода к конструированию стадий именно с позиций общего понятия и специфики избирательного процесса.

Руководствуясь данной методикой, в российском избирательном процессе полагаем возможным выделить следующие основные стадии:

- 1) формирование организационно-технологической основы (инфраструктуры) выборов;
  - 2) выдвижение и регистрация кандидатов, списков кандидатов;
  - 3) предвыборная агитация;
  - 4) голосование избирателей, подсчет голосов, определение результатов выборов и их опубликование;
- а также одну факультативную стадию – повторное голосование.

С нашей точки зрения излишнее дробление избирательного процесса на многочисленные стадии в организационно-правовом отношении и в методическом плане представляется неоправданным, ибо далеко не все из них имеют основание претендовать на автономную часть избирательного процесса, решающую значительную промежуточную задачу на пути к достижению конечной цели – формированию выборных органов публичной власти. В то же время вряд ли приемлема и слишком общая конструкция стадий избирательного процесса.

Стадии процесса, как нам представляется, должны быть достаточно конкретными и основываться на нормах избирательного закона, в совокупности образующими определенный этап избирательной кампании со значимым промежуточным результатом. При конструировании стадий необходимо

принять во внимание и то обстоятельство, что стадия представляет собой достаточно емкое по числу избирательных действий и продолжительная во времени компонента избирательного процесса.

С избирательным процессом тесно связаны некоторые процедуры, осуществляемые до или после избирательной кампании. Речь идет о регистрации политических партий и общественных объединений – потенциальных субъектов предстоящей избирательной кампании, о государственной регистрации (учете) избирателей, а также подготовке и представлении кандидатами, избирательными объединениями финансовых отчетов в соответствующие избирательные комиссии. Некоторые авторы, как видно из вышеизложенного, указанные процедуры трактуют в качестве составной части избирательного процесса, что вызывает серьезные возражения.

Регистрация политических партий, иных общественных объединений, их региональных отделений де-юре и де-факто не относится к избирательному процессу. Данная государственная процедура производится вне зависимости от какой бы то ни было избирательной кампании, не является избирательно-процессуальной и не регламентируется законами о выборах конкретных органов публичной власти. Она преследует гораздо более широкие цели, нежели участие в выборах, а именно реализацию партией, общественным объединением своей правосубъектности в полном объеме, во всех направлениях деятельности, определенных уставом партии, объединения. Факт государственной регистрации лишь принимается к сведению компетентными органами при решении вопроса о допуске той или иной партии, общественного объединения к избирательной кампании в качестве избирательного объединения. Таким образом, процедура регистрации политических партий, общественных объединений, их региональных отделений находится за пределами избирательного процесса и не может быть искусственно включена в его состав.

Об отсутствии достаточных оснований для включения процедуры регистрации (учета) избирателей в состав избирательного процесса речь шла выше. Подчеркнем еще раз: регистрация (учет) избирателей образует самостоятельное общегосударственное мероприятие, не связанное с конкретными выборами. Она проводится дважды в год независимо от наличия или отсутствия выборов. Ее данные лишь служат рабочим материалом для составления списков избирателей соответствующей избирательной комиссией для конкретной избирательной кампании. Именно эта последняя процедура и является составной частью подготовительной стадии избирательного процесса.

Итоговая финансовая отчетность кандидатов, избирательных объединений и избирательных комиссий осуществляется вне рамок избирательного процесса, она не преследует процессуально-правовые цели и не может оказать реального воздействия на ход избирательного процесса. Поэтому считать ее стадией избирательного процесса нет достаточных оснований.

А.А. МАКАРЦЕВ

Использование должностного или служебного положения как форма злоупотребления правами: проблемы правового ограничения

В избирательных правоотношениях, как и в любых других, участники не могут обладать безграничной свободой действий. Свобода субъекта, которая извне всегда ограничена законодательными актами, а изнутри – моралью, является основой злоупотребления. Как отмечается в литературе, возможность злоупотребления кроется в самой природе субъективного права¹, реализация которого, несмотря на нарушения «духа» закона, может сохранять видимость легального поведения². Одной из форм злоупотребления правом в ходе избирательной кампании является использование преимуществ должностного или служебного положения.

Принцип запрета на злоупотребление правом закреплен в Конституции Российской Федерации и имеет общий характер для всех отраслей российской правовой системы. В соответствии с ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. В связи с этим необходимо отметить, что подход, избранный российским законодателем для предотвращения случаев злоупотребления избирательными правами, нельзя признать идеальным. Анализ положений Федерального закона Российской Федерации от 12 июня 2002 г. № ФЗ-67 «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»³ позволяет вывести основную концепцию противодействия злоупотреблению избирательными правами, используемую в российских законах. Законодатель предлагает недопустимость злоупотребления правом рассматривать как обычную запрещающую норму, как

МАКАРЦЕВ Андрей Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент, декан факультета государственного сектора Новосибирского государственного университета экономики и управления, член Новосибирской городской муниципальной избирательной комиссии

¹ Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2007. С. 132.

² Кратенко М. В. Злоупотребление свободой договора: частноправовые и публично-правовые аспекты. М: ВолтерсКлувер, 2010. С. 22.

³ Собрание законодательства Российской Федерации Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.

предел осуществления субъективного права. В Федеральном законе от 19 сентября 1997 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»⁴ особое внимание законодателя к проблеме предотвращения случаев злоупотребления некоторыми избирательными правами выразалось в том, что понятие «злоупотребление избирательными правами» было вынесено в название ст. 45 Закона «Недопустимость злоупотреблений правом на проведение агитации». В действующем Законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» проводится концепция закрепления рамок правомерного поведения субъектов избирательного процесса. Некоторое исключение составляет такая форма злоупотребления правами, как использование преимуществ должностного или служебного положения в ходе избирательной кампании.

В соответствии с ч. 2 ст. 19 Конституции Российской Федерации, политико-правовой потенциал которой еще не реализован в полной мере⁵, государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Особое внимание авторов российского Основного закона к гарантиям равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от должностного положения определило появление в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» отдельной статьи, посвященной ограничениям, связанным с использованием в ходе выборов преимуществ должностного или служебного положения, то есть того, что в политической практике называют «административный ресурс». Необходимость особого внимания к проблемам квалификации правонарушений, связанных с использованием преимуществ должностного или служебного положения в ходе избирательной кампании определяется еще и тем, что в соответствии со ст. 76 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» неоднократность совершения подобных правонарушений является основанием для отмены регистрации кандидата.

Российское законодательство установило запреты на использование административного ресурса в ходе избирательной кампании для двух категорий лиц. К первой относятся лица, являющиеся кандидатами, и замещающие государственные или выборные муниципальные должности;

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 38. Ст. 4339.

⁵ Юсубов Э.С. Дискурс о стабильности Конституции Российской Федерации 1993 г. // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 1. С. 13.

находящиеся на государственной или муниципальной службе; являющиеся членами органов управления организаций (кроме политических партий), должностными лицами, журналистами, другими творческими работниками средств массовой информации. Вторую категорию составляют лица, не являющиеся кандидатами, замещающие государственные или выборные муниципальные должности; находящиеся на государственной или муниципальной службе; являющиеся членами органов управления организаций (кроме политических партий)⁶.

Возможности использования преимуществ должностного или служебного положения можно увидеть на всех стадиях избирательного процесса. Судья Конституционного Суда Российской Федерации С. М. Казанцев в Особом мнении к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 15 апреля 2016 года⁷ связал этот деликт с институтом досрочного голосования. Он отмечал, что избирательные права, будучи элементом конституционного статуса избирателя, являются в то же время и элементом публично-правового института выборов – в них воплощаются как личный интерес каждого конкретного избирателя в принятии непосредственного участия в управлении делами государства, так и публичный интерес, реализующийся в объективных итогах выборов и формировании на этой основе органов публичной власти. Вместе с тем, по смыслу ст. 1 Конституции Российской Федерации в их взаимосвязи, эти интересы могут вступать между собой в известное противоречие. Задачей федерального законодателя является такое построение государственных и общественных институтов, которое объективно способствовало бы развитию демократии на основе сочетания и взаимодействия публичных и личных интересов⁸.

В поисках этого баланса федеральным законодателем в последнее десятилетие были внесены значительные изменения в правовое регулирование избирательного механизма: от широкого использования досрочного голосования был осуществлен переход к его существенному ограничению. Причиной такого тренда стали неоднократные правонарушения, допускавшиеся в процессе применения досрочного голосования. Основным контингентом досрочно голосующих оказываются военнослужащие, государственные и муниципальные служащие, работники государственных и муниципальных учреждений, а также пенсионеры, что

⁶ Зелинский Я. В. Вопросы юридической ответственности за использование преимуществ должностного или служебного положения в период избирательной кампании // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 9. С. 46–47.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 15 апреля 2014 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 65 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Владимирской области» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 16. Ст. 1922.

⁸ Шерстобоев О. Н. Теория интереса в административно-правовом измерении: на примере высылки иностранных граждан за пределы принимающего государства // Российский юридический журнал. 2014. № 3. С. 99.

вызывает подозрения в злоупотреблении отдельных должностных лиц своим служебным положением. В настоящее время право предусмотреть возможность проведения досрочного голосования по выборам органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления относится к компетенции субъекта Федерации. При этом в ходе процесса внесения изменений в законодательство, иногда очень активного, надо иметь в виду, что «взвесить» как на весах права и свободы человека и гражданина, и конституционные ценности, ради которых они могут быть ограничены, определить абсолютный минимум, «ядерное содержание» права, неприкосновенное ни при каких условиях, – задача достаточно трудная как для законодателя, так и для Конституционного Суда Российской Федерации, однако такой естественно-правовой ориентир необходим во избежание умаления прав и свобод человека и гражданина и произвольного их ограничения, основанного на позитивистском правопонимании⁹.

Проблема использования преимуществ должностного или служебного положения находилась в центре внимания и Европейского Суда по правам человека. Он неоднократно в своих решениях обращал внимание на то, что лица, замещающие то или иное должностное положение, всегда будут иметь определенные преимущества в избирательном процессе. Так, в решении по делу «Гитонас (Gitonas) и другие против Греции» от 1 июля 1997 года, связанным с аннулированием результатов выборов на основании статьи 56 пункта 3 Конституции Греции, Суд говорит о необходимости закрепления в законодательстве ограничений их использования. Проводя анализ этого конституционного положения, согласно которому «гражданские служащие и военнослужащие вообще, взявшие на себя в соответствии с законом обязательство состоять на службе на протяжении определенного срока, не могут объявляться кандидатами и избираться депутатами Парламента в течение срока действия этих обязательств», Суд отметил: «Что касается объективных критериев, по которым определяется неизбираемость, и которые не дают возможности Высшему специальному суду принимать во внимание какие бы то ни было особенности конкретного дела, Суд не находит такую ситуацию неразумной; практически очень трудно доказать, что нахождение на государственной службе было использовано в избирательных целях». Суд отметил, что «эти ограничения введены с учетом реалий политической жизни Греции и имеют целью обеспечить политическую нейтральность государственной службы, независимость членов Парламента, соблюдения принципа разделения властей»¹⁰.

⁹ Черепанов В. А. К вопросу об ограничении пассивного избирательного права // Государство и право. 2015. № 12. С. 47–54.

¹⁰ <http://european-court.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/gitonas-i-drugie-protiv> (дата доступа 15 мая 2016 г.)

Перечень действий, которые можно квалифицировать в качестве использования преимуществ должностного или служебного положения содержатся в п. 5 ст. 40 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 марта 2011 г. № 5 «О практике рассмотрения судами дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», этот перечень не подлежит расширительному толкованию. При оценке обстоятельств дел, связанных с использованием в ходе избирательной кампании преимуществ должностного или служебного положения, необходимо принимать во внимание, какое влияние оно оказало на процесс реализации субъективного избирательного права. В связи с этим нельзя в полной мере согласиться с мнением, что объектом использования преимуществ должностного или служебного положения выступает лишь комплекс общественных отношений, связанный с реализацией гражданами своего пассивного избирательного права, то есть совершение этого правонарушения не воздействует негативно на права избирателей¹¹. Любое правонарушение, связанное с использованием преимуществ должностного или служебного положения, непосредственно влияет на процесс реализации активного избирательного права, так как ставит правонарушителя в привилегированное положение по отношению к другим кандидатам, и как следствие – приводит к искажению содержания волеизъявления избирателей: нарушение равного статуса кандидатов негативно сказывается на условиях реализации активного избирательного права. Это актуально и в связи с тем, что особенностью правонарушений, связанных с использованием должностного или служебного положения является то, что их совершение возможно в рамках любой стадии избирательного процесса, и как следствие – умаление избирательных прав может происходить в рамках любой электоральной процедуры.

На необходимость более глубокой оценки обстоятельств подобных правонарушений обращается внимание и в уже упомянутом выше Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 марта 2011 г. № 5. В соответствии с ним, при решении вопроса о том, является ли использование служебного или должностного положения достаточным основанием для применения судом предусмотренных Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» неблагоприятных последствий для кандидата, избирательного объединения, необходимо, в частности, выяснять кратность, характер, содержание, цель совершения этих действий. Именно на основе проведенного анализа соответствия

---

¹¹ Шин А. Г. Конституционно-правовая ответственность кандидатов в депутаты или на выборные должности за использование на выборах преимуществ своего должностного (служебного) положения. Иркутск, 2013. С. 74.

действий кандидата этим критериям, можно установить факт совершения правонарушений.

Неоднократность совершения правонарушений, связанных с использованием преимуществ должностного или служебного положения, стало основанием привлечения к ответственности одного из кандидатов в ходе проведения повторных выборов Саратовской областной Думы третьего созыва по Фрунзенскому одномандатному избирательному округу № 11. Окружная избирательная комиссия обратилась в суд с представлением об отмене регистрации кандидата в депутаты Саратовской областной Думы третьего созыва Ш. В обоснование представления было указано на то, что Ш., являясь главным редактором газеты «Отражение», учредителем которой является Саратовский общественный региональный благотворительный фонд поддержки пенсионеров, выпустил два номера газеты, целиком посвященные агитационным материалам в поддержку своей кандидатуры. В нарушение действующего избирательного законодательства Ш. не представил в окружную избирательную комиссию копии приказа об освобождении его на период выборов от должности главного редактора газеты, а, следовательно, указанными действиями Ш. нарушил принцип равного избирательного права, использовав преимущества своего служебного положения.

В судебном заседании председатель избирательной комиссии дополнил основание к требованию об отмене регистрации теми обстоятельствами, что Ш. в нарушение действующего законодательства, будучи кандидатом в депутаты, проводил предвыборную агитацию в средстве массовой информации, не входящем в перечень изданий, утвержденный Саратовской областной избирательной комиссией. В кассационной жалобе Ш. указывал на необоснованность решения суда первой инстанции. Проверив материалы дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не нашла оснований для ее удовлетворения. По мнению Суда Ш. незаконно использовал возможности благотворительной организации и ее печатного органа и поставил себя в преимущественное положение относительно других кандидатов, нарушив принцип равных условий доступа к средствам массовой информации¹².

Избирательное законодательство старается обеспечить равное положение участников избирательной кампании путем ограничения прав кандидатов, занимающихся определенной деятельностью, воздействовать на избирательный процесс, используя свои профессиональные возможно-

¹² Определение Верховного Суда РФ от 29 ноября 2002 г. Дело № 32-02-20 Определение Верховного Суда РФ от 29.11.2002 N32-Г02-20 «Представление избирательной комиссии об отмене регистрации кандидата в депутаты областной Думы удовлетворено правомерно, так как кандидатом были допущены существенные нарушения избирательного законодательства при проведении предвыборной агитации» // СПС «КонсультантПлюс».

сти. Одной из гарантий равенства субъектов пассивного избирательного права является «предвыборный отпуск»¹³, в который они должны уходить. В соответствии с частью 2 статьи 40 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», зарегистрированные кандидаты, находящиеся на государственной или муниципальной службе либо работающие в организациях, осуществляющих выпуск средств массовой информации, на время их участия в выборах освобождаются от выполнения должностных или служебных обязанностей и представляют в избирательную комиссию заверенные копии соответствующих приказов. По мнению Конституционного Суда Российской Федерации, «предвыборный отпуск» является оправданной мерой, введенной для того, чтобы использование этими лицами преимуществ своего должностного положения и возможностей влиять на процесс и итоги выборов исключалось, что, в свою очередь, обеспечивает реализацию конституционных гарантий свободы волеизъявления, права граждан на участие в демократических, свободных и периодических выборах как высшем непосредственном выражении принадлежащей народу власти¹⁴. Этот вывод российским органом конституционного контроля был сделан в отношении обязанности уходить в предвыборный отпуск руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, зарегистрированных в качестве кандидатов на выборах.

В действующем российском избирательном законодательстве обязанность уходить в отпуск распространяется только на лиц, находящихся на государственной или муниципальной службе либо работающих в организациях, осуществляющих выпуск средств массовой информации. Кандидаты, замещающиеся муниципальные или государственные должности, были исключены из этого перечня в середине 2000-х годов¹⁵. Исходя из логики Конституционного Суда Российской Федерации, действующее законодательство допускает возможность использования этими лицами преимуществ своего должностного положения в форме влияния на ход избирательного процесса и итоги выборов.

¹³ Право избирать и быть избранным в российских политических реалиях: основные конституционно-правовые проблемы. Рук. авт. кол и отв. ред. проф. Авакьян С.А. М., 2015. С. 118.

¹⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2003 г. № 457-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запросов губернатора Вологодской области, губернатора Ленинградской области, Правительства Мурманской области и обращения политсовета Мурманского регионального отделения политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» о проверке конституционности пункта 2 статьи 40 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» и пункта 2 статьи 49 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 3. С. 17.

¹⁵ Федеральный закон от 21 июня 2005 г. № 93-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты РФ» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 30. (ч. 1). Ст. 3104.

Анализ избирательных кампаний показывает, что у правоприменителей вызывают трудности определение правового статуса должностных лиц, являющихся кандидатами. Это является следствием как недостатков законодательства, так и политической практики. Особый интерес в этом контексте вызывает дело, связанное с попыткой отмены регистрации кандидата З., являющегося во время избирательной кампании исполняющим обязанности мэра г. Новосибирска. В соответствии с частью 2 статьи 39 Устава г. Новосибирска, в случае досрочного прекращения полномочий мэра г. Новосибирска его полномочия в полном объеме исполняет первый заместитель. Вследствие этого З., являясь на момент ухода мэра в отставку первым его заместителем, на основании распоряжении мэрии Новосибирска от 10 января 2014 года приступил к исполнению полномочий главы муниципального образования в полном объеме.

Обосновывая свое заявление в суд об отмене решения Новосибирской городской муниципальной избирательной комиссии от 3 марта 2014 года «О регистрации З. кандидатом на должность мэра г. Новосибирска», кандидат С. ссылался на неоднократное использование З. «преимуществ своего должностного положения, выразившихся в несоблюдении установленных законодательством ограничений в получении регулярного и монопольного доступа к средствам массовой информации». Заявитель считал, что «кандидат З. неправомерно отказался от ухода в отпуск для участия в избирательной кампании, в результате чего З., будучи муниципальным служащим, получил доступ к информационным муниципальным ресурсам».

Представитель З. в возражении на заявление об отмене регистрации кандидата отметил, что «выборные должностные лица местного самоуправления (к которым относится мэр г. Новосибирска) не являются муниципальными служащими. Таким образом, на лицо, замещающее должность мэра Новосибирска, не распространяется требование части 2 статьи 40 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» об освобождении от выполнения должностных или служебных обязанностей».

Суд первой инстанции, рассматривая обстоятельства дела, обратил внимание, что статус З. определяется как статус муниципального служащего, а не выборного должностного лица местного самоуправления. В соответствии со статьей 19 Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации», единственным фактом, подтверждающим прекращение статуса муниципального служащего, может быть только факт расторжения трудового договора (контракта). В суд не было представлено документальное подтверждение факта расторжения договора (контракта) З. с мэрией Новосибирска. Более того, в представленной в суд копии трудовой книжки З. отсутствовала

запись о расторжении трудового договора о назначении на муниципальную службу на должность первого заместителя мэра г. Новосибирска. Суд отмечал, что, поскольку З. не вступал в должность мэра в установленном Уставом Новосибирска порядке, статус выборного должностного лица он не приобрел. Он лишь временно приостановил исполнение обязанностей заместителя мэра Новосибирска. Факт временного исполнения З. обязанностей мэра г. Новосибирска, по мнению суда, не изменяет статус муниципального служащего, а лишь временно наделяет его полномочиями главы муниципального образования. Вследствие этого, суд принял решение об удовлетворении требований заявителя¹⁶. Это решение было отменено Новосибирским областным судом¹⁷. Суд посчитал, что исполняющий обязанности мэра г. Новосибирска в полном объеме обладает полномочиями главы муниципального образования, и отказ от ухода в отпуск в период избирательной кампании нельзя рассматривать как неправомерный.

К сожалению, решение Новосибирского областного суда не было обжаловано в Верховном Суде Российской Федерации, и в настоящее время его позицию по этому делу мы знать не можем. Но более логичной представляется позиция суда первой инстанции, заключающаяся в том, что временное исполнение первым заместителем мэра обязанностей главы муниципального образования не изменило его статус как муниципального служащего. При этом расторжение служебного контракта с лицом, замещающим должность первого заместителя мэра г. Новосибирска, повлечет за собой невозможность исполнения этим лицом обязанностей мэра.

Уход кандидата в предвыборный отпуск не всегда является гарантией обеспечения равного положения участников избирательной кампании, минимизации возможностей злоупотреблять своими правами, оказывая воздействие на ход избирательного процесса. Даже у находящихся в отпуске кандидатов остаются возможности влиять на принятие решений по месту их работы. В Постановлении от 7 сентября 2013 года № 138/1010–5 Избирательной комиссии Амурской области нашла отражение позиция о том, что в действиях М., зарегистрированного кандидата в депутаты Белогорского городского Совета народных депутатов VI созыва по избирательному округу № 6, можно увидеть признаки использования преимуществ должностного положения. Так, М., являясь главным редактором и учредителем общественно-информационной газеты «Просто газета», на время избирательной кампании ушла в отпуск. Во время ее нахождения в отпуске в данном СМИ была опубликована статья «Преосвященный

¹⁶ Решение Центрального районного суда г. Новосибирска от 21 марта 2014 г. Дело № 2–3061/2014.

¹⁷ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Новосибирского областного суда от 29 марта 2014 г. // Дело № 33–3526–2014.

епископ Лукиан» за подписью кандидата, при этом материал не был оплачен из средств избирательного фонда¹⁸.

Изучение избирательной практики позволяет высказать мнение, что наибольший потенциал возможности явного или неявного злоупотребления правом в форме использования преимуществ должностного или служебного положения содержится на тех стадиях избирательного процесса, в рамках которых происходит пересечение сферы действия конституционного законодательства с общественными отношениями, регулируемые нормами иных отраслей российского права. Избирательное законодательство позволяет в ходе избирательной кампании различным субъектам избирательного права использовать для достижения публично-значимой цели отдельные институты частного права. Более того, в некоторых случаях законодатель отсылает правоприменителя к нормам частного права. При использовании последних фактически происходит трансформация частноправовых конструкций в механизмы публичного права, в результате чего происходит их перерождение, обновление в сфере публично-правовой материи. В некоторой степени осуществляется перегрузка публичного регулирования частноправовыми механизмами, вследствие чего проявляются пробелы в поле правового регулирования, что приводит к возникновению возможностей злоупотребления правами. Подобные последствия возникают и потому, что правоприменитель, используя механизмы частного права, не всегда осознает, что в ходе избирательной кампании они направлены на достижение иных целей, отличных от тех, которые реализуются в частноправовых отношениях.

Примером неадекватного использования в ходе избирательного процесса института гражданско-правового договора могут быть обстоятельства дела, связанного с выборами депутатов городского Совета г. Новосибирска, рассмотренного Федеральным судом Центрального района г. Новосибирска¹⁹. Одной из сторон конфликта был кандидат С. – главный редактор газеты «ТВ-Н...», учредителем которой было ЗАО «Сиб...». Во время избирательной кампании С. находился в отпуске, предоставленном ему ЗАО «Сиб...».

Предметом жалобы одного из кандидатов стал агитационный материал кандидата С., название которого совпадало с названием газеты: «ТВ-Н...», специальный выпуск, 2005: нашей газете – 10 лет». На последней странице этого печатного агитационного материала было помещено приглашение на праздник, посвященный десятилетию газеты. Пришедшим на праздник в агитационном материале обещали розыгрыш призов, конкурсы, бесплатную подписку на «ТВ-Н...», катание на пони, выступление духового оркестра. Кандидат С. выпустил ещё

¹⁸ Правовые позиции избирательных комиссий России. Под ред. С. В. Кабышева. М.: Формула права. 2016. С. 234.

¹⁹ Решение суда Центрального района г. Новосибирска от 25 марта 2005 г. по делу № 4–47/2005.

две версии печатного агитационного материала с заголовком «ТВ-Н...», с аналогичными объявлениями. По мнению заявителя, действия кандидата С. квалифицировались как подкуп избирателей. В соответствии со статьей 56 Закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» кандидатам, избирательным объединениям, их доверенным лицам и уполномоченным представителям, а также иным лицам и организациям при проведении предвыборной агитации запрещается осуществлять подкуп избирателей: вручать им денежные средства, подарки и иные материальные ценности, кроме как за выполнение организационной работы (за сбор подписей избирателей, участников референдума, агитационную работу); производить вознаграждение избирателей, участников референдума, выполнявших указанную организационную работу, в зависимости от итогов голосования или обещать произвести такое вознаграждение; проводить льготную распродажу товаров, бесплатно распространять любые товары, за исключением печатных материалов (в том числе иллюстрированных) и значков, специально изготовленных для избирательной кампании; предоставлять услуги безвозмездно или на льготных условиях, а также воздействовать на избирателей посредством обещаний передачи им денежных средств, ценных бумаг и других материальных благ (в том числе по итогам голосования), оказания услуг иначе, чем на основании принимаемых в соответствии с законодательством решений органов государственной власти, органов местного самоуправления. Представитель С. заявил, что праздничные мероприятия, посвященные юбилею газеты «ТВ-Н...» были организованы и профинансированы ЗАО «Сиб...».

Суд, оценив собранные по делу доказательства, посчитал факт подкупа недоказанным: между кандидатом С. и ЗАО «Сиб...» был заключен договор, согласно которому ЗАО предоставляет С. право использования в агитационных материалах логотипа и названия газеты «ТВ-Н...», а ЗАО имеет право публиковать в данных агитационных материалах объявления некоммерческого характера, в том числе и о проведении праздника. Являясь заказчиком материала, кандидат использовал свое право определять содержание агитационного материала вопреки его назначению и исключительно в целях проведения неправомерной агитации. С одной стороны, кандидат действовал в пределах предоставленных ему субъективных прав по заключению гражданско-правового договора. При этом надо иметь в виду, что если бы С. не являлся главным редактором газеты «ТВ-Н...», то заключить подобный договор у него не было бы возможности. С другой стороны, он использовал свое право не по назначению и фактически нарушил правила проведения предвыборной агитации: содержание агитационного материала не может быть предметом гражданско-правового

договора. И наличие последнего не могло позволить кандидату печатать в агитационном материале информацию, запрещенную законом.

В заключение необходимо отметить, что при привлечении к ответственности за использование в ходе избирательной кампании преимуществ должностного или служебного положения необходимо оценить кратность, характер, содержание, средства и цель совершения этих действий, реальные возможности кандидатов влиять на избирательный процесс. Именно на основе проведенного анализа соотношения действий кандидата этим критериям, можно установить факт совершения правонарушения. При этом, даже признание факта использования в ходе избирательной кампании преимуществ должностного или служебного положения не позволяет в будущем нивелировать те преимущества, которые были получены правонарушителем в ходе реализации определенных электоральных процедур. Применение такой санкции, как отмена регистрации является довольно сложной процедурой, которую не всегда можно довести до конца в рамках избирательной кампании.

В этом контексте можно приветствовать предложение о том, что мерой ужесточения механизмов, препятствующих использованию должностного и служебного положения влиятельных лиц в процессе выборов, может являться признание предвыборной агитацией распространения информации через средства массовой информации о профессиональной деятельности или исполнении служебных (должностных) обязанностей кандидатом, являющимся лицом, замещающим государственные или выборные муниципальные должности, государственным и муниципальным служащим, членом органа управления организации независимо от формы собственности (в организациях, высшим органом управления которых является собрание – членом органов, осуществляющих руководство деятельностью этих организаций), за исключением политических партий, неоднократно превышающих среднестатистический объем соответствующей информации в течение последних трех лет срока исполнения таких полномочий такими лицами²⁰.

При этом, исходя из позиции Конституционного Суда Российской Федерации в отношении предвыборных отпусков, российское законодательство, которое не предусматривает обязанность ухода в отпуск для лиц, замещающих государственные и муниципальные должности, содержит возможности нарушения принципа равного избирательного права. В связи с этим необходимо распространить эту обязанность и на лиц, замещающих государственные и муниципальные должности.

²⁰ Вискулова В.В. Гарантии избирательных прав граждан современной России: вопросы теории и практики. Автореф. на соиск. ученой степени доктора юридических наук. М., 2013. С. 16–17.

Об иерархии избирательных комиссий

Термины «вышестоящая избирательная комиссия» и «нижестоящая избирательная комиссия» определены пунктами 22 и 23 статьи 2 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – закон об основных гарантиях):

Пункт 22: «Избирательная комиссия вышестоящая (вышестоящая избирательная комиссия) – определенная в качестве таковой законом избирательная комиссия, организующая и обеспечивающая подготовку и проведение выборов, по отношению к иным избирательным комиссиям, организующим и обеспечивающим подготовку и проведение этих же выборов»;

Пункт 23: «Избирательная комиссия нижестоящая (нижестоящая избирательная комиссия) – определенная в качестве таковой законом избирательная комиссия, организующая и обеспечивающая подготовку и проведение выборов, по отношению к иным избирательным комиссиям, организующим и обеспечивающим подготовку и проведение этих же выборов».

Таким образом, законы о выборах должны содержать определения этих понятий. Но в большинстве российских законов эти определения отсутствуют.

В этом отношении два закона о российских федеральных выборах различаются: в Федеральном законе «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (далее – закон о выборах депутатов Государственной Думы) в части 1 статьи 19 «Система и статус избирательных комиссий по выборам депутатов Государственной Думы» имеется следующее определение:

«Подготовку и проведение выборов депутатов Государственной Думы ... осуществляют следующие избирательные комиссии, перечисленные в порядке от вышестоящих к нижестоящим:

- 1) Центральная избирательная комиссия Российской Федерации;
- 2) избирательные комиссии субъектов Российской Федерации;

- 3) окружные избирательные комиссии;
- 4) территориальные избирательные комиссии;
- 5) участковые избирательные комиссии».

Но в Федеральном законе «О выборах Президента Российской Федерации» в статье 12 с аналогичным названием отсутствуют слова «перечисленные в порядке от вышестоящих к нижестоящим». Заметим, что такая ситуация сохраняется с момента принятия закона, и это – несмотря на то, что уже принято 33 закона, изменивших закон о выборах Президента Российской Федерации.

Положение части 1 статьи 19 закона о выборах депутатов Государственной Думы в некотором смысле можно считать определением, о котором идет речь в упомянутых выше пунктах 22 и 23 статьи 2 закона об основных гарантиях. Впрочем, из такого определения неясно, надо ли считать вышестоящей по отношению к данной комиссии только непосредственно ей предшествующую в перечне (назовем это «узкой трактовкой», ибо все предшествующие – «широкая трактовка»).

В тексте Закона о выборах депутатов Государственной Думы, судя по контексту и правоприменению, встречается как первая, так и вторая трактовка. Узкая трактовка встречается везде, где говорится о передаче документов; широкая – там, где речь идет о членах вышестоящих комиссий (например, в части 1 статьи 32 Закона о выборах депутатов Государственной Думы); в некоторых случаях трактовка не определена (например, в части 2 статьи 29 или в части 23 статьи 85 Закона о выборах депутатов Государственной Думы).

Установленное нечетким определением – таким, как в Законе о выборах депутатов Государственной Думы – соподчинение комиссий мы будем называть «нечеткой иерархией».

Нечеткая иерархия приводит к недоразумениям и спорам. Например, при узкой трактовке член комиссии субъекта Российской Федерации не имеет законодательно установленного права присутствовать на заседаниях участковой комиссии. Между тем, широкая трактовка должна была бы обязать законодателя использовать во многих случаях (например, когда речь идет о передаче документов или о порядке оспаривания решений и действий комиссий) выражение «непосредственно вышестоящая комиссия», которое, впрочем, иногда встречается в законе.

Как было сказано выше, Федеральный закон «О выборах Президента Российской Федерации» не содержит определения вышестоящей комиссии. Тем не менее, в его тексте слова «вышестоящая комиссия» встречаются пятьдесят раз. Исходя из контекста большинства положений, использующих этот термин, можно предположить, что в этом законе он используется в широкой трактовке. Однако, когда речь идет о передаче документов (избирательных бюллетеней, открепительных удостоверений и др.), и при этом не указано, что вышестоящая комиссия является непо-

средственно вышестоящей или конкретно территориальной, норма закона, вообще говоря, нуждается в уточнении.

Аналогичная ситуация наблюдается в региональных избирательных законах.

В законах Московской области «О муниципальных выборах в Московской области», «О выборах губернатора Московской области», «Об отзыве губернатора Московской области» нет определения вышестоящей комиссии, а в законе «О выборах депутатов Московской областной Думы» – есть, причем вполне четкое и в широкой трактовке.

Сложная ситуация с избирательными законами Санкт-Петербурга. В законе «О выборах депутатов муниципальных советов внутригородских муниципальных образований Санкт-Петербурга» определяются как вышестоящие только избирательные комиссии муниципальных образований (по отношению к окружным и участковым) и окружные (по отношению к участковым). При этом в организации выборов участвуют также и городская, и территориальные комиссии, о которых есть отдельные законы Санкт-Петербурга, в которых, впрочем, нет указания на то, по отношению к каким комиссиям они являются вышестоящими или нижестоящими. Нет нужных определений в законе «О выборах высшего должностного лица Санкт-Петербурга – Губернатора Санкт-Петербурга», за то в законе «О выборах депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга» установлена четкая иерархия для всех комиссий в широкой трактовке.

Оригинально определена иерархия комиссий в Ленинградской области. Все избирательные законы ссылаются на Федеральный закон об основных гарантиях и Закон Ленинградской области «О системе избирательных комиссий и избирательных участках в Ленинградской области». В последнем установлена нечеткая (как в законе о выборах депутатов Государственной Думы) иерархия комиссий.

«Избирательный кодекс города Москвы» устанавливает четкую иерархию избирательных комиссий в широкой трактовке. При этом Московская городская избирательная комиссия не определяется как вышестоящая по отношению к избирательным комиссиям муниципальных образований (см. части 4 и 7 статьи 15 Избирательного кодекса города Москвы), однако она имеет право рассматривать жалобы на комиссии муниципальных образований и принимать по ним решения (ч. 7 ст. 86 Избирательного кодекса города Москвы). Невыполнение этих решений может повлечь расформирование комиссии муниципального образования (п. 2 ч. 1 ст. 24 Избирательного кодекса города Москвы). Более того, установленная московская иерархия комиссий обесмысливается тем фактом, что полномочия всех 127 избирательных комиссий муниципальных образований города Москвы переданы территориальным избирательным комиссиям, для которых Московская городская избирательная комиссия определена как вышестоящая. В 2008 году это

привело к судебному оспариванию действий Московской городской избирательной комиссии (см. ниже).

Наиболее громким прецедентом отмены решения одной избирательной комиссии решением «вышестоящей» избирательной комиссии, пожалуй, был случай с отменой решения Избирательной комиссии Красноярского края о результатах выборов Губернатора Красноярского края постановлением Центральной избирательной комиссии Российской Федерации в 2002 году. Он имел сильный резонанс, поскольку было не ясно, является ли ЦИК России комиссией, вышестоящей по отношению к Избирательной комиссии Красноярского края на региональных выборах. Заметим, что те выборы проходили в соответствии с Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» № 124-ФЗ от 19 сентября 1997 года, в котором «вышестоящие комиссии» упоминались, но не определялись. В законе Красноярского края «О выборах Губернатора Красноярского края», действовавшем на тот момент, Центральная Избирательная комиссия не была упомянута в числе комиссий, организующих выборы, и даже в числе комиссий, имеющих право отменять решения Избирательной комиссии Красноярского края (при этом она могла обратиться в суд с заявлением о расформировании Избирательной комиссии Красноярского края).

Другим спорным решением ЦИК России было недавнее решение об обязанности территориальной избирательной комиссии Одинцовского района Московской области отменить решение избирательной комиссии сельского поселения «Барвихинский» о назначении выборов.

Судебная практика показывает, что заявители (теперь – административные истцы) в некоторых случаях достаточно обоснованно заявляют о том, что та или иная комиссия, считая себя вышестоящей, превышает свои полномочия, принимая решения, отменяющие решения другой комиссии.

Так, например, в 2015 году Избирательная комиссия Нижегородской области отменила решение избирательной комиссии муниципального образования города Арзамаса об отказе в регистрации кандидата Климачева Д. Г. на выборах депутатов Арзамасской городской Думы Нижегородской области шестого созыва и приняла решение о регистрации этого кандидата. Между тем, в Законе Нижегородской области «О выборах депутатов представительных органов муниципальных образований в Нижегородской области» Избирательная комиссия Нижегородской области не определена как вышестоящая комиссия и ей не приданы полномочия по отмене решений избирательных комиссий муниципальных образований. Тем не менее, Верховный суд Российской Федерации в своем Определении № 9-АПГ15–17 от 11.09.2015 посчитал, что «вследствие произведенного совмещения полномочий (?) по организации и проведению муниципальных выборов депутатов Арзамасской городской Думы Избирательная комиссия

Нижегородской области выступает в качестве вышестоящей избирательной комиссии по отношению к избирательной комиссии, отказавшей в регистрации кандидата Климачева Д. Г.». Верховный Суд привел в своем определении еще одно обоснование своего толкования: «иное толкование закона лишало бы кандидата гарантированного статьей 75 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» права на обжалование решений избирательной комиссии в вышестоящую избирательную комиссию». Аналогичные доводы содержатся и в Определении Верховного суда РФ № 9-АПГ15–15 от 11.09.2015, принятому по аналогичному делу в том же составе судей».

В 2008 году кандидаты в депутаты Кызылского городского Хурала представителей оспаривали решение Избирательной комиссии Республики Тыва, отменившего решение избирательной комиссии муниципального образования городского округа «Город Кызыл» со ссылкой на то, что первая не является вышестоящей по отношению ко второй (действительно, в законах Республики Тыва нет определения вышестоящей комиссии, а в законе о муниципальных выборах, действовавшем в то время, Избирательная комиссия Республики Тыва не включалась в систему комиссий, организующих муниципальные выборы). Тем не менее, ни республиканский, ни федеральный суды не поддержали заявителей (Определение Верховного Суда РФ № 92-Г08–12 от 09.07.2008). Однако, при рассмотрении другого дела, связанного с отменой Избирательной комиссией Республики Тыва решения избирательной комиссии муниципального образования городского округа «Город Кызыл» о назначении выборов, эти же суды пришли к выводу о незаконности такой отмены. При этом одним из аргументов заявителей (первого заместителя прокурора Республики) было именно то, что республиканская комиссия не является вышестоящей по отношению к городской (Определение Верховного Суда РФ № 92-Г08–3 от 23.04.2008).

Как мы отметили выше, в законе Московской области «О муниципальных выборах в Московской области» нет явного определения Избирательной комиссии Московской области как вышестоящей по отношению к избирательным комиссиям муниципальных образований. Тем не менее, Московский областной суд, а вслед за ним и Верховный Суд Российской Федерации (Определение № 4-АПГ14–19 от 12.09.2014), анализируя совокупность норм Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», законов Московской области «О муниципальных выборах в Московской области» и «Об Избирательной комиссии Московской области», пришли к выводу о том, что Избирательная комиссия Московской области имела право отменять решение территориальной избирательной комиссии Щелковского района Московской области

(исполнявшей обязанности избирательной комиссии муниципального образования), что безуспешно оспаривалось заявителем в первой и второй инстанциях.

Верховный Суд Российской Федерации в обоснование своего Определения № 5-Г08-23 от 12.03.2008 положил тот факт (фактически установленный законом – см. выше), что Московская городская избирательная комиссия не является вышестоящей по отношению к избирательным комиссиям муниципальных образований, поэтому ее указания не являются обязательными для последних (а именно на этих указаниях были основаны отмены регистрации списков кандидатов партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ на выборах депутатов районных собраний города Москвы в 2008 году). При этом законом установлено, что Московская городская избирательная комиссия является вышестоящей по отношению к территориальным комиссиям, а полномочия избирательных комиссий (на этих выборах) были возложены на территориальные комиссии. Кроме того, в соответствии с пунктами 6 и 7 статьи 75 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» Московская городская избирательная комиссия наделена полномочиями отменять решения избирательных комиссий муниципальных образований и даже принимать за них решения по существу.

12 июля 2006 года Верховный Суд Российской Федерации своим Определением № 83-Г06-10 поддержал постановления судов первой и второй инстанций, одним из оснований которых было утверждение о том, что Избирательная комиссия Брянской области не является вышестоящей по отношению к избирательной комиссии города Брянска и не может принимать решения относительно назначения городских выборов. Однако двумя годами ранее тот же Верховный Суд РФ в кассационной инстанции (правда, в другом составе) принял Определение № КАС04-628 от 28.11.2004 с противоположным обоснованием: «Основываясь на подробном правовом анализе, изложенном в решении, в том числе на приведенном выше, суд первой инстанции пришел к правильному выводу о том, что нормативные правовые акты, составляющие правовую основу местного самоуправления, а также законодательство о выборах не содержат запрета вышестоящей избирательной комиссии (в данном случае – Избирательной комиссии Московской области) принять решение о назначении повторных выборов в органы местного самоуправления при отмене незаконного решения нижестоящей избирательной комиссии (в данном случае – территориальной избирательной комиссии Сергиево-Посадского района Московской области, на которую были возложены полномочия избирательной комиссии муниципального образования)».

В 2004 году при рассмотрении дела об отмене Избирательной комиссий Республики Северная Осетия – Алания итогов голосования на одном из

избирательных участков, республиканский суд, а вслед за ним и Верховный Суд Российской Федерации указывали, что «вышестоящей избирательной комиссией, которой определяются результаты выборов, в данном случае по избирательному округу, является окружная избирательная комиссия по Рамоновскому избирательному округу № 7», поэтому Избирательная комиссия Республики Северная Осетия – Алания не имела право отменять итоги голосования на избирательном участке (Определение Верховного суда Российской Федерации № 22-Г04–11 от 27.10.2004).

В более ранних судебных постановлениях (см., например, Определение Верховного Суда Российской Федерации № 45-Г01–8 от 15.03.2001) можно встретить вполне голословные утверждения о том, что какая-то комиссия является вышестоящей по отношению к другой: эти утверждения вообще не могли основываться на отсутствовавшем в то время юридическом определении.

Можно заметить, что многие проблемы соподчиненности избирательных комиссий связаны с конституционно закрепленным принципом самостоятельности местного самоуправления. Однако эти проблемы, с нашей точки зрения, должны решаться исходя из того факта, что избирательные права не являются предметом ведения местного самоуправления.

Отсутствие четкого определения вышестоящей комиссии приводит к неединообразию судебной практики и влечет за собой правовые коллизии, переводящие разрешение избирательных споров в субъективную плоскость. Правда, само по себе четкое определение, как показывает пример Избирательного кодекса города Москвы (заметим, – Московская городская избирательная комиссия пользуется таким субъективизмом, иногда вмешиваясь, а иногда не вмешиваясь в муниципальные выборы), еще не гарантирует однозначного разрешения проблем. Оно должно быть увязано с более четким определением полномочий вышестоящей комиссии по отношению к нижестоящей.

Юридическая наука: введение в концептуальную историю

1. Постановка вопроса

1. Традиционно, в рамках юриспруденции, или юридической науки, выделяют ряд отдельных дисциплин и исследовательских направлений¹. Это элементарная форма концептуализации знания, в основании которой лежит его дифференциация по предметам и методам изучения. В метафизическом смысле юриспруденция – это сознание права, данное в его символах, понятиях и представлениях. Уже в самом наименовании дисциплины заключено определение ее места в общей системе социальных наук, ее логики мыслить социальную реальность в системе собственных категорий и понятий.

Правовая реальность обладает двойственной природой. В историческом времени и пространстве одновременно сосуществуют, взаимно определяя друг друга, мыслимая правовая реальность в терминах данной социокультуры (*концептах*) и предметная правовая реальность, представленная в фактах и практиках (*институтах*) ее нормативной манифестации. Сознание права – составная часть явления права, его теоретического и практического языка. В этом смысле юриспруденция – дискурсивная часть правовой реальности. Разнообразие исторических форм репрезентации права, выстроенных в систему мифологических образов, юридической догматики и аксиоматики, юридических понятий и конструкций определяет разнообразие исторических форм процесса концептуализации права, его отображения в системе юридических представлений и мировоззрений².

ВЕДЕНЕЕВ Юрий Алексеевич – доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

¹ См.: Мартышин О.В. О соотношении общетеоретических юридических дисциплин // Теория государства и права в науке, образовании, практике: Монография. М., 2016. С. 100–112; Тисье М. Высококатегоризованная дисциплина, неясная наука: теория и практика российского правоведения в конце XIX – начале XX в. // Науки о человеке. История дисциплин. М., 2015. С. 207–238.

² Изменения в подходах в понимании природы права и введение в научный оборот комплексной категории «юридический концепт», объединяющей в своей структуре образные, понятийные и ценностные характеристики существования и развития правовой реальности, позволяет выйти за рамки собственно формальной логики и гносеологии в изучении систем юридических знаний. Концептуальная история юриспруденции – это история образной, ценностной

Проблема первичности и вторичности их взаимных отношений, или проблема референции или соотнесенности объекта и предмета исследования (феноменологии и эпистемологии) в каждую историческую эпоху в рамках классической методологии, не вызывали вопросов. Юридическая наука как аналитическая система *отражает* объективную правовую реальность с той или иной степенью достоверности, доказательности и верифицируемости своих определений. Противоположный подход на данный аспект сосуществования права и науки права выражается в представлении, согласно которому процесс концептуализации права есть также и процесс моделирования и конструирования права. Юридическая наука как нормативная система *порождает* правовую реальность. Язык рассуждения о праве – означающее, является конститутивным основанием права – означаемого. В практическом и теоретическом языке права (*юриспруденции*) заключены онтология, эпистемология и аксиология права, определения того, чем оно должно быть (*философия права*), определения того, чем оно является (*социология права*) и определения того, чем оно может быть (*антропология права*).

и понятийной составляющих и ее формы, и ее содержания, взятых в их взаимных отношениях и определениях. См., например: Ветютнев Ю. Ю. Аксиология правовой формы. М., 2013. Проблема заключается в том, что в основании этих отношений и определений лежат как принцип их взаимодополнительности (комплементарности), так и принцип их взаимообратимости (транзитивности). Наука права, так же, как и право, – это социокультурные феномены, заключающие в себе собственные и пересекающиеся формы репрезентации общей правовой реальности. Разработка теории юридического концепта действительности как общей и универсальной материи и языка права, и языка науки права есть актуальное и перспективное направление юридических исследований. См., например: Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013. Юридический концепт действительности обладает двойным статусом – одновременно феноменологическим и эпистемологическим. Это и часть формальной правовой реальности, и ее образные проекции, и понятийные реконструкции. Правовая реальность по определению и институциональная, и концептуальная реальность. Феномен «юридический концепт действительности» выражает статику и динамику развития правовой реальности в целом как социокультурной реальности в синхроническом и диахроническом аспектах ее существования и воспроизводства. Юридический концепт действительности – это междисциплинарная тема, проблема и предмет культурно-исторической юриспруденции, комплексной дисциплины, представленной юридической феноменологией, эпистемологией и аксиологией. Именно комбинация данных элементов и составляет, на наш взгляд, формат интегративной юриспруденции, очередной декларируемой методологической перспективы в развитии юридической науки, о которой сегодня так много, но, к сожалению, малопродуктивно, рассуждают видные и невидные теоретики права и государства. Развернутая аргументация оснований развития данного формата юридической науки весьма полно представлена в литературе вопроса. См., например: Лазарев В. В. Истоки интегративного понимания права // Наш трудный путь к праву. Материалы философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца. М., 2006; Графский В. Г. Концепция интегральной (синтезированной) юриспруденции: актуальные направления дальнейшей разработки // Государство и право на рубеже веков. Проблемы теории и истории. М., 2011. Общий предмет интегративной юриспруденции – проблемы сосуществования систем юридических институтов и систем юридических знаний в нормативных границах определенных социокультур, открытых или закрытых для заимствований или обменов представлениями о должном порядке социальных отношений или юридическими концептами. Общий метод интегративной юриспруденции – исторические реконструкции концептуальных изменений юридических языков, языков юридических актов (действий) и языков юридических определений (представлений) и их влияния на развитие правовых систем, в рамках которых они себя конституируют и воспроизводят.

Правовая реальность такова, каков язык восприятия и рассуждения о правовой реальности³. Это воображаемая реальность – одновременно ментальная, когнитивная и языковая, воплощенная в разнообразных нормах и ценностях, правовых эмоциях и действиях, жестах и интонациях. Иными словами, это и юридический концепт, и юридический конструкт, и нормативный образ социально-правовой действительности. Юридический язык фиксирует и определяет социальные дистанции или нормативные границы внутри и вне наличных систем социального общения. Реальность права лежит в осознании языка права, развитой категориальной и концептуальной формой которого является юриспруденция, то есть наука о праве. Юриспруденция и есть не что иное, как знаниевое, понятийное выражение юридических картин мира определенных исторических эпох существования и понимания права. То есть – это одновременно и источник, и образ, и явление права. Нормативная грамматика правопорядка определяется нормативной грамматикой породившего ее языка социокультуры.

Юриспруденция – многоаспектная и многоуровневая категория, становление и развитие которой протекает в контексте циклической, исторической и социокультурной динамики ее практического и теоретического языка. Эволюция юридического языка есть составная часть эволюции юриспруденции – ее предметной и ее дисциплинарной структуры⁴. Эво-

³ Понимание роли языка социального общения в конституировании разнообразных структур правопорядка составляет одно из актуальных направлений культурно-исторической юриспруденции. Язык социального общения в самом себе заключает и свою нормативную семантику, и свою нормативную грамматику. То есть собственные правила повторяющейся и длящейся традиции нормативной организации и развития общения. Структурная нормативность данных правил выражается в том, что они одновременно регулируют социальные отношения и производят новые правила социального поведения. Первоначальный и современный язык и грамматика права – это и есть не что иное, как исторические репрезентации нормативных границ социального общения в образах юридических картин мира или правопониманий и юридического стилей мышления и поведения различных исторических эпох. Изменения правовой реальности выражаются в изменениях языка социального общения в практиках его нормативной концептуализации и институционализации. В этом смысле юридический язык – сознание права, данное в нормативных определениях, породившей его культуры. См.: Бикбов Александр. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М., 2014; Интеллектуальный язык эпохи: История идей, история слов. М., 2001. В этом отношении весьма характерно название работы израильского лингвиста и культуролога Гая Дойчера «Сквозь зеркало языка. Почему на других языках мир выглядит ечани?» (М., 2016).

История языка, его лексики и грамматического строя, является индикатором структурных сдвигов в культурных практиках социального общения. Это изменения в системе номинаций социальных статусов, ролей и позиций и обеспечивающих их существование политико-правовых идеологий. Так, словарь юриспруденции «верховенства права» существенно отличается от словаря юриспруденции «верховенства закона». За каждым юридическим определением в терминах своего языка скрывается своя реальность. Социокультурная модальность языка социального общения – онтологическое основание нормативной модальности языка правового общения. См.: Андрианов Н. В. Воспроизводство права как проблема семиотики права // Постклассическая онтология права. СПб., 2016. С. 509–560; Карасик В. И. Язык социального статуса. М., 2002; Варга Ч. Право и язык? Право как язык? Об окончательном единстве онтологии и эпистемологии // Загадка права и правового мышления. СПб., 2015. С. 195–209.

⁴ См.: Мотин С. В. Учебная литература по теории государства и права (1810–2010 гг.): Аналитический обзор // Теория государства и права в науке, образовании, практике: Монография. М., 2016.

люция юридической науки выражается в преобразованиях ее языковых компетенций и их дифференциации на относительно автономные предметные области изучаемой реальности. Отсюда, собственно, и различают отдельные модусы репрезентации юридической науки как формы выражения логики и поэтики юридического текста в его мифопоэтических, религиозно-догматических или рационально-логических построениях и определениях.

Современная классификация практик концептуализации юридической науки различает широкий спектр возможных форм. Во-первых, *теоретическую юриспруденцию*, связанную с разработкой основных, базовых категорий и понятий юридической науки в целом и по отдельным отраслевым юридическим наукам (или *систему фундаментальных понятий и категорий*, лежащих в основании дисциплины). Во-вторых, *догматическую юриспруденцию*, касающуюся языка нормативных определений и подходов к пониманию, анализу и решению конкретных юридических проблем (или *систему юридических аксиом*, не требующих концептуальных обоснований и доказательств). В-третьих, *доктринальную юриспруденцию*, касающуюся проблем возникновения и развития правовых идеологий, теорий и концепций, санкционирующих различные политики государственно-правового развития и реформ государственно-правовых институтов (или *систему идеологических и концептуальных обоснований* политических и правовых практик и подходов в процессах государственно-правового строительства). И наконец, *институциональную юриспруденцию*, связанную с практико-прикладным анализом деятельности правовых институтов, обеспечивающих организацию и регулирование отдельных конкретных сфер и видов социальных отношений.

Особое место в составе дисциплинарных областей юридической науки занимает *сравнительное право* со своим комплексным предметом и методами исследования институциональных, концептуальных и доктринальных оснований развития и построения исторических и современных правовых систем. Познавательная ценность сравнительного анализа заключается в возможности обнаружить в организации и функционировании права как цивилизационного явления, социокультурной категории и юридического института и универсальные, и собственные, конкретно-исторические нормативные формы существования разнообразных человеческих сообществ⁵.

С. 383–404. Эволюция юридической науки, образования и профессий – составная часть социальной и культурной эволюции. Социальные иерархии продолжают себя в иерархиях политико-правовой деятельности, открытости и доступности перемещения в системах государственной администрации. Предмет юриспруденции – власть в различных формах ее институциональной и концептуальной организации и определения. Знание о власти – знание тайное, закрытое для непосвященных, то есть для ее непосредственных адресатов. Поэтому формирование юридического сословия и его превращение в социальное сословие образует собственную историческую линию развития древнего, средневекового и нового времени. Юристы не только обслуживают власть, но и формируют власть.
⁵ Современное состояние развития дисциплины в специфическом контексте понимания ее тематики и структуры представлено в статье А.Д. Тихомирова «Сравнительное правоведение: методологические

2. Разумеется, в самой дисциплинарной и междисциплинарной архитектуре юридической науки, ее языке и дискурсе заключено множество иных возможных измерений и составляющих ее исторического предмета и метода. Явление права и понятие права – нетождественные категории. Эволюция института права и эволюция науки права обладают собственной логикой существования, развития и воспроизводства. В логике *классической теории отражения* явления в его понятии существование явления права до его определения в формате понятия права является эмпирическим фактом. Процесс институционализации права предшествует процессу его концептуализации. В логике *неклассической теории отражения* явления в понятии представление о должном правопорядке предшествует процессу его превращения в правовой факт. В основании эмпирического

проблемы компаративной рефлексии в украинской интерпретации». См.: Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Выпуск «Сравнительное право», № 3(19), 2016. С. 39–51.

Развернутая в персоналиях, юридических школах и подходах, проблемных дискуссиях и научных учреждениях, библиографических описаниях и периодических изданиях концептуальная и институциональная история становления и развития отечественной науки сравнительного права еще ждет своих исследовательских проектов. См.: Дождев Д.В. Сравнительное право: состояние и перспективы // Российский ежегодник сравнительного права. 2007. СПб., 2008. В значительной части своего предмета теоретико-методологические основания дисциплины в своих определениях и темах привязаны к формальному сопоставлению юридических конструкций отдельных институтов и источников действующего права и законодательства.

Правовая реальность существует в широком диапазоне возможных проявлений. Наряду с внешней реальностью, представленной системой норм и институтов, право обнаруживает свое действительное существование в различных стилях правового мышления и ментальных образах желаемого правопорядка. То есть исторических практик восприятия и переживания наличного опыта правового общения или его исторической психологии. Правовая реальность воспроизводит себя в рамочных определениях различных социокультур, традиций и юридических техник организации социальных отношений, а также юридических языков их описания, объяснения и оценки. Все эти формы репрезентации права и составляют реальные объекты и предметы сравнительных исследований.

Разнообразие исторических (концептуальных и институциональных) форм развития и функционирования права – цивилизационный факт. См.: Захарова М.В. Сравнительное правоведение. М., 2016. С. 9–23. Однако доминирующая логика определения предмета и построения категориально-понятийного аппарата самой дисциплины, ее структуры и тематики сегодня остается в границах позитивистской версии понимания феномена права и формально-догматической версии конструирования науки права. Фактически, за рамками классического формата сравнительного правоведения остается весьма обширный круг вопросов, требующих разработки в рамках уже новой постклассической онтологии и эпистемологии дисциплины. Структурообразующий концепт дисциплины определяется развитием и сменой юридических мировоззрений отдельных исторических эпох существования права. Первоисточники всех составных компонент правовой системы – юридического языка и текста, юридических институтов и процедур, юридических конструкций и понятий лежат в образно-символических определениях должного порядка социальных отношений, заключенных в социокультурных практиках своего исторического времени и места.

Сравнительная юриспруденция сегодня должна заняться, прежде всего, саморефлексией на предмет самое себя как системы разнообразных и конкурирующих правовых представлений и знаний, теорий и конфликтующих методологий их концептуализации. Фундаментальное значение сравнительного правоведения в развитии юридической науки в целом определяется методологией совмещения эмпирических суждений о конкретных фактах жизненного цикла исторических правовых систем и идеализированных допущений («идеальных типов» в терминологии Макса Вебера), касающихся универсальных оснований их взаимного сосуществования. И, как следствие, исследование социокультурных и формальных условий и границ взаимного обмена накопленным юридическим опытом институциональных и концептуальных решений.

Сравнительная юриспруденция в своей онтологии и эпистемологии, прежде всего, критическая юриспруденция.

правопорядка лежат базовые представления о должном праве того или иного культурно-исторического сообщества, то есть присущие его историческому образу жизни и мыслей правообразующие *концепты*. В этом смысле правопорядок – воображаемый порядок социальных взаимодействий, обменов и отношений.

Культурно-историческая практика демонстрирует и совмещает различные варианты отношений и пересечений социального и воображаемого мира, публичной сферы и частной сферы, публичного права и частного права⁶. Это может быть как синхронический, так и диахронический процесс перехода правовой реальности из одной юридической формы ее репрезентации (*института*) в другую юридическую форму (*концепт*) и наоборот. Очевидно другое. Явление права и наука права – взаимозависимые и пересекающиеся категории, выражающие отдельные аспекты существования права. Каждой версии понимания права корреспондируют не только своя теория и аксиология права, но также и своя реальность права, в основании которой лежат как интересы, так и юридические концепты⁷, то есть первичные составляющие процесса правообразования. Они, определяя друг друга, конституируют право. Аналитике позитивного права корреспондирует нормативная логика позитивного права. Нормативная логика позитивного права воспроизводит себя в каноническом языке науки позитивного права, ее словаре и структуре ее предмета.

Деление юридической науки на отдельные дисциплины имеет своим следствием формирование в ее общей структуре междисциплинарных комплексов, обладающих своей собственной проблематикой и аналитикой⁸. Эволюция категории «*юридическая наука*» есть эволюция ее языка, ее системы и структуры. В конечном итоге это эволюция стиля правового мышления и эволюция исторических форм его логического и языкового выражения. То есть изменений словаря и аргументации языков фундаментальной и эмпирической, теоретической и практической юриспруденции, языков публичного и частного права и корреспондирующих им юридических дискурсов и текстов. История юридической науки – это история смены базовых цивилизационных, культурно-исторических и концептуальных парадигм в понимании и определении границ социально-правового обще-

⁶ См.: Хабермас Юрген. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества. М., 2016; Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М., 2010; Вебер Макс. О России. М., 2007.

⁷ См., например: Лукашева Е.А. Общая теория права и многоаспектный анализ правовых явлений // Советское государство и право. 1975. № 4; Нерсесянц В.С. Право: множество определений и единство понятия // Советское государство и право. 1983. № 10; Варламова Н.В. Предметно-методологическое единство и дифференциация теоретического знания о праве // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 1. М., 2007.

⁸ См.: Баранов В.М. Энциклопедия юриспруденции – интегративное развитие общей теории права и государства // Теория государства и права в науке, образовании, практике: Монография. М., 2016. С. 48–72.

ния в терминах определенного языка⁹. Наука права и право – составные части языковой реальности. Языковая реальность – производная ментальной и когнитивной реальности. Ментальная и когнитивная реальности – формы существования социокультурной реальности. Право и наука права – явления социокультуры определенной исторической эпохи. Они вырастают из общей цивилизационной и дискурсивной платформы¹⁰ или нормативной культуры социально-должного (признанного и одобряемого) коллективного и индивидуального поведения.

Юридическая наука каждой исторической эпохи своей внутренней системой фиксировала, выражала и обосновывала, исходя из собственных религиозных, метафизических, доктринальных оснований, понимания, восприятия и оценки действительности, и определенный взгляд на право, и определенную политику преобразования социальных и политических институтов¹¹. Здесь лежит водораздел между различными версиями в понимании права и отношения к праву. То есть языками классической и неклассической юриспруденции, их собственной онтологией и аксио-

⁹ Юриспруденция или собрание юридических текстов, описывающих и объясняющих отдельные аспекты правовой реальности, обладает многослойной структурой своего языка и тематики, образующих ее содержание определений и понятий. В нем одновременно заключены и сосуществуют различные исторические эпохи развития юридического мировоззрения, представлений и знаний о праве и власти, организации и функционирования правовых систем социального общения. Историческая динамика систем юридического знания, включая эволюцию систем их производства и трансляции, может быть представлена в логике определений и подходов, выявленных немецким историком науки Райнхартом Козелеком и французским мыслителем Мишелем Фуко в его работах, посвященных формированию политико-правовых дискурсов отдельных культурно-исторических сообществ. См.: Райнхарт Козелек. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор. М., 2010; Фуко Мишель. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. Программы исследований в области истории концептуализации и институционализации знания, предложенные Р. Козелеком и М. Фуко, – составная часть длящейся традиции реконструкций исторических систем знаний. На сегодня она уже имеет весьма дифференцированную библиографию разработки вопроса. См.: Бёрк Питер. Что такое культуральная история? М., 2015.

¹⁰ Важнейший аспект понимания природы юридического знания заключается в представлении о фундаментальной роли языка номинации в практиках социального общения. Язык, отражая реальность, одновременно подчиняет ее своим лексическим значениям, определениям и классификациям. В этом смысле юридический язык является универсальной формой репрезентации власти. Власть номинации – актуальная тема и проблема культурно-исторической юриспруденции. См., например: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995; Валадес Диего. Язык права и право языка. М., 2008; Языковые параметры современной цивилизации // Сб. трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю.С. Степанова. Институт языкознания РАН. Москва–Калуга, 2013; История понятий, история дискурса, история метафор: Сб. статей. М., 2010; Берман Гарольд Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М., 2008; Харт Г.Л.А. Философия и язык права. М., 2017.

¹¹ См.: Антология мировой правовой мысли. В 5-ти т. М., 1999; Муромцев С.А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции. М., 1886; Новгородцев П.И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. М., 1896; Азаркин М.Н. Всеобщая история юриспруденции. М., 2003; Подпников Д.Ю. Этапы развития научной доктрины *ius commune* в Западной Европе в XII–XVIII вв. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2013. № 1; Этьен Жильсон. Дух средневековой философии. М., 2012; Михайлов А.М. Генезис континентальной юридической догматики. М., 2012. Например, для отечественной ситуации в развитии юридической науки весьма востребован и актуален такой жанр и формат критических высказываний и определений в области права, как юридический памфлет.

логией. Аналитика в границах позитивного правопонимания это один из возможных вариантов концептуализации права.

История концептуализация языков социального общения есть история формирования предметной (дисциплинарной) структуры социальной науки. Общий формат построения классической юридической теории определяется принципом подобия означаемого и означенного в процессах отражения правовой действительности, не исключающего разнообразие возможных некритических форм ее аналитического выражения. В основании построения противоположного формата юридической теории лежит принцип различия означаемого и означенного в процессах интерпретации правовой действительности, предполагающий, в первую очередь, уже разнообразие, собственно, конкурирующих концептуальных форм ее определения, интерпретации и предметного содержания. Проблема концептуальной совместимости обеих подходов в осмыслении правовой действительности может быть снята в рамочных определениях синтетического подхода, согласно которому юридический язык, отражая правовую реальность, одновременно порождает и производит и ее, и себя. Совместимость фактической реальности и ее концептуального отображения, в конечном итоге, определяется общей ментальной средой их обитания или социокультурой, внутри которой вырабатываются различные нормативные составляющие содержания и формы общей правовой реальности – одновременно концептуальной и институциональной.

2. Историография вопроса: общий обзор развития дисциплины

1. Исходная парадигма современной социальной науки основана на методологических принципах комплексного подхода в изучении государственно-правовых явлений. Отсюда и новые форматы существования юридической науки как интегральной юриспруденции или систем конкурирующих знаний о государстве и праве¹². То есть образующих их

---

¹² Конструкция «интегральная юриспруденция», активно используемая в отечественной юридической науке, при всей соблазнительности предполагаемых концептуальных возможностей, на мой взгляд, является недостаточно проработанной с точки зрения своих предметных и методологических оснований. См., например: Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания // Материалы седьмых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца. М., 2013. Желание найти синтетические определения, совмещающие в себе множество оснований формирования и развития исследуемых явлений и выстроить на их базе общую теорию вполне понятно и объяснимо.

Вместе с тем, очевидно, что определение чего-либо предполагает, прежде всего, определение границ самого определения. То есть, прежде чем вводить в научный оборот термин «интегральная юриспруденция», хотелось бы иметь в наличии рабочую дефиницию «интегральная юриспруденция», что предполагает, в свою очередь, разработку теории понятия «интегральная юриспруденция» или ее метатеории со своим аналитическим языком и подходами в исследовании. В исследовании чего? Вопрос предмета «интегральной юриспруденции» пока остается открытым. Что представляет собой интегральная юриспруденция как научная дисциплина на современном этапе эволюции юридиче-

архитектуру базовых юридических категорий и понятий или наслоений юридических языков конкретных эпох, рассматриваемых в разнообразных определениях историко-культурных, доктринальных, междисциплинарных и концептуальных контекстов. Культурно-историческая память здесь составляет интеллектуальный ресурс понимания границ возможных эволюций (трансформаций) как в практиках исследования, так и в практиках развития и реформирования права и науки права¹³.

Социальные институты в своих культурно-исторических и политико-правовых определениях и конструкциях обладают двойственной природой. Они спонтанно формируются и целенаправленно выращива-

---

ской науки? Этот момент ее структурной трансформации требует и нуждается в концептуализации с точки зрения как общих, так и конкретных оснований развития отдельных исторических систем юридического знания.

Проблемы прерывности или непрерывности в эволюции систем юридического знания, линейности или цикличности фазовых сдвигов и переходов в их строении и функционировании занимают центральное место в общей номенклатуре исследовательской проблематики. По существу, на данном этапе формирования дисциплины речь должна идти о выявлении, описании и объяснении сочетания вариативных и инвариантных начал в организации производства и воспроизводства систем юридического знания, как в прошлом, так и в современном состоянии.

Существование интегративной юриспруденции как категории и предмета рефлексии предполагает одновременно и параллельное существование ее диалектической противоположности – автономных дисциплинарных сфер юридического знания, на пересечении которых, собственно, и может иметь место процесс их интеграции в новую концептуальную и эпистемологическую реальность. Поэтому каждой исторической эпохе конституирования, выражения и репрезентации юридического знания корреспондирует свой собственный формат интегральной юриспруденции. Универсальная структура интегральной юриспруденции включает в себя концептуальное ядро и периферию, которые могут меняться местами в зависимости от культурно-исторического контекста их предметного и аналитического сосуществования.

В этом плане интегративная юриспруденция может рассматриваться в качестве дорожной карты, фиксирующей не столько зигзаги исторического пути развития юридической науки в целом, ее дисциплинарные и междисциплинарные напластования, сколько узловые пересечения или сдвиги в базовых концептах понимания действительности. В них резюмированы юридические картины мира отдельных эпох восприятия и представления о должном или недолжном порядках социальных отношений. Интегративная юриспруденция является концептуальным выражением юридического мировоззрения эпохи, данного в его метафизических основаниях и универсальных определениях. См.: Тимошина Е. В. Как возможна теория права? Эпистемологические основания права в интерпретации Л. И. Петражицкого. М., 2012.

¹³ Изучение эволюции исторических систем юридических знаний и систем юридического образования составляет перспективное направление в развитии тематической структуры правовой науки. Понимание сложной культурно-исторической природы данного явления и института предполагает расширение предметных и концептуальных оснований ее собственного развития и воспроизводства в границах юридических картин мира античности, средних веков, нового и новейшего времени. В общем корпусе юридической науки, наряду с такими традиционными научными и учебными дисциплинами, как история государства и права и история политических и правовых учений, активно формируется и определяет себя с теоретико-методологической точки зрения история и методология юридической науки. Принимая во внимание безусловную связь и роль в развитии юридической науки наличных систем юридического образования, представляется, что в составе ее дисциплин должна занять достойное место также история и методология юридической педагогики.

Юридическая наука имеет, наряду с концептуальной историей своего развития, также и институциональную историю. Концептуальные формы юридического знания и институциональные формы их производства и трансляции составляют общую историю в развитии различных правовых систем. Юридические школы античного мира или юридические факультеты средневековых университетов, британская традиция подготовки юристов есть не что иное, как проявления социокультур определенных исторических эпох существования и развития и права, и правовой науки, и правового образования.

ются. В них пересекаются и сосуществуют история, политика и культура социально-правового общения. Это одновременно исторические институты-отношения определенного времени и места и инструментальные институты-функции, выражающие политические практики конкретных сообществ. Социальные институты по факту своего существования заключают в себе основания и условия собственного юридического воспроизводства и саморазрушения.

Метаморфозы социально-правовой реальности (*внешней и внутренней*), одновременно явленной и скрытой, получают свое отображение в разнообразных и аутентичных им формах юридического знания, начиная с юридических мифологий (*коллективного воображаемого*) и агрорелигиозных календарей и завершая догматически разработанными юридическими категориями и определениями. Юридическое конструирование социальных институтов – институтов власти, собственности и управления – и их правовая регламентация обусловили и востребовали необходимость накопления специальных знаний, транслируемых и передаваемых новым поколениям. Потребность рационального и эффективного управления общественными делами вызвала к жизни корпорацию профессионально работающих специалистов по политическим, административным и юридическим вопросам. Ее статусные позиции в вопросах интерпретации и применения права и накопленный опыт разрешения юридических коллизий постепенно конституировались в устойчивые модели нормативных решений и определений порядков социальных отношений в границах наличных юридических картин мира¹⁴.

Условно можно выделить две фазы в развитии процесса становления юриспруденции как системы теоретических и практических юридических *текстов и дискурсов* о должном порядке осуществления власти и управления. Первая фаза – фаза сакральной (*трансцендентальной*) юриспруденции, в которой право – предмет веры и воздаяния. Подобный статус дисциплины являлся продолжением практики сакрализации различных аспектов жизнедеятельности, в частности аграрных сообществ. Она определялась директивной ролью религиозных и магико-ритуальных техник юридической организации социальных отношений¹⁵. Священный религиозный текст – культурно-и-

¹⁴ См.: Ударцев С.Ф. История политических и правовых учений (Древний Восток): Академический курс. СПб., 2007.

¹⁵ Весьма образно эту сторону культурно-исторических феноменов подчеркнул польский писатель, историк и мыслитель Ян Парандовский. «Как у истоков земледелия, мореходства, торговли, медицины, всех изобретений, ремесел и искусств есть своя мифология, точно так же есть она и у литературы, потому что человеческая мысль не осмеливается приписать себе открытие всех явлений без участия сверхъестественных сил...». См.: Парандовский Ян. Алхимия слова. М., 1990. С. 27. Продолжая эту мысль, можно также утверждать, что есть своя юридическая мифология и у права. Его метаоснования так же лежат в мире сверхъестественных сил. Юриспруденция, прежде чем организовать себя в системе логических понятий и конструкций, находит свою собственную форму определения нормативности социального – в мифопоэтических образах должного порядка человеческих отношений – от сакральных заклинаний и священнодействий до пословиц и поговорок – базисных, архетипических определений, как социального существования, так и юридического порядка своего времени и места. См.: Генон

историческое основание правопонимания данной эпохи, его языка, словаря и аргументации. Юридический текст – формальный и сакральный текст, пересечение видимого и невидимого, воображаемого и фактического в основаниях и практиках социально-правового общения. В этом смысле юридический *Текст* – универсальный образ, вмещающий в себя все возможные исторические формы проявления правовой реальности.

Первые практикующие консультанты и знатоки юридического знания формировались из жреческого сословия, которое составляло судейский корпус первоначального юридического мира. Они одновременно были носителями и трансляторами особого типа юридического знания, обладавшего трансцендентальным нормативным смыслом и эзотерическим значением. Юриспруденция Ветхого завета, первоначальная греческая и римская юриспруденция достаточно полно иллюстрируют этот исторический факт.

Вторая фаза связана со становлением светской (*позитивной*) юриспруденции, в которой право – предмет профанного дела и долга. Юриста-жреца, частного лица, сведущего в праве и судью постепенно сменил юрист-чиновник, профессор права и юрисконсульт. Традиционное право как предмет сакрального понимания и отношения к действительности вытеснило гражданское право, рассматриваемое в логике юридической услуги и товара. Совершился своего рода культурный (то есть нормативный) переход от канонической иконописи, живописи предписанных форм и священнодействий к частной живописи, живописи свободного мазка и рыночной цены¹⁶.

Рене. Духовное владычество и мирская власть. М., 2012; Муромцев Г.И. Священный религиозный текст как основа права // Право и литература. Материалы восьмых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца. М., 2014; Тейлор Чарльз. Секулярный век. М., 2017. С. 33–115.

¹⁶ См.: Трубецкой Е.Н. Умозрение в красках. М., 1915; Кантор Максим. Чертополох. Философия живописи. М., 2016. С. 6–11; Марков Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. СПб., 1999. Право – это культурный капитал, определяющий нормативные границы и возможности социальных обменов, контактов и переходов из одного слоя социально-правового общения в другие слои. Так же, как и любой символический капитал, право может накапливаться, может перемещаться, может утрачивать свою потребительскую и меновую стоимость, то есть быть подверженным процессам нормативной инфляции. Юридическая практика – это не только и не столько практика правоустановления и правоприменения. Это не только и не столько процесс поиска новых юридических решений и определений, подходов и конструкций. Это процесс накопления, воспроизводства и расширения юридических условий (концептуальных и институциональных правовых паттернов и нарративов) правового доминирования в различных аспектах и контекстах экономического, политического и культурного общения. История развития и рецепции римского права в практиках становления и развития английской и французской правовых систем – классический пример экспансии правового капитала одной цивилизации в системы юридической организации других цивилизаций, их нормативного освоения, вытеснения и замещения. См.: Бурдые Пьер. Формы капитала // Классика новой экономической социологии. М., 2014. С. 293–315, а также, Паламарчук А.А. Цивильное право в раннеюэартовской Англии: Институты и идеи. СПб., 2016.

Стратегии юридического доминирования конкретных правовых систем – это стратегии асимметричного и неэквивалентного формального обмена материальными и интеллектуальными ресурсами развития. Имеют конечным результатом обеспечение преимуществ, как правило, и прежде всего практикам собственного расширенного воспроизводства. Юридическая рента, так же, как и административная и экономическая рента, категория движения в одностороннем направлении. Логика ее самосохранения основана на принципе иерархии и подчинения партикулярных правовых систем квазиуниверсальной

Закрытое для непосвященных устное юридическое знание ушло с исторической авансцены¹⁷. Авторитет сакральной традиции, магики-ритуальных практик и богоданных установлений сменился авторитетом эмпирического опыта, социально-политической демагогии и логических суждений¹⁸. Воображаемые миры представлений о гармоничных правопорядках уступили место детально проработанным системам бюрократических квалификаций должного. Они никуда не ушли, но остались в исторической памяти в качестве утраченного юридического рая «*молочных рек и кисельных берегов*». Парадокс состоит в том, что именно эти универсалии мифологического правопорядка и лежат в основании юридического концепта действительности также и современного мира¹⁹.

Утрата сакрального статуса миропорядка охватывает все аспекты человеческого существования²⁰. Новая юридическая картина мира потребовала другой формат юридического знания – открытого, публичного и письменного текста. Практика мыслить социальную реальность в категориях мифа и религиозной веры постепенно замещается практикой мыслить социальную реальность в рационально-логических и практических категориях. Исторический процесс эпистемологических сдвигов по факту своего проявления аналогичен процессу перехода от священного языка иероглифической письменности к профанному языку демотической письменности в древнем Египте. Системы юридического знания, основанные на принципе внешнего трансцендентального авторитета, вытесняются новыми формами юридического знания, основанными на принципе незавершенной в себе и открытой изменениям системы формальных понятий и определений. Дискурсивную схоластику о праве и власти сменяют конкурирующие системы рационально-логических и практико-ориентированных суждений о целесообразно-должном порядке социальных отношений. Подобный эпистемологический поворот является продолжением практики секуля-

---

системе с ее закрытым для их влияний и изменений нормативным ядром. В этом отношении процесс правовой глобализации по своей внутренней сути есть процесс жертвоприношений конкурирующих юридических картин мира или исторических практик восприятия и понимания права. См.: Фергюсон Нил. Великое вырождение. Как разрушаются институты и гибнут государства. М., 2016.

¹⁷ См.: Темнов Е. И. Звучащая юриспруденция. М., 2010; Лафитский В. И. Поэзия права: страницы правотворчества от древности до наших дней. М., 2003. Генон Рене. Очерки о традиции и метафизике. СПб., 2000.

¹⁸ См., например: Эко Умберто. Воображаемые астрономии // Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю. М., 2014. С. 229–265.

¹⁹ См.: Флад Кристофер. Политический миф: Теоретическое исследование. С. 27–43.

²⁰ Реконструкция изменений статуса отдельных социальных практик межличностного общения детальным образом прослежена Алленом Гуттманом в его работе, посвященной фундаментальным сдвигам в игровых формах человеческой культуры. См.: Гуттман Аллен. От ритуала к рекорду: Природа современного спорта. М., 2016. Это общая тенденция культурно-исторического развития. Десакрализация практик социального общения обнаруживает себя в формах греческой софистики, римской риторики и средневековой схоластики, для которой логическая аргументация сакрального становится всего лишь техникой демонстрации присутствия бога на земле. Переживание сакрального, замещается логическими определениями, что сохраняет его существование и воспроизводство, но уже в светской форме. См., Тейлор Чарльз. Секулярный век. М., 2017. С. 205–272.

ризации различных аспектов жизнедеятельности модернизирующихся обществ²¹. Все это не что иное, как длящиеся исторические традиции интерпретации (воспроизводства) права в логике социокультуры своего времени, ее собственной догматики и аксиоматики.

2. Юридическая проблематика и ее язык – фундаментальные категории и понятия – нашли свое концептуальное отображение в трудах античных мыслителей, политиков и правоведов. Соответственно, были продемонстрированы и характерные, данные в логике исторического времени классические формы юридического знания и дискурса, представленные в системах мифопоэтических и метафизических высказываний Платона, логико-эмпирических категорий и определений Аристотеля, политико-ориентированной риторики Цицерона.

Общие принципы и определения правовой науки сложились на базе различных течений греческой философии, классической римской юриспруденции и непрерывной практики комментирования канонических религиозных текстов. Иудаизм, христианская и исламская теология, заключенные в них юридические картины мира образуют детально разработанную юриспруденцию Ветхого и Нового завета, Кораническую юриспруденцию. Представленные в них темы и правовоположения пролонгировали себя в систему современных представлений о правильных и неправильных порядках в организации человеческого существования²². Ключевые юридические термины и понятия, политико-правовые идеи и доктрины нашли свою собственную форму выражения на греческом и латинском языках – универсальных языках философии и права. В этом смысле право – это не что иное, как метаюридический и формальный *Текст*, включающий в себя и общие культурные смыслы, и повседневные нормативные структуры разнообразных исторических практик социального общения²³.

²¹ См.: Тейлор Чарльз. Секулярный век. М., 2017. С. 1–29.

²² См., например: Христианство и правовая культура // Спекторский Е. В. Христианство и культура. Прага, 1925; Брوليو Франческо М., Мирабели Чезаре, Онида Франческо. Религии и юридические системы. Введение в сравнительное церковное право. М., 2008; Тюлина Е. В. Храм, Мир, Текст. М., 2010.

²³ Разнообразие культурно-исторических форм существования и манифестаций юридического Текста – предмет правовой археологии или истории изменений форм юридических знаний и юридических техник их производства. Его присутствие обнаруживает себя в различных аспектах человеческого существования – жестах и танцах, восклицаниях и интонации, топографии поселений и городов, архитектуре храмов и жилищ, одежде и орнаментальных обозначениях социального статуса, социальных иерархиях и ритуальных (религиозных и карнавальных) практиках. Жанровое разнообразие юридических Текстов с их собственными планами содержания и планами выражения – это не что иное, как демонстрация разнообразия нормативных форм отражения, моделирования и оформления правовой реальности отдельных исторических эпох образования и применения права.

Каталог проявлений юридического начала бесконечен и восходит к истокам доисторических и дописменных сообществ. В этом смысле египетские пирамиды, греческие мистерии, Дигесты Юстиниана, средневековые ордалии и т.д., и т.п. – явления одного порядка. Это репрезентации коллективных представлений о должном в сущем. Все это не что иное, как опредмеченное правосознание отдельной эпохи в ее метафизических отношениях с прошлым и будущим.

Юридическое отношение – симбиоз биологического, социального и культурного оснований человеческой жизнедеятельности. Оно пронизывает всё, везде и всегда с начала времен. Оно универсально

Развитие юридических знаний протекало как в содержательном аспекте, так и в формальном аспекте. Первоначальные представления о государстве и праве были выражены в особой форме юридического знания – *энциклопедиях* государства и права. Энциклопедии государства и права включали в себя совокупность общепринятых представлений о государстве и праве и составляли завершенное в себе изложение основополагающих положений. Своего рода юридический *лексикон*, отображающий базовые представления отдельных юридических эпох существования права и науки права²⁴. В известном смысле, энциклопедии права можно рассматривать в качестве элементарных введений в признанные определенной исторической эпохой юридические категории, понятия и представления. Это своего рода правовая пропедевтика – санкционированные юридические термины, концепты и образы государства и права. Содержание и структура традиционных энциклопедий права – завершенные в себе иерархические конфигурации юридического знания в формате правовой аксиоматики и догматики. Это застывший в своей формально-догматической определенности юридический язык, изолированный от возможных и действительных условий его исторического существования и развития.

Классическими примерами энциклопедического формата юридического знания в отечественном правоведении были труды К. А. Неволлина (Энциклопедия законоведения. Киев, 1839–1840); Н. Ф. Рождественского (Энциклопедия законоведения. СПб., 1863); М. Н. Капустина (Юридическая догматика. М., 1868). Курсы энциклопедий права включали в себя словарь элементарных юридических терминов. Элементарных не означает простых, а элементарных в смысле формально-догма-

---

и конкретно, предметно и идеально. В нем совмещаются высокое и низкое, сакральное и профанное, желаемое и действительное, представления и действия, концепт и конструктор.

Юридическое отношение заключено в социальном отношении, в его нормативной онтологии. Правовое отношение – форма проявления социального отношения. Правовое отношение – всего лишь предпринятая форма выражения нормативности социального отношения. И она может быть адекватной или неадекватной внутренней юридической природе социального отношения. Соотношение юридического и правового аналогично соотношению политического и государственного. Юридические и политические институты даны или заключены в онтологии социального порядка. Государственно-правовые институты заданы интересами и мотивированы представлениями о «должном» доминирующих социальных групп конкретной исторической эпохи. Отсюда, собственно, и проистекает различение юридического понятия права, его теории, предмета и языка и формального, политического и социологического понятий права, их теорий, предметов и языков. См., также, Варламова Н. В. Источник права как единство нормативного юридического текста и надлежащей процедуры позитивации // Российский ежегодник теории права. № 4. 2011. СПб. 2012. С. 87–132.

²⁴ Подобный опыт культурно-исторического транзита языка римского права представлен в труде церковного деятеля Вестготского королевства Исидора Севильского (ок. 560–636) «Этимологии или Начала». Используемый автором метод развития представлений о праве одной исторической эпохи через заимствование юридического словаря другой исторической эпохи является наглядной иллюстрацией практической методологии освоения классического наследия в энциклопедическом формате. См.: Марей Е. С. Исидор Севильский и его представления о праве и правосудии. М., 2014. Встреча христианского мировоззрения и римского права определила концептуальные и формальные основания развития собственно церковного канонического права и европейского права в целом. См., например: Вудс Томас. Как католическая церковь создала западную цивилизацию. М., 2010; Берман Г. Западная традиция права. Эпоха формирования. М., 1998.

тически связанных между собой в закрытую систему определений и конструкций²⁵.

На новом этапе концептуализации юридической теории формат энциклопедии права был представлен в системе «общих введений в юридическую науку», фиксирующих разнообразие отдельных авторских версий понимания предмета и методов дисциплины²⁶. Юриспруденция как наука в основном сформировалась в начале XX века. В своем развитии варианте она выступает как комплексная и критическая теория. Отечественная юридическая наука сочетала в себе самые разнообразные общетеоретические и доктринальные направления в изучении государства и права: естественно-правовые, социологические, психологические, нормативистские²⁷.

В научных трудах Ю. С. Гамбарова, Б. А. Кистяковского, С. А. Муромцева, Л. И. Петражицкого, П. И. Новгородцева, Г. Ф. Шершеневича, Е. Н. Трубецкого, Н. Н. Алексева были поставлены и раскрыты фундаментальные темы и категории теоретического правоведения с различных аксиологических позиций. Их освоение – это не только приобретение качественного знания о предмете курса, но также и, прежде всего, формирование высокой профессиональной и общей правовой культуры – культуры ответственного юридического мышления и понимания. Здесь совмещаются и образ мыслей, и образ действий.

²⁵ См.: Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб., 1845; Коркунов Н. М. Энциклопедия права. Кн. 1–2. СПб., 1883.

²⁶ См., например: Катков В. Д. К анализу основных понятий юриспруденции. Харьков, 1903; Кистяковский Б. А. Методологическая природа науки о праве // Радбрух Г. Введение в науку права. М., 1915; Хвостов В. М. Общая теория права. М., 1914; Сорокин П. А. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. Ярославль, 1919.

Наименование научной дисциплины – составная часть процесса ее концептуализации. Наряду с «ведениями в юридическую науку», в общей дисциплинарной системе юриспруденции выделяют «ведения в юридическую профессию». В основании их различия лежат традиционные классификации науки по предметам и методам исследования. Введения в юридическую профессию – область науковедения, то есть систем знаний, касающихся организации и управления наукой как особой сферой практической деятельности. Ее предмет – проблемы развития систем юридического образования и юридических профессий, способов и форм трансляции и потребления правовой информации в обществе. См., например: Введение в юридическую профессию / под ред. проф. Т. Н. Радько. М., 2017.

Актуальная проблема и тема юридической науки заключается в выявлении ее внутри- и междисциплинарных связей, в общей структуре которых формируются комплексный предмет и методы исследования и, соответственно, общий категориально-понятийный аппарат дисциплины в целом и по отдельным составляющим элементам.

Многоуровневому характеру правовой реальности корреспондирует многоуровневый характер аналитического языка ее описания, объяснения и понимания. Хотя язык дисциплины связан предметом, влияние социокультурного контекста и позиции исследователя существенным образом определяют и меняют его концептуальные границы. История переполнена подобными эпистемологическими и ментальными коллизиями между архаистами и новаторами в науке. Если архаисты отвечают на вопросы, поставленные наукой, то новаторы формулируют вопросы еще неизвестные науке.

²⁷ См.: Азаркин Н. М. История юридической мысли России: Курс лекций. М., 1999; Корнев А. В. Консервативная и либеральная теории государства и права в России (XIX – начало XX вв.). М., 2003; Жуков В. Н. Государство, право, власть: Философия и социология. М., 2015.

Традиция высокого научного стиля была поддержана в отечественной советской науке теории государства и права в трудах таких ученых, как А.А. Пионтковский, Л.С. Явич, Р.И. Халфина, С.С. Алексеев, В.С. Нерсисянц, А.Б. Венгеров, Р.З. Лившиц, В.Г. Графский, Л.С. Мамут, В.В. Лазарев, О.В. Мартышин, а также и других теоретиков права.

Современный этап развития юридической науки в целом и теории государства и права позволяет констатировать, что юриспруденция как наука обладает всеми структурными элементами системы научно-теоретического знания: *предметами исследования* (юридические свойства, связи, отношения, функции политически организованных обществ); *методами исследования* (принципами, правилами, приемами осуществления исследовательских процедур и действий); *научными категориями* (языком, логическим научным инструментарием) – понятиями и определениями, в которых выражается и фиксируется знание о предмете исследования; *формами знания* (продуктами познавательной деятельности) – теориями, концепциями, описаниями и классификациями, юридическими моделями и конструкциями, в которых представлено структурированное знание о предмете исследования; *актуальными функциями*, обусловленными социально-политической и культурной ситуацией. Используя данную схему становления правовой науки в целом, можно дать достаточно полную характеристику юриспруденции как непрерывной исторической традиции производства, накопления и реализации юридических знаний в практике государственно-правового развития.

3. Современное состояние разработки темы

1. Проблема концептуального и междисциплинарного статуса теории права далеко не нова, но она всегда актуальна. Современная эпистемологическая ситуация требует новых форм своего самоопределения за рамками стандартной канонической аргументации особого места в общем корпусе классической юридической науки. Постоянно расширяющееся предметное и методологическое разнообразие исследуемых тем и подходов предполагает изучение юридической наукой, прежде всего, самое себя как исторически меняющуюся когнитивную форму правовой реальности²⁸.

²⁸ Индикатором понимания необходимости изучения культурно-исторических – ментальных, когнитивных, доктринальных и концептуальных оснований развития и воспроизводства систем юридических знаний, то есть их метатекста, является активное формирование в составе юридической науки особых дисциплинарных областей – когнитивной юриспруденции и правовой эпистемологии. Вместе с тем конфигурации систем юридических знаний каждой исторической эпохи – это одновременно и история корпоративных систем их распределения между отдельными социальными группами и сообществами, а также история академических и публичных дискуссий, изменивших взгляды на природу и источники права. Это общий предмет юридического науковедения, составной частью которого является история подготовки юридических кадров, развития систем юридического образования, правовых школ и профессий, доступности и качества юридических услуг, оказываемых представителям различных социальных страт. То есть институтов, ставших движущим механизмом

Это самый актуальный момент сложившейся познавательной ситуации. На мой взгляд, решение проблемы лежит в плоскости понимания того, что все социальные и политические процессы связаны и определяются культурно-историческим смыслом человеческого существования, получающим свое отображение в практическом и аналитическом языках правового общения.

Право – нормативное выражение социокультуры или коллективного воображаемого определенной эпохи, ее собственного юридического языка и дискурса. В своих первоначальных определениях оно исходит из архаических социальных практик и юридических мифологий, то есть из определенного исторического контекста и метатекста реальной, одновременно профанной и сакральной среды своего обитания. Это многосоставная и многоуровневая реальность.

развития юридической науки и практики. С другой стороны, историческая практика демонстрирует различные форматы существования и трансляции юридического знания – иерархические и сегментарные системы, системы концептуального ядра и периферии, моноцентрические и плюралистические системы. Все эти конфигурации юридического знания в их жанровых и тематических, стилевых и языковых формах выражения и репрезентации, концептуальных определениях и доктринальных различиях (своего рода исторические поэтики юридического Текста) и составляют собственный предмет культурно-исторической юриспруденции.

Само по себе знание действующего законодательства не означает знание действительного и реального права. Только через обращение к длящейся традиции формирования, интерпретации и применения права можно выявить и раскрыть его религиозно-моральные основания и действительные, инвариантные и вариативные нормативные значения, в которых обнаруживают себя различные наслоения различной юридической природы и временной принадлежности и протяженности.

История развития отдельных отраслевых юридических наук также имеет сложившуюся традицию разработки своего предмета в формате частных теорий, выполненных, главным образом, в виде историографических введений и обзоров литературы вопроса. Концептуальная история развития самой научной дисциплины – ее аналитического инструментария, категориально-понятийного аппарата и исследовательских подходов, как правило, остается за рамками предмета исследования

Изучение истории систем юридического знания в целом, то есть понятийных юридических кластеров и дискурсов, категорий и практик их формирования в различных социокультурных контекстах – свидетельство фундаментального эпистемологического сдвига внутри самой юридической науки. Юридическая наука начинает интересоваться собой в качестве отдельной категории и формы правовой реальности. Это уже предмет общей правовой эпистемологии. См.: Веденеев Ю.А. К вопросу о теории государства и права // Материалы IV Международной научно-практической конференции. Кутафинские чтения: Сборник тезисов. М., 2012. С. 53–59.

Данный момент и аспект внутренней логики саморазвития дисциплины представлен в материалах «круглого стола», проведенного кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ и журналом «Государство и право» в ноябре 2015 г. См.: Государство и право. 2016. № 4. С. 5–31. Продолжение линии саморефлексии юридической науки получило отражение в материалах методологического семинара «Проблемы взаимодействия общей теории права и государства и отраслевых юридических наук», проведенного кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) 28 февраля 2017 г.

В перечне вопросов, вынесенных на обсуждения, наряду с традиционной тематикой, касающейся статуса общей теории права и государства в системе юридических наук, ее методологического инструментария, состояния и перспектив развития, были сформулированы принципиально новые позиции в изучении права и науки права, включая постановку вопросов «новых правовых реалий в теоретических и отраслевых юридических исследованиях и системы права в представлениях общей теории права и отраслевых юридических наук». Постепенно оформляется очевидное понимание того что, размышляя о праве, юридическая теория должна одновременно размышлять и о себе в определениях ментальной и концептуальной реальности (или социокультурной реальности, что одно и то же) как органической и структурной части правовой реальности.

Это формат и предмет междисциплинарного научного подхода, охватывающего различные модальности юридического отношения к действительности в определениях культурно-исторической юриспруденции. То есть существования и трансформаций юридического текста в логике меняющегося социокультурного контекста и метатекста своего времени и места. Ее непосредственный предмет – историческая эволюция систем юридического знания не только и не столько со стороны их исторического содержания, но и, прежде всего, со стороны эволюции их дискурсивных и жанровых форм, тематической структуры и юридического словаря. Данные компоненты общей архитектуры юридического знания варьируются в широком диапазоне цивилизационных – социокультурных и концептуальных изменений²⁹.

Сложная историческая траектория развития систем юридического знания в их архетипических и мифологических, религиозных и метафизических основаниях и логических построениях воспроизводит себя как в форме откровенных апологий наличного правопорядка, так и в его продуктивной критике³⁰. История политических и правовых учений наполнена подобными взаимоотрицающими и конкурирующими мировоззрениями и выражающими их юридическими текстами.

Изучение эволюции систем юридического знания в их содержательных и формальных построениях и определениях образует самостоятельный предмет юридической науки. Доктринальный аспект содержания юридического знания традиционно является частью предмета истории политических и правовых учений. Литература вопроса здесь представлена уже ставшими классическими работами отечественных дореволюционных³¹ и советских ученых³².

²⁹ Фазовая теория интеллектуального развития, включающая теологическую, метафизическую и позитивную стадии концептуальных формаций была предложена в развернутом виде еще Огюстом Контom. См.: Конт Огюст. Дух позитивной философии. СПб., 1910. Модусы существования юридического знания исторически могут быть представлены юридической мифологией и метафизикой, юридической риторикой и логикой, юридической апологией и критикой. Священное юридическое знание замещается рациональным юридическим знанием. Эта последовательность условна, поскольку в реальной практике имеют место различные формы их сочетания и взаимодействия. См., например: Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох. М., 2016. С. 232–320.

³⁰ См.: Лазарев В. В., Липень С. В. История и методология юридической науки. М., 2016; Современное правопонимание / Под ред. проф. М. Н. Марченко. М., 2016; Малиновский А. А. Программа курса «История и методология юридической науки: дискуссионные вопросы // Теория государства и права в науке, образовании, практике: Монография. М., 2016. С. 326–336; Сырых В. М. История и методология юридической науки. М., 2012; Яркова Е. И. История и методология юридической науки. Тюмень, 2012; Рулан Норбер. Историческое введение в право. М., 2005; Нерсесянц В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 1999.

³¹ См., например: Чичерин Б. Н. История политических учений. В 5-ти ч. М., 1869–1902; Шершеневич Г. Ф. История философии права. СПб., 1907; Михайловский И. В. Очерки философии права. Т. 1. Томск, 1914;

³² См., например: История политических и правовых учений. Ч. 1–5 / Отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1985–1995; История политических и правовых учений: Учебник для вузов / отв. ред. О. В. Мартышин. М., 2004; Графский В. Г. История политических и правовых учений: Учебник. М., 2005.

Вместе с тем другая часть исторических систем юридического знания, а именно практический и аналитический язык юриспруденции, разрывы и преэминентность исторических форм аргументации юридического знания и его концептуализации, находится на периферии исследовательских интересов теоретиков и историков правовой науки. В самом общем виде на этот структурный дефект теоретико-методологической рефлексии юридической науки обратил внимание В. В. Лазарев³³. История права – это не только история институтов и учений о праве. Это также история самой юридической науки³⁴, данной в истории систем юридических знаний, правовых школ и юридических картин мира, изменивших концептуальные основания правосознания определенной эпохи.

2. Представленные очерки призваны, в известной мере, восполнить этот пробел. На наш взгляд, новая эпистемологическая перспектива в изучении права как языковой и когнитивной реальности, одновременно образной, символической и понятийной, включает актуальное направление и подходы в исследовании исторических форм развития самой юридической науки. Она позволяет проблематизировать вопросы, касающиеся разработки общей теории предмета и структуры правовой науки как системы юридических знаний.

Концептуальная история юриспруденции в динамике социокультуры определенной исторической эпохи открывает широкие теоретико-методологические возможности междисциплинарных контактов с другими общественными и гуманитарными науками и, соответственно, расширяет ее проблемное поле за рамочными границами классических версий понимания права и предмета юридической науки. Понимание того, что нормативностью как универсальным качеством социокультуры обладают не только системы права, но и системы юридических знаний, позволяет утверждать, что предметом юридической науки является также и сама юридическая наука, представленная в своих нормативных определениях, конструкциях, жанровых формах и стилях правового мышления.

Действительное право живет не только в системе правовых институтов, норм и ценностей, но также и в системе представлений о праве и знаниевых (логико-понятийных, образно-символических, языковых и метафорических) конструкциях, нагруженных собственными концептуальными смыслами, аналитическими и нормативными значениями. История права и юридической науки, ее изучающей, заключены в рамочные условия противоречий и борьбы между реальностью права и образом права, между понятием права и представлением о праве, между

³³ В этом аспекте своего существования юридическая наука – Terra incognita. См.: Введение и заключение в учебнике «История государственно-правовых учений» / Отв. ред. В. В. Лазарев. М., 2006.

³⁴ См., например: История юридических наук в России: Сб. статей / под ред. проф. О. Е. Кутафина. М., 2009; Шульженко Ю. Л., Шульженко Д. Ю. Наука русского государственного права второй половины XIX века. М.: ИГП РАН. 2010.

действительным правом и желаемым правом, между тем, что есть и тем, чем хочется быть.

Взаимоотношения этих двух составных элементов общей правовой реальности построены на принципе комплементарности. Культурно-историческая эволюция правовых систем привязана к культурно-исторической эволюции систем юридических знаний и юридических картин мира, лежащих в их основании. Именно этим и объясняется фундаментальное значение антропологически и когнитивно ориентированной перспективы в развитии юридической науки. *Культурно-историческая юриспруденция* объединяет в себе общую теорию понимания и восприятия права, историческую эпистемологию, аксиологию и методологию права. В этом плане культурно-историческая юриспруденция составляет одновременно и новое синтетическое направление, и новый комплексный подход в изучении правовой реальности в разнообразных аспектах ее концептуального, образного и институционального существования и самоопределения³⁵.

Современная картина мира предполагает новые интеллектуальные (эпистемологические и аналитические) формы осмысления предметных границ правовой реальности, хотя и лежащих за рамками традиционных подходов в исследовании права, но вместе с тем обогащающих понимание природы права как явления цивилизации и культуры.

Культурно-исторически ориентированная юриспруденция совмещает системоцентрические и персоноцентрические представления о праве. Ее топика качественно меняет соотношение внешних и внутренних, формальных и ментальных оснований в изучении эволюции права и науки права в общем контексте общественного развития. Ее программное содержание основано на выявлении структурной нормообразующей роли внутренней, ментальной реальности в практиках социально-правового общения, в том числе и научной деятельности.

Культурно-историческая перспектива в изучении права как языковой и когнитивной реальности, одновременно образной, символической и понятийной, составляет самостоятельное научное направление и подход в его исследовании. Она позволяет раскрыть актуальные смыслы и значения права как нормативной формы существования разнообразных практик социального и культурного общения.

---

³⁵ Понимание глубокой субстанциональной зависимости определенного формата построения и содержания науки от типа социокультуры, внутри которой происходит становление и самоопределение отдельных научных дисциплин, составляет важнейший аспект теоретической рефлексии на предмет выявления историко-культурных оснований собственного развития. Концептуальная и институциональная история науки – это одновременно и история культурных трансформаций в различных системах социального общения. См., например: Бегельсдайт Ш., Маселанд Р. Культура в экономической науке. М. – СПб., 2016; Политическая наука в Западной Европе / под ред. Ханса-Дитера Клинеманна. М., 2009; Сепир Эдвард. Статус лингвистики как науки // Язык как образ мира. М. – СПб., 2003; Козер Л. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. М., 2006; Коллинз Рэндалл. Социология философов: Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002.

Право одновременно объективно и субъективно, контекстуально и конвенционально, обладает операциональным значением и метафизическим смыслом. Его историческая онтология пронизана исторической психологией. Аксиоматическая формула классической римской юриспруденции «*Ubi societas, Ibi jus*» именно в рамочных определениях культурно-исторического подхода может быть преобразована в формулу «*Ubi homo juridicus, Ibi societas*». Категория «человек юридический» в современном ее понимании фиксирует внимание не столько на расширении формальных оснований правосубъектности в процессах повседневного общения. Это общая тенденция социально-правового развития. А, прежде всего, на том, как сам человек видит, оценивает и квалифицирует свое юридическое присутствие в публичном и частном пространстве действительного, а не мнимого существования. Право может быть адекватно понято и описано только внутри и через систему социокультурных координат, предполагающих множество траекторий развития как в составе правовых институтов, так и в исторических логиках их гражданского, то есть юридического осмысления³⁶. Нормативность права вариативна и зависит от типа социокультуры как в процессах правообразования, так и в процессах правоприменения.

Двуединый процесс концептуализации и нормализации практик социально-правового общения имеет как свой план понимания и содержания, так и свой план выражения и репрезентации. Эволюция систем юридических знаний включает в себе эволюцию систем правовых

³⁶ Это общая тенденция социогенеза и культурогенеза, выражающая разнообразие исторических форм нормативного отношения к действительности, проявляемая, например, в смене стилей мышления и деятельности в архитектуре и литературе. К. Маркс определял конкретные результаты культурно-исторического процесса как опредмеченную психологию отдельной эпохи. См.: Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М., 1976; Пановский Эрвин. Готическая архитектура и схоластика // Богословие в культуре Средневековья. Киев, 1992. С. 39–118; Рехт Ролан. Предмет истории искусства (Лекция, прочитанная в марте 2002 г. в Коллеж де Франс) // Верить и видеть. М., 2014. С. 313–334; Кобрин К. Р. Средние века: очерки о границах идентичности и рефлексии. М. – СПб., 2016.

Название последней работы симптоматично как с точки зрения различения базовых тем, разрабатываемых внутри самой дисциплины, так и с точки зрения совмещения и параллельного изучения относительно автономных проявлений самой социокультуры определенного места и времени. Для юридической науки изучение проблематики развития правовых институтов в терминах и в контексте определенной социокультуры приобретает особое значение. Процессы институционализации и концептуализации права взаимоопределяют друг друга, поскольку внешняя (формальная) нормативность правового института и внутренняя (когнитивная) нормативность правового концепта имеют один и тот же источник – культурные картины мира или мировоззрение конкретной исторической эпохи. См.: Чарльз Тейлор. Секулярный век. М., 2017. Право нормативно-правового акта – производная переменная права языка социального общения и юридической картины мира.

Правовая реальность, прежде чем стать нормативным фактом, проявляет себя в форме нормативного образа. Это одновременно коммуникативно-дискурсивная реальность или нормативная власть дискурса (представлений о должном порядке социальных отношений) в процессах социальной коммуникации. Классическим примером нормативной роли дискурсивно-коммуникативной практики в конституировании – становлении, развитии и воспроизводстве исторической реальности как формы выражения концептуальной реальности – является история еврейского народа. См.: Постовалова В.И. Божественное откровение в религиозной коммуникации // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох. М., 2016. С. 277–289. Метафизический источник его социокультурной легитимности и юридической легальности – Ветхозаветный Текст.

идей, ценностей и институтов. Понимание права и науки права как комплекса пересекающихся социокультурных феноменов в самом себе включает потребность междисциплинарной ориентации в их исследовании и определениях. Культурно-историческая юриспруденция в этом отношении может рассматриваться в качестве одного из возможных вариантов ответа на концептуальные и институциональные вызовы правовой реальности, представляющей симбиоз фактических и метафизических оснований своего внутреннего и внешнего нормативного развития и воспроизводства.

Заключение

Правовая реальность существует в исторических границах, заданных языком социокультуры определенной эпохи, составной частью которой является также язык практической и теоретической юриспруденции. Концептуальная эволюция дисциплины – ее юридического языка, дискурса и текста – это история предмета и метода науки права в их взаимных отношениях и определениях. История наименований дисциплины – это история процесса категоризации исследуемых ею явлений, процесса формирования ее теоретико-методологических оснований, ее онтологии и эпистемологии.

Введение в научный оборот категории «*концептуальная история юридической науки*», представленной в основных исторических формах ее категориально-понятийной репрезентации, в их синхроническом и диахроническом измерениях существенным образом дополняет общую панораму развития науки права. Это позволяет расширить номенклатуру общих подходов в исследовании права, а также сформулировать новые проблемы и темы в изучении самой юридической науки. История систем юридических знаний – это эволюция когнитивных форм существования и функционирования науки права в контексте социокультуры исторического времени и места.

Язык юриспруденции не только отражает правовую реальность. Будучи частью социокультурного механизма ее развития, юридический язык воспроизводит правовую реальность в границах собственных представлений о должном или недолжном порядке социальных отношений. Являясь моделирующей подсистемой социокультуры, юридическая наука выступает органичной частью как процесса определения права, так и процесса порождения и формирования права. История становления и развития юридической науки есть история формирования концептуальной составляющей правовой системы и ее влияния на процессы институционализации права.

Парадигмы развития

О.В. ДАМАСКИН

Выборы сквозь призму качества жизни и ее безопасности

В 2018 году граждане нашей страны в очередной раз примут участие в выборах Президента Российской Федерации. Нет сомнений в том, что им будет избран, конечно, в случае его согласия, В. В. Путин, поддерживаемый, по данным социологических опросов, преобладающим большинством граждан. Феномен такой поддержки страны, вероятно, можно объяснить чувством признательности за решения и действия Президента России, направленные на укрепление государственности, государственного суверенитета¹ и национальной безопасности в условиях нарастания угроз международной безопасности в процессе глобализации, за исходящую от него надежду и веру в сохранение традиционных нравственных ценностей русской цивилизации и национального достоинства².

Очевидно, это помогает сохранению долготерпения населения нашей страны, где, по официальным данным Росстата, 21,4 млн. граждан имеют доходы ниже прожиточного минимума. Если учесть, что по итогам 2016 года этот «минимум» в среднем составлял 9889 рублей, то можно представить, как эти люди, как говорится, сводят концы с концами. Более 60 процентов населения России живет либо за чертой бедности, имея доходы ниже прожиточного минимума, либо балансируя на грани малой обеспеченности. Опять же по официальным данным Росстата за 2015 год (за 2016 год Росстат данные еще не опубликовал), 13,3 процента членов домохозяйств (семей) имели доходы ниже 10 тысяч рублей, еще 49,7 процента населения имело душевые доходы от 10 до 30 тысяч, 29,6 процента от 30 до 70 тысяч, 5,4 процента до 110 тысяч рублей. И только 2 процента имели доход более 110 тысяч на члена семьи.

А по данным Всероссийского центра уровня жизни, от общих доходов населения страны на 64 процента населения приходится всего 33 процента,

---

ДАМАСКИН Олег Валерьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

¹ Суверенитет (нем. *Souverenitet*) – полная независимость государства от других государств в его внутренних и внешних отношениях, национальный суверенитет – совокупность прав нации (народа) на свободу выбора социального и политического строя, на территориальную целостность, экономическую независимость и т.д. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1982.

² Дамаскин О. В. Россия в современном мире: проблемы международной и национальной безопасности. М.: 2016. 432 с.

а на наиболее обеспеченные 2 процента населения приходится 10 процентов всех доходов³. Это означает огромный разрыв в доходах, загоняющий большую часть населения в маргинальные слои, порождающий социальное неравенство, конфликты, преступность.

Неэффективная экономическая политика влечет снижение уровня жизни значительной части населения. Проблема бедности в России приобрела широкомасштабный характер. Разница в доходах десяти процентов наиболее и наименее обеспеченного населения составляет 15 раз, в то время как в развитых странах данный показатель – не более 5 процентов. Считается, что при показателе в 10 процентов возникает серьезная опасность для социальной и политической стабильности в стране⁴.

Социальная напряженность обуславливает деградацию и криминализацию общества, рост преступности, масштабное распространение алкоголизации и наркотизации населения, снижение демографического роста. Социальные противоречия являются почвой для организации на территории России террористических актов, которые приобрели характер реальных угроз. Дистанция между обществом и государством увеличилась. Население в значительной мере утратило доверие к государственному аппарату, а последний, в ряде случаев, открыто демонстрирует свое безразличие к жизненно важным проблемам российских граждан. Этому способствует бюрократизация и коррумпированность органов власти. Такое состояние порождает вопросы о перспективах развития экономики страны, социальных отношений, качестве управления и ответственности руководителей органов государственной власти и управления, социальной ответственности частных предпринимателей, механизме преодоления негативных факторов стабильности и безопасности общества и государства.

Ключевой задачей решения этих проблем является определение роли, учет социальных последствий и оптимизация деятельности лидеров финансово-банковской системы, сросшихся с финансовым блоком федерального правительства. В частности, по имеющимся данным, готовится девальвация национальной валюты на 10 процентов⁵. Очевидно, что такое решение, якобы выгодное отечественному производителю, так как делает его товары более конкурентоспособными, действительно только при условии программной связанности обесценивания рубля с одновременной поддержкой предпринимателя. Однако фактически оно принимается только в интересах пополнения бюджета и ради новых сверхприбылей финансовой элиты. Это подтверждается опытом прежних аналогичных шагов.

Ведущиеся замеры общественного настроения дают основание для принятия решений об усилении ответственности соответствующих руководителей за социальные и криминальные последствия принимаемых управленческих

³ Костлявая рука бедности. Аргументы недели. № 6 (548), 16 февраля 2017 года.

⁴ См.: К. Гурдин. Сон рабочего класса. Аргументы недели. 2015. № 3.

⁵ Костлявая рука бедности. Аргументы недели. № 6 (548), 16 февраля 2017 года.

актов. Необходимы кардинальные меры по изменению сложившейся ситуации социального неравенства и социальной дискриминации законопослушного большинства населения страны, очищения органов государственной власти и управления от лиц с антисоциальной, антироссийской, прозападной ориентацией. Ключевой проблемой при этом становится вывод национальной элиты, включая лиц, состоящих на государственной службе, из-под внешнего влияния и контроля. Эта зависимость основывается на обладании собственностью, финансовыми ресурсами, проживании семей, обучении детей за рубежом и находит свое заинтересованное выражение в лоббировании иностранных интересов в сфере экономики, финансов и других сферах на основе конфликта государственных и личных интересов. Попытка влияния на этот процесс путем формальных ограничений зачастую носит поверхностный и имитационный характер и оставляет множество возможностей для злоупотреблений.

Представляется, что основой курса на преодоление либерализма как идеологии, основой которой является индивидуализм, средством – конкурентная борьба, а целью – материальный успех в обществе потребления, не приемлющей ограничений, налагаемых на индивидуальную свободу статьей 55 Конституции Российской Федерации, в интересах национальной безопасности могут быть положения, представленные в посланиях Президента Российской Федерации.

Актуализация такого подхода обуславливается агрессией ряда стран в процессе передела сфер влияния, мировых ресурсов, использования вооруженной силы, транснациональной преступности, терроризма, глобализации, санкций в отношении России, стремящейся к суверенитету и национальной безопасности⁶. Десять лет назад, 10 февраля 2007 года В.В. Путин произнес знаменитую Мюнхенскую речь, в которой заявил о том, что однополярный мир неприемлем и невозможен: «Убежден: мы подошли к тому рубежному моменту, когда должны серьезно задуматься над всей архитектурой глобальной безопасности», сказал он тогда. Этот прогноз оправдался, что начинает осознаваться даже в США, в частности, новым президентом Дональдом Трампом. Отрезвлению Запада способствовали удары, нанесенные российскими Военно-космическими силами (ВКС) по формированиям запрещенной в России террористической организации ИГИЛ в Сирии, нашими ракетами из Каспийского моря их по базам.

Проблема укрепления и развития российской государственности и национального суверенитета в современных условиях имеет актуальное значение вследствие кардинальных геополитических изменений в мире и во внутренней политике Российского государства⁷. Мировой тенденци-

⁶ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683.).

⁷ Дамаскин О.В. Россия в современном мире: проблемы международной и национальной безопасности. М.: 2016.

ей, оказывающей значительное негативное влияние на положение России и других стран, является процесс формирования однополярного мира, где ведущей державой в создании нового миропорядка стали США, стремящиеся к достижению гегемонии с целью реализации своих интересов.

Политика глобализации ведет к разделению мира на доминирующий центр и зависимую периферию. Утрачиваемый рядом стран суверенитет в связи с вхождением в военные блоки и экономические союзы обостряет геополитические конфликты. Утратив в конце XX века значительную часть экономического потенциала и положение сверхдержавы, Россия перешла в разряд экономически зависимых государств, ее возможности влиять на глобальные процессы резко уменьшились. Внутреннее состояние российского государства, вследствие разгосударствления экономики, смены институтов государственной власти и идеологического многообразия, характеризуется рядом проблем. Отсутствует единство системы органов власти, необходимое для достижения жизненно важных целей в интересах всего российского общества. Финансово-экономический блок правительства, длительное время ориентировавшийся на западные приоритеты, представляется беспомощным в условиях западных санкций⁸. Таким образом, в настоящее время уровень развития общественных отношений – экономических, социальных, политических и других – крайне противоречив и нестабилен, обуславливая угрозу сохранению и дальнейшему позитивному развитию самой системы российской государственности.

Одним из основных назначений государства является обеспечение реализации жизненно важных интересов граждан и, в первую очередь, их достойного и безопасного существования. Решение задачи повышения качества жизни напрямую зависит от органично выстроенной системы власти и ее эффективного функционирования в интересах законопослушного большинства населения⁹. Сложившаяся ситуация вынуждает искать такой порядок формирования и организации системы власти, который обеспечил бы ее системность и сбалансированность, приход к власти людей, генерирующих действенные программы социального и экономического развития страны и добивающихся приведения их в жизнь в целях укрепления российской государственности как механизма обеспечения жизненно важных интересов законопослушного большинства граждан.

В настоящее время на политической арене заметную роль играют несколько политических партий, таких как «ЕДИНАЯ РОССИЯ», КПРФ, ЛДПР, СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ и ряд других. Однако само общество на фоне большого количества партий не определилось со своими постоянными политическими предпочтениями и находится в постоянных поисках. Это обуславливает потребность принятия мер по обеспечению развития многопартийной политической системы с участием нескольких стабильных

⁸ См.: А. Аганбегян. Год голого короля. Аргументы недели. 2015. № 3.

⁹ С. Ю. Глазьев. Взгляд. 22.01.2015.

и авторитетных политических партий. Такой подход стимулирует развитие авторитетных, дееспособных партий, способствует предотвращению практики влияния административного, экономического ресурса на результаты выборов, выводя их из борьбы криминальных интересов в сферу конкуренции за выявление и выражение общественных потребностей. При этом необходимо преодолеть негативную практику злоупотребления волей избирателей, когда в качестве лидеров политической партии выступают известные государственные деятели, благодаря авторитету которых одерживается победа всей партии, несмотря на то, что эти лица заведомо осознавали, что по завершению выборов они вернутся на занимаемые прежде должности.

В многопартийной политической системе чрезмерное количество мелких, дублирующих друг друга партий ведет к сильному рассредоточению электоральных предпочтений, отсутствию четко выраженных политических программ. Меры, регулирующие правовые основы деятельности политической партий и избирательного процесса, постепенно, эволюционным путем привели бы к уменьшению количества политических партий, обуславливая сосредоточение электоральных предпочтений вокруг стабильных, дееспособных, авторитетных партий с четкой политической программой, способных стать катализатором новых идей позитивного развития страны.

Принятые законодателем меры, направленные на повышение роли политической партии в государственном строительстве, не дадут должного результата без параллельно сопровождающих их мер по обеспечению развития внутрипартийной демократии. Наибольшую опасность для развития российской государственности приобретает возможность их трансформации в организацию, обслуживающую интересы узкопартийной элиты и заинтересованной группы.

Действующее законодательство предусматривает принятие решения о выдвижении федерального списка кандидатов в депутаты в Государственную Думу тайным голосованием на съезде политической партии, в работе которой принимают участие делегаты от региональных отделений политической партии, при этом сам порядок принятия решения остается на внутрипартийное усмотрение. Отсутствие четко прописанных в законе гарантий прав рядовых членов политической партии может привести к узурпации власти со стороны ее руководства и, как следствие, отсутствию заинтересованности ее членов в эффективной деятельности.

Представляется необходимым предусмотреть механизм формирования общефедерального партийного списка кандидатов для участия в выборах депутатов Государственной Думы, включающий в себя два этапа: самостоятельное принятие решения о выдвижении кандидатов (региональной группы) каждым региональным отделением политической партии на конференции или общем собрании при тайном голосовании; утверждение очередности кандидатов в депутаты в региональных группах внутри общефедерального

списка на съезде политической партии, в работе которого принимают участие делегаты от региональных отделений политической партии, при тайном голосовании. Таким образом, принятие законодательных мер, очерчивающих рамки развития политических партий на современном этапе, объективно необходимы в целях обеспечения единства и сбалансированность органов власти и общества как между собой, так и внутри них.

Возрастающие потребности общества, обусловленные процессом глобализации, внутренними и внешними угрозами национальной безопасности, требуют принятия конкретных мер к изменению законодательной базы, ориентированной на повышение эффективности функционирования органов государственной власти. Пункт 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации прямо предусматривает, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны и безопасности государства. С учетом сложного механизма федеративных отношений и размеров территории, только правильно выстроенная исполнительная вертикаль способна обеспечить высокий уровень управляемости нашей страной.

Слабость механизма реализации в полном объеме статьи 77 Конституции Российской Федерации, которая по существу призвана обеспечить формирование системы органов исполнительной власти, способной эффективно выполнять функции государства, в том числе функцию обеспечения национальной безопасности, объективно потребовала принятия мер, ограничивающих граждан в части права избирать глав субъектов, но в то же время делающих шаг к воссозданию единого механизма государственного управления в целях укрепления российского государства и обеспечения прав граждан на безопасное существование, без которых рассуждения о реализации демократических прав немыслимы.

Централизация обусловлена определенными Конституцией Российской Федерации общими задачами, предметом ведения и полномочиями, а также необходимостью сохранения единства и целостности федеративного государства. Е.И. Козлова и О.Е. Кутафин справедливо отмечали, что каждому подлинному федеративному государству свойственно унитарное начало, которое не противоположно федерализму. Если исчезает унитарное начало, то федеративное государство подвергается опасности дезинтеграции, и наоборот, если нежизненным оказывается федерализм, то федеративное государство превращается в полностью единое¹⁰. Таким образом, построение управленческой вертикали на основе унитарной идеи, имманентным признаком которой является централизация, детерминировано самой Конституцией Российской Федерации, устанавливающей принципы единства и системности организации

¹⁰ Козлова Е. И. Кутафин О. Е. Конституционное право России: Учебник. М., 2005. С. 161.

исполнительной власти и особый правовой статус Президента Российской Федерации как гаранта Конституции Российской Федерации.

Воссоздание на принципах иерархичности, соподчинения и скоординированности цельной системы исполнительной власти обусловлено необходимостью ее оперативного и адекватного реагирования на вызовы и угрозы национальной безопасности в целях обеспечения прав и интересов граждан. Однако, говоря о системе единоначалия, необходимо иметь в виду, что эффективность работы системы во многом определяется ее лидером. Профессиональный, обладающий достаточной квалификацией и опытом управленец, стремящийся достичь определенного результата, которым может быть, в частности, повышение уровня, качества жизни населения, создает свою команду на профессиональной основе, члены которой стремятся оправдать его доверие.

Для государства с республиканской формой правления выбор населением в качестве президента «недостойного» кандидата также не исключен, в этом случае система единоначалия может повернуть государство в сторону его ослабления. Таким образом, все процессы в государственном строительстве – определенные риски, так как отсутствует гарантированный способ (избрание или назначение) прихода к власти достойных лиц. Поэтому необходимо рассматривать ту или иную реформу в конкретных условиях и на конкретном этапе исторического развития. Ослабление федеральной власти ведет к утрате управляемости общественными процессами, которые на фоне социальной напряженности могут превратиться в хаотические общественные отношения, которые в условиях глобализации являются выгодными для государств-конкурентов и криминальных структур.

Очевидно, что декларируемая правовая возможность парламентских партий представлять кандидатуру на пост Председателя Правительства Российской Федерации или высшего должностного лица субъекта Российской Федерации не влечет правовую обязанность Президента Российской Федерации ее принимать. Он может как воспользоваться предложением партии, так и отклонить нее. Это обусловлено правовым положением Президента Российской Федерации, как гаранта Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина (ч. 2 ст. 80 Конституции Российской Федерации) и сложившейся в России формой правления. При этом конституционная воля гаранта не может быть ограничена какими-либо условиями.

Рассмотрение актуальных аспектов потребностей и возможностей обеспечения качества жизни и безопасности граждан нашей страны в контексте участия в избирательном процессе, отдельных вопросов состояния, укрепления и развития российской государственности, защиты национального суверенитета России в современных условиях позволяет считать, что их решение может способствовать жизненно важным интересам законопослушного большинства граждан нашей страны.

Реализация избирательных прав женщин в современной России: представительство женщин в региональных парламентах Северо-Западного федерального округа

В 2017 году исполняется 100 лет обретения российскими женщинами избирательных прав. События весны 1917 года открыли новую страницу в истории избирательного процесса в России¹. В связи с этим представляется актуальным исследование представительства женщин в законодательных органах государственной власти Российской Федерации. Интерес политологов² и общественности³, как правило, сосредоточен на федеральном уровне государственной власти. Представительство женщин в депутатском корпусе парламентов рассматривается политологами как один из показателей развития институтов демократии и гражданского общества, т.к. учет социальных интересов обоих полов в процессе принятия государственных решений придает функционированию политик и стабильный, и инновационный характер⁴. Многие политологи выявляют гендерную асимметрию российской политической системы. Е. В. Кочкина, которая обобщила и проанализировала статистику представленности женщин в советских и российских органах власти, отмечает, что в процессе трансформации российской избирательной системы на рубеже 1980–1990 годов наблюдалось снижение численности

КОЗЛОВА Наталья Николаевна – доктор политических наук, профессор кафедры политологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

¹ Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: РИК Русанова, 1998; Юкина И. И. Как мы получили избирательные права [Электронный ресурс]. <http://www.a-z.ru/women/texts/posidelkir.htm>.

² Айвазова С. Г., Г. Л. Кертман. Мужчины и женщины на выборах. Гендерный анализ избирательных кампаний России в 1999 и 2000 гг. М.: Эслан, 2000; Айвазова С. Г., Кертман Г. Л. Мы выбираем, нас выбирают... Гендерный анализ парламентских и президентских выборов 2003–2004 годов в России. М.: ОЛИТА, 2004; Айвазова С. Г. Российские выборы: гендерное прочтение. М.: Московские учебники и картолитография, 2008.

³ Женщины-депутаты Государственной Думы России 2016 [Электронный ресурс]. <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/2191788-zhenschiny-deputaty-gosudarstvennoj-dumy-rossii-2016-cto-izvestno-spisok-foto.html>; В новой Госдуме в 4 раза больше женщин: 7 интересных фактов о седьмом парламенте [Электронный ресурс]. <http://360tv.ru/news/v-novoj-gosdume-v-4-raza-bolshe-zhenshin-sem-interesnyh-faktov-o-sedmom-parlamente-72807/>

⁴ Шведова Н. А. Гендерное равенство и устойчивое развитие: новые тенденции // Женщина в российском обществе. 2006. № 4. С. 3–21; Воронина О. А. Политика гендерного равенства: международный и национальный опыт // Вестник РАН. 2004. Т. 74. № 10. С. 922–931.

женщин в органах законодательной власти⁵. Согласно исследованиям А. Е. Чириковой, представительство женщин в органах власти субъектов Федерации в 1990 – первой половине 2000 годов являлось незначительным и составляло 6–9 процентов⁶. В своих трудах В. Н. Константинова, А. А. Темкина, А. А. Гнедаш, О. В. Попова, И. Г. Тарусина и другие выявили многочисленные факторы, влияющие на представительство женщин в законодательных органах власти: тип избирательной системы, политический режим, семейно-брачный статус и т.д.⁷.

В рамках проекта «Депутатский корпус региональных законодательных собраний в гендерном измерении» автор настоящего исследования обращается к рассмотрению женского сегмента депутатского корпуса legislatur субъектов Российской Федерации⁸ и, в частности, к парламентам субъектов Федерации, входящих в Северо-Западный федеральный округ (далее – СЗФО). Цель исследования – на основе анализа статистических данных рассмотреть представительство женщин в региональных парламентах. Сбор статистических данных о количестве женщин, их образовании, месте работы, политическом опыте, возрасте, семейном статусе, положении в законодательных органах субъектов Федерации СЗФО проводился автором в январе – августе 2016 года. Базами данных информации о женщинах-депутатах выступили контентные специализированных порталов (Парламентский портал, VIPERSON и др.), сайтов органов государственной власти субъектов Федерации, СМИ, политических партий.

⁵ Кочкина Е. В. Представительство женщин в структурах власти России, 1917–2002 гг. // Гендерная реконструкция политических систем. СПб.: ИСПГ-Алетейя, 2004. С. 477.

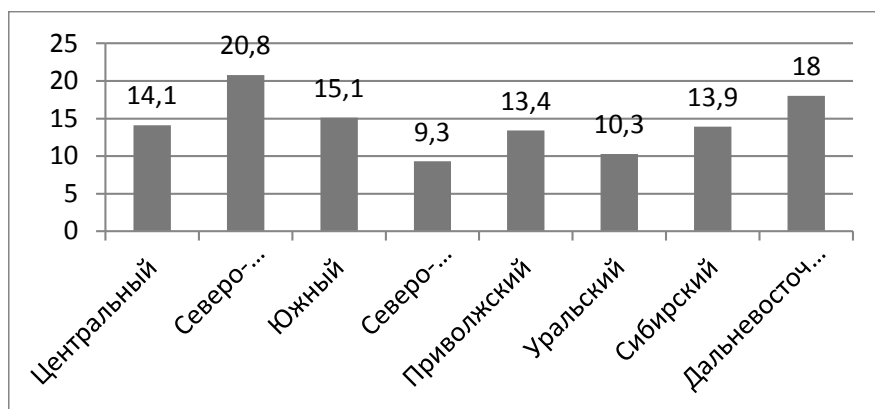
⁶ Чирикова А. Е. Региональные элиты России. М.: Аспект-Пресс, 2010. С. 232.

⁷ Константинова В. Н. Женщины и проблемы политического лидерства // Женщины и социальная политика (гендерный аспект) / Отв. ред. З. А. Хоткина. М.: ИСЭПН РАН, 1992. С. 107–117; Темкина А. А. Женский путь в политику: гендерная перспектива // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. Сб. науч. Статей / Под ред. А. Темкиной и Е. Здравомысловой. СПб.: ЦНСИ, 1996. С. 22–26; Гнедаш А. А. Политико-административные элиты постсоветской России: гендерное измерение (по материалам экспертного опроса в Краснодарском крае) // Новые направления политической науки: гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономия. Социальная политика М.: РАНП, РОССПЭН, 2007. С. 258–274; Девятиярова А. И. Представленность женщин в парламентах регионов Западной Сибири: сравнительный анализ // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 1 (35). С. 293–300; Колесник Н. В. Гендерные распределения в региональной элите (Северо-Запад и Юг России). ПОЛИТЭК. 2009. Т. 5. № 2. С. 72–87; Морозова О. С. Анализ качественного состава региональных парламентов ЦФО // Сборники конференций НИЦ. Социосфера. 2011. № 20. С. 63–66; Попова О. В. Гендерные аспекты политической карьеры российской субфедеральной элиты: мнения экспертов // Женщина в российском обществе. 2013. № 3 (68). С. 21–30; Тарусина И. Г. Представительство женщин в меняющихся политических элитах (на примере Томской области) // Гендерное устройство: социальные институты и практики. СПб.: Европ. ун-т в СПб., 2005. С. 195–207.

⁸ Козлова Н. Н. Законодательное Собрание Тверской области (1994–2016): гендерный профиль // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2016. № 3. С. 202–211; Козлова Н. Н. Депутатский корпус Центрального федерального округа: гендерное измерение // Женщина в российском обществе. 2016. № 4. С. 58–71; Козлова Н. Н. Социологический портрет женщины-депутата законодательного органа власти // Новая социальная реальность и гендерное равноправие в России и за рубежом 100 лет спустя: исторические уроки и социальные горизонты. Краснодар: Изд-во НИИ Экономики ЮФО, 2017. Ч. 1. С. 108–110.

Представленность женщин-депутатов в региональных парламентах СЗФО

В СЗФО входят 11 субъектов Федерации: Республика Коми, Республика Карелия, Ненецкий автономный округ (далее – НАО), Санкт-Петербург и Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская области. Численность депутатов парламентов СЗФО варьируется от 19 (НАО) до 62 (Архангельская область). Все региональные legislatures СЗФО избираются по смешанной системе. Депутатский корпус парламентов субъектов Федерации СЗФО насчитывает 446 человек, из которых женщины составляют 93 человека или 20,8 процента от всего депутатского корпуса. Это наибольший показатель среди региональных парламентов федеральных округов Российской Федерации, к тому же превышающий общероссийский показатель представленности женщин в органах законодательной власти субъектов Российской Федерации (14,3%⁹) и в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации VII созыва (13,7%)¹⁰. Ниже на рисунке отражена численность женщин-депутатов в региональных парламентах федеральных округов по состоянию на 1 февраля 2016 года.

Рисунок 1. Процент женщин-депутатов в региональных парламентах федеральных округов

В то же время количество женщин в региональных парламентах СЗФО различается. Минимальный процент (15) насчитывается в Калининградской области, максимальный (30) – в Республике Коми. Показатели других регионов

⁹ Подсчитано мной – Н.К.

¹⁰ Состав Государственной Думы седьмого созыва [Электронный ресурс]. <http://www.duma.gov.ru/structure/deputies/>

располагаются между данными цифрами: Архангельская область – 13 (20,9%), Вологодская область – 6 (17,6%), Республика Карелия – 15 (27,2%), Ленинградская область – 8 (16%) Мурманская область – 6 (16,6%) НАО – 3 (15,7%) Новгородская область – 4 (15,3%), Псковская область – 11 (25%), Санкт-Петербург – 12 (24%). Важно отметить, что показателя ниже 15 процентов в парламентах субъектов Федерации СЗФО нет.

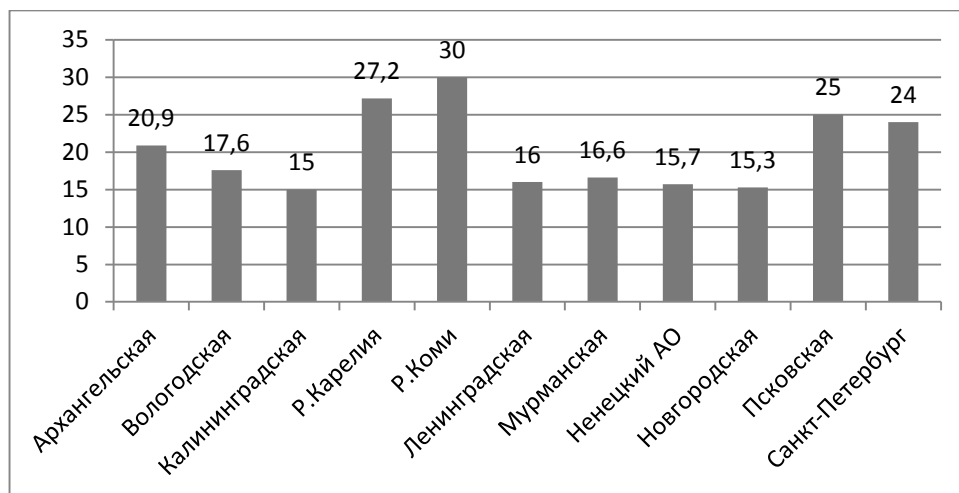

Рисунок 2. Процент женщин-депутатов в региональных парламентах СЗФО

Избирательные системы и партийная принадлежность женщин-депутатов региональных парламентов СЗФО

Экспликация взаимосвязи вида избирательной системы и электро-рального успеха женщин – принципиально важная задача исследования, т.к. избирательные системы во многом определяют совокупность используемых кандидатами ресурсов и стратегий. Сегодня в рамках полемики о гендерной чувствительности избирательных систем сформировались две противоположные позиции: по мнению части исследователей, женщинам больше шансов для избрания предоставляет мажоритарная система¹¹, другая часть считает, что пропорциональная система дает им большее преимущество¹². Анализ депутатского корпуса регионов СЗФО 2016 года показывает, что по мажоритарной систе-

¹¹ Андрееenkova А.В. Представительство женщин в парламентах России и Украины: опыт социологического анализа // Социс. 2000. № 11. С. 117–128.

¹² Овчарова О.Г. Влияние пропорциональной избирательной системы на представительство женщин в России // Избирательные процессы в современной России: теория и практика. Сб. науч. тр. Саратов: СГАП, 2008. С. 128–133.

ме было избрано 35 (37,6%) женщин, а по пропорциональной – 58 (62,4%). Таким образом, в нашем случае очевидно, что женщины чаще избираются депутатами по пропорциональной системе.

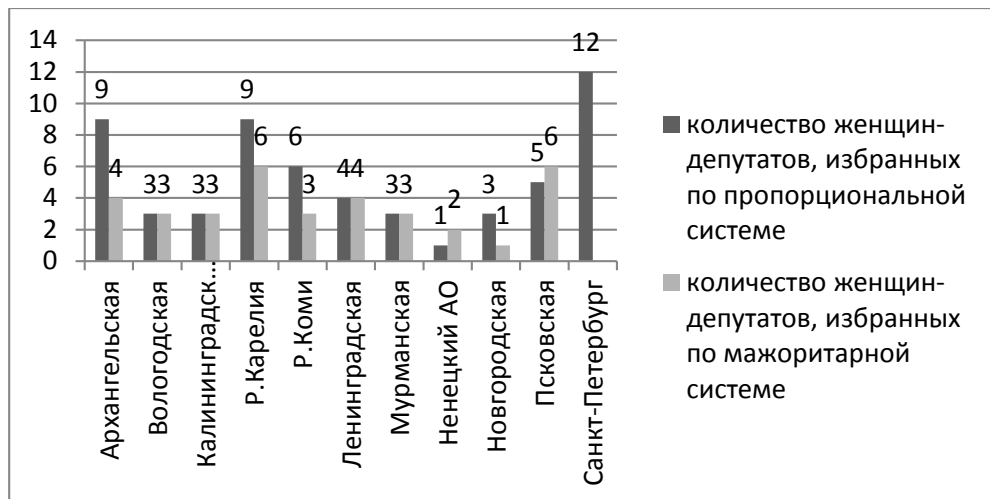
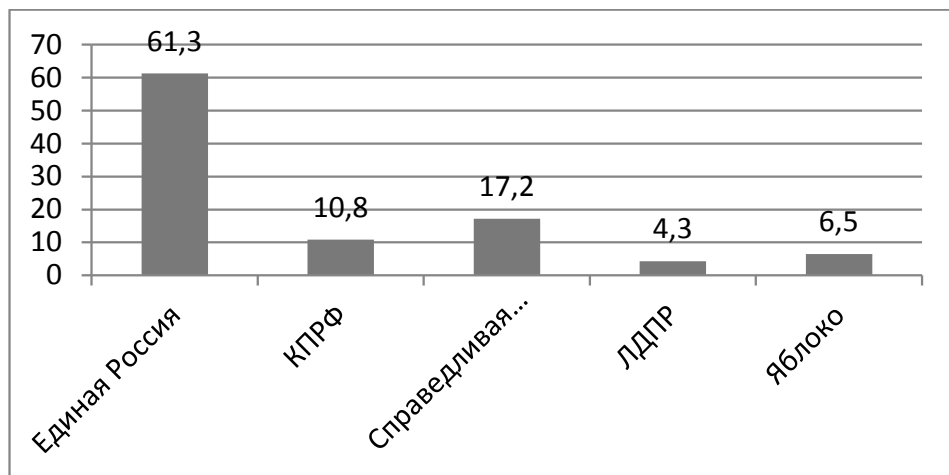

Рисунок 3. Количество женщин-депутатов, избранных по пропорциональной и мажоритарной системам

Как известно, пропорциональная система предполагает включенность кандидатов в политические партии¹³. Рассмотрим статистические данные о количестве женщин-депутатов, которые были избраны в региональные легислатуры от различных политических сил. В целом партийная принадлежность женщин-депутатов региональных парламентов СЗФО выявляется следующая: на первом месте с большим отрывом лидирует политическая партия «ЕДИНАЯ РОССИЯ», по партийным спискам которой получили депутатских мандатов 57 (61,3%) женщин; на втором месте «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ», от которой было избрано 16 (17,2%) женщин; на третьем месте «КПРФ», которая провела в региональные парламенты 10 (10,8%) женщин. «ЯБЛОКО» и «ЛДПР» имеют в депутатском корпусе соответственно 6 (6,5%) и 4 (4,3%) женщин.

¹³ Жидкова Н.Г. Формирование кандидатского корпуса Государственной Думы: гендерный аспект: дис. ... канд. полит. наук. М., 2005; Успенская В.И. Политические партии как ключевой фактор повышения роли женщин в политике // Вестник Тверского государственного университета. Серия: «Экономика и управление». 2012. № 26. С. 15–24.

Рисунок 4. Партийная принадлежность женщин-депутатов региональных парламентов СЗФО

Безусловно, полученные цифры свидетельствуют о сложившейся конфигурации партийных сил в российской политической системе, а также отражают роль женщин в партийной организации региона. Так, 30 (32,3%) женщин-депутатов региональных legislatures СЗФО являются членами политсоветов партий и их президиумов субъектов Федерации, муниципальных образований. В региональном депутатском корпусе СЗФО 8 (8,6%) женщин являются руководителями партийных фракций, 3 (3,2%) – заместителями руководителя фракции. Обратим внимание на то, что наибольшее количество избранных в legislatures субъектов Федерации женщин состоит во фракции «ЕДИНОЙ РОССИИ», но при этом они возглавляют фракции данной партии всего лишь в двух парламентах – Республики Карелии и Калининградской области. В то время как при низком уровне представительства женщин от других партий, женщины-депутаты от «СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ» возглавляют фракции в трех региональных парламентах (Вологодской области, Псковской области, Республики Коми), от «ЛДПР» – в 1 (Архангельская область), «КПРФ» – в 1 (Ленинградская область), «Яблоко» – в 1 (Республика Карелия).

Места и должности в региональных парламентах СЗФО распределены следующим образом: 3 (3,2%) женщины являются главами парламента субъекта Федерации (Калининградская область, Новгородская область, Республика Коми), 3 (3,2%) – заместителями председателя парламента (Республика Карелия, Ленинградская область, Ненецкий автономный округ), 20 (21,5%) – председателями профильных комитетов, 30 (32,3%) – заместителями председателей комитетов, остальные – членами комитетов,

в основном социального профиля (молодежной политики, образования, здравоохранения).

В текущих созывах существенно увеличилось количество женщин, стремящихся работать в региональных парламентах СЗФО на постоянной основе. Так, перед избранием в нынешний состав представительных органов субъектов Федерации СЗФО на профессиональной основе работало 12 (12,9%) женщин-депутатов, а после избрания законотворческой деятельностью на постоянной основе стали заниматься 37 (38,8%) женщин-депутатов.

Общественно-политический опыт женщин-депутатов региональных парламентов СЗФО

Разбор биографий женщин-депутатов позволяет сделать заключение, что их социально-политический опыт формировался в процессе работы в партийных, общественных организациях, а также в органах государственной власти и местного самоуправления.

Незначительное количество женщин-депутатов – 11 (11,8%) – занимали должности на государственной и муниципальной службе, такие как заместитель председателя правительства региона, министр социальной политики и труда, председатель комитета по управлению государственным имуществом и др. Государственная и муниципальная служба является одним из самых важных источников политического опыта, поскольку дает возможность войти в региональный истеблишмент и использовать в предвыборный период административный ресурс. Журналисты провластных и оппозиционных СМИ акцентируют внимание на деятельности данных женщин-депутатов¹⁴.

Политическую карьеру в представительных органах МСУ начали 49 (52,7%) женщин-депутатов. Большое значение в карьерном росте женщин имеет место помощника депутата: 15 (16,1%) женщин выполняли функции помощника до избрания. В качестве политического ресурса женщины-депутаты (27 или 29%) используют и третий сектор – некоммерческие общественные объединения, институты-медиаторы (общественные палаты, экспертные советы и др.). Женщины-депутаты являются членами таких организаций, как «Воспитатели России» (Архангельск), межрегиональное общественное движение «Коми войтыр» (Республика Коми), «Наше поколение» (Вологодская область), «ОНФ» (Вологодская область, НАО), общественного движения «Ясавэй» (НАО), «Народно-патриотический Союз России» (Новгородская область), ветеранских, религиозных, молодежных,

¹⁴ Депутат областного Собрания Людмила Кононова (большая) за 2012 год заработала почти на 4 миллиона рублей больше, чем за 2011. Как? [Электронный ресурс]. <http://arhangelsk.bezformat.ru/listnews/kononova-bolshaya-za-2012-god/11099992/>. Прием депутата: два часа о наблевшем [Электронный ресурс]. http://gatchina24.ru/gtn-pravda/Priem_deputata_dva_chasa_o_nabolevshem.html.

профсоюзных объединений. Женские организации как политический ресурс используют 9 (9,7%) женщин-депутатов. Женщины-депутаты участвуют в работе таких организаций, как: «Сегежанка» (Республика Карелия), «Юная мама» (Республика Карелия), «Женщины Ленинградской области за равные права и возможности в гражданском обществе», «Союз женщин России» (НАО), Всероссийское общественное движение «Матери России» (НАО), «Союз женщин Республики Коми», Совет солдатских матерей (Вологодская область), Вологодский областной совет женщин.

Таким образом, наиболее востребованным каналом приобретения политического опыта оказывается представительство женщин в органах местного самоуправления (МСУ) и работа в общественных организациях. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что институты МСУ и гражданского общества в СЗФО являются эффективными и работоспособными.

Важным условием формирования политического опыта женщин выступает регулярная, систематическая реализация ими пассивного избирательного права. Около трети (30 или 32,3%) женщин-депутатов уже участвовали в выборах в региональные парламенты СЗФО и были избраны: из них 21 женщина – 2 раза, 9 женщин – три и более раз. Две (2,2%) избранные в региональный парламент женщины-депутаты представляют свой субъект Федерации в Совете Федерации – Л. П. Кононова (Архангельская область) и Е. В. Бибилова (Псковская область).

Образование и место работы женщин-депутатов региональных парламентов СЗФО

Сосредоточенность женщин-депутатов на деятельности постоянных комиссий социальной направленности становится понятной при анализе профильностью их образования. В депутатском корпусе преобладают женщины с гуманитарным образованием: базовое педагогическое образование получили 37 (39,8%) женщин. На втором месте по численности стоят женщины-депутаты, имеющие диплом экономического и медицинского профиля – 11 (11,8%). Инженерное и юридическое образование получили 6 (6,5%) женщин, 5 женщин-депутатов к (5,3%) – художественное образование и образование по профилю «Государственное и муниципальное управление» (ГМУ); 2 (2,2%) женщин журналистское образование. Другие профессии (ветеринария, социологи и пр.) избрали 8 (8,6%) женщин, одна женщина-депутат (1,1) закончила Высшую партийную школу (ВППШ), а об образовании еще одной (1,1%) женщины-депутата нет информации.

В целом для женского сегмента депутатского корпуса региональных парламентов СЗФО характерен высокий образовательный ценз: только 3 (3,2%) женщин-депутатов получили среднее специальное образование. Часть женщин получила второе (20 человек или 21,5%) и третье высшее

образование (6 человек или 6,5%). Степени кандидатов и докторов наук имеют соответственно 6 (6,5%) и 4 (4,3%) женщин-депутатов.

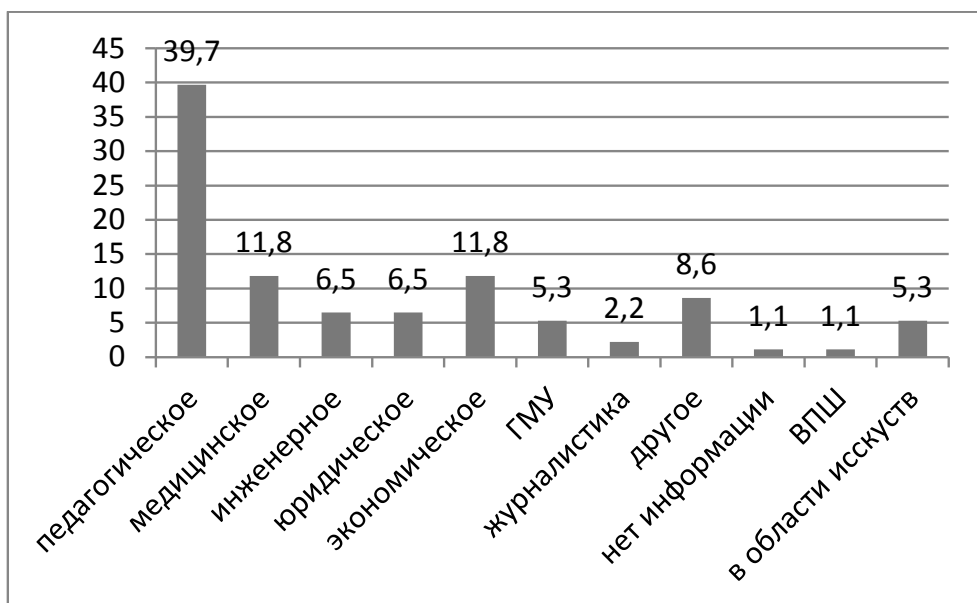

Рисунок 5. Образование женщин-депутатов региональных парламентов СЗФО

Место работы женщин-депутатов накануне избрания в целом соответствует профилю их образования. На первом месте женщины-депутаты, которые были заняты хозяйственной деятельностью – 23 (24,7%). На втором месте – женщины-педагоги, преподаватели средней и высшей школы – 21 (22,5%), 13 (14%) женщин занимали посты на государственной и муниципальной службе, 12 (12,9%) являлись депутатами на постоянной основе, 6 (6,4%) женщин посвятили свою жизнь медицине, 4 (4,3%) – некоммерческим общественным организациям (НКО). Незначительное число женщин-депутатов выбрали другие поприща (социальная работа, журналистика и пр.).

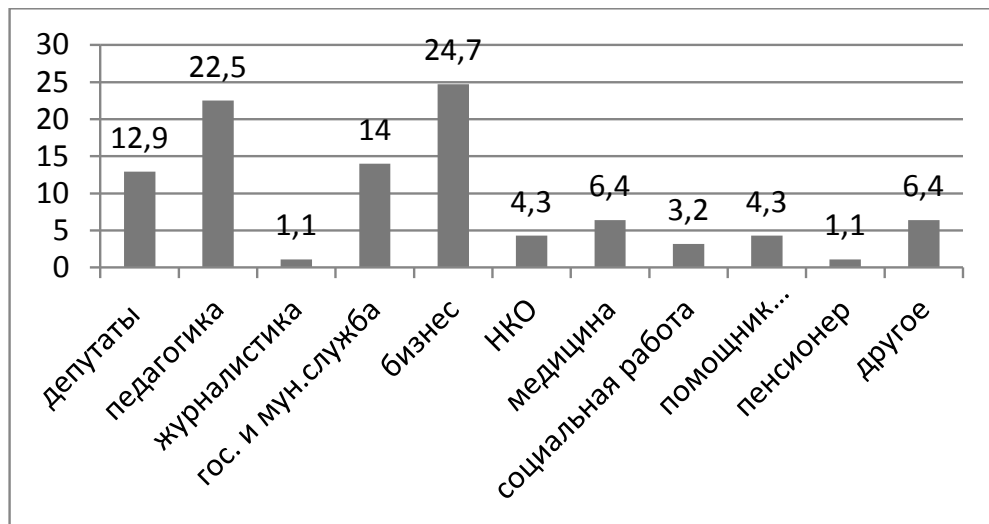

Рисунок 6. Место работы женщин-депутатов региональных парламентов СЗФО

Возраст и семейное положение женщин-депутатов региональных legislatures СЗФО

Политологи, исследующие траектории биографий женщин-политиков полагают, что женщины активно вовлекаются в политическую процесс в более позднем возрасте, чем мужчины, и объясняют данный факт тем, что женщины организуют домашнее хозяйство, быт и занимаются воспитанием детей¹⁵.

Средний возраст женщин-депутатов представительных органов субъектов Федерации СЗФО на момент избрания составил 51,8 года. По регионам средний возраст женщин-депутатов варьируется: самая «молодая» область – Псковская, в которой он составляет 44,7 года; самый «пожилой» регион – Вологодская область, в которой средний возраст депутата составляет 59,1 года.

¹⁵ Константинова В. Н. Указ.соч. С. 108.

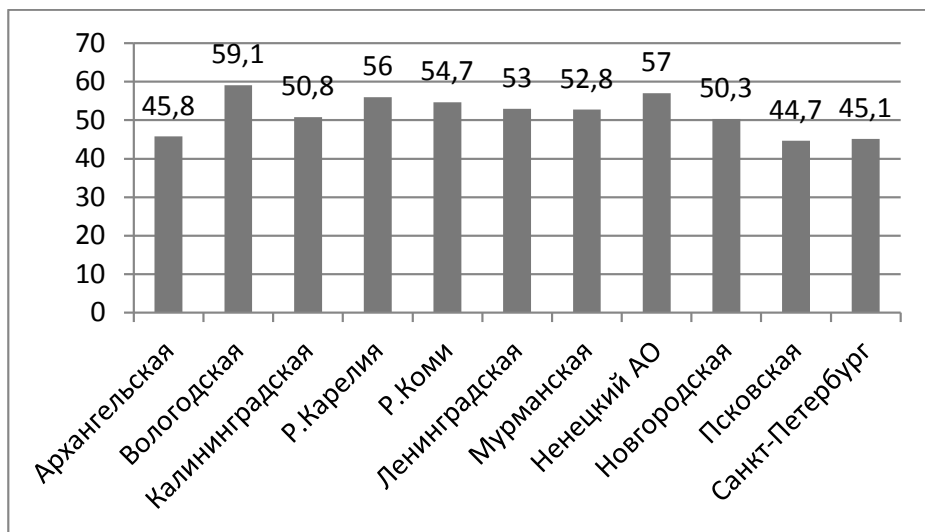

Рисунок 7. Возраст женщин-депутатов региональных парламентов СЗФО

Из 93 женщин-депутатов legislatures субъектов Федерации СЗФО: 4 (4,3%) человека находятся в возрастной категории от 20 до 29 лет; 12 (12,9%) человек – от 30 до 39 лет, 21 (22,5%) человек – от 40 до 49 лет; 43 (46,2%) человека – от 50 до 59 лет, 13 (14%) – от 60 до 69 лет.

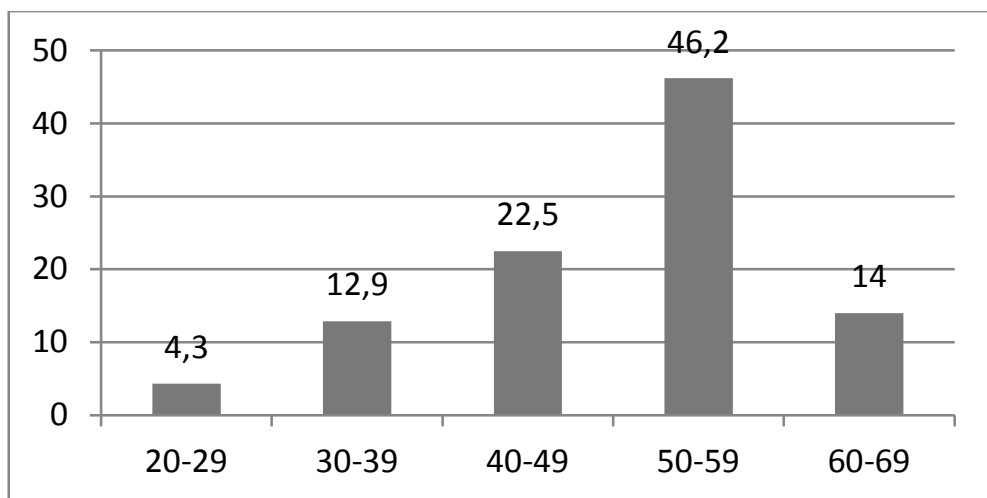

Рисунок 8. Распределение по возрастным группам женщин-депутатов региональных legislatures СЗФО

Необходимо отметить, что в парламентах регионов СЗФО процент молодых женщин-депутатов крайне незначительный. Данные женщины-депутата представляют, как правило, либо молодежные организации «ЕДИНОЙ РОССИИ» (Е. Н. Поздеева, Архангельская область), либо оппозиционные партии (А. О. Евстигнеева, Санкт-Петербург; М. А. Мышинская, «КПРФ»). В то же время в региональных парламентах СЗФО нет женщин-депутатов старше 70 лет.

Статистические данные о семейном статусе женщин-депутатов региональных парламентов, за редким исключением, отсутствует. Часть женщин-депутатов предпочитает не говорить журналистам о своей семейной жизни: 24 (30%) женщин не предоставили никакой информации о своем семейном положении. О своем замужнем статусе в открытых информационных источниках заявили 69 женщин (70%).

По представленным в интернете данным, 66 (71%) женщин-депутатов имеют детей, 27 (29%) – не известили электорат по данному вопросу. При этом 29 (31,1%) женщин-депутатов воспитывают (воспитывали) 1 ребенка, 30 (32,2%) – 2 детей, 7 (7,5%) – 3 и более детей. Таким образом, женщины-депутаты успешно сочетают законотворческую деятельность и семейные обязанности.

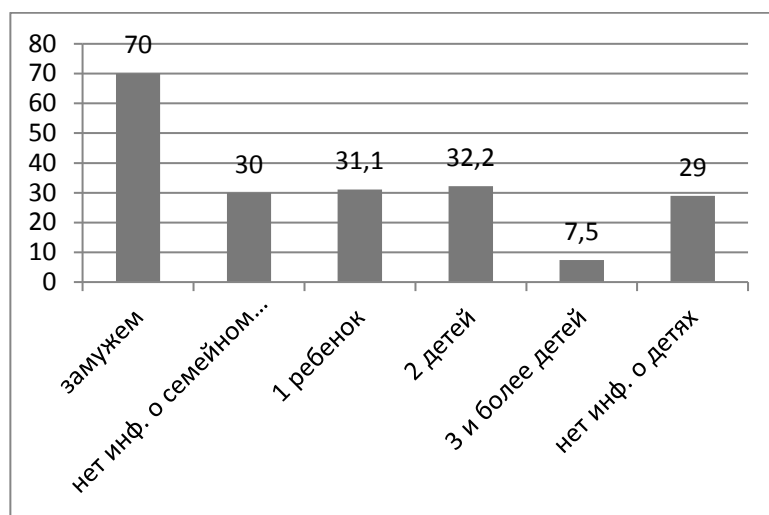

Рисунок 9. Семейный статус и количество детей у женщин-депутатов региональных парламентов СЗФО

Большинство женщин-депутатов (58 или 62,3%) родились в том регионе, в парламенте которого они избраны. Вне субъекта Федерации родились 31 (33,3%) женщин, а о месте рождения 4 (4,3%) человек нет открытой информации.

Выводы

Таким образом, спустя 100 лет после обретения российскими женщинами избирательных прав, в органах законодательной власти субъектов Федерации наблюдается гендерная асимметрия, представительство женщин по сравнению с мужчинами является незначительным. Исходя из анализа статистики, необходимо отметить, что процент женщин-депутатов в региональных парламентах СЗФО выше, чем в легислатурах других федеральных округов Российской Федерации и нижней палате Федерального Собрания. Отличительной чертой региональных парламентах СЗФО является то, что ни в одном из субъектов Федерации процент женщин-депутатов не опускается ниже 15. Важно подчеркнуть также, что численность женщин-депутатов в региональных легислатурах СЗФО варьируется незначительно – от 15 до 30 процентов.

Количество женщин-депутатов, избранных по пропорциональной избирательной системе, преобладают над теми, кто получил свой мандат от электората мажоритарного округа. Проведенное исследование показывает, что успех женщин-кандидатов от партий связан с их высоким статусом в политических объединениях.

Основным каналом формирования политического капитала женщин-депутатов является их деятельность в представительных органах МСУ и общественный активизм. Общественные организации, в работе которых принимают участие женщины-депутаты регионов СЗФО, имеют в большинстве случаев национально-патриотический и благотворительный профиль. Женщины-депутаты активно используют женские организации как ресурс. Женщины-депутаты также имеют опыт государственной и муниципальной службы, помогающий успешно решать законотворческие проблемы.

Низкий уровень представленности женщин в региональных парламентах СЗФО влияет на распределение руководящих должностей: большая часть женщин – рядовые депутаты легислатур, которые работают в комиссиях социального профиля. При этом статистические данные свидетельствуют о высоком образовательном цензе женщин-депутатов. У представительниц депутатского корпуса доминирует образование гуманитарного профиля. Среди женщин-депутатов региональных парламентах СЗФО преобладают деловые женщины и педагоги. Таким образом, высокий профессионализм женщин является одним из важных политических ресурсов для избрания в региональные легислатуры СЗФО.

По нашим исследованиям, женщины включаются в политику в зрелом возрасте. Женщины-депутаты в возрасте до 30 лет составляют в депутатском корпусе региональных парламентах незначительный процент. Средний возраст женщин-депутатов повышается, в том числе, за счет их переизбрания в региональные парламентах СЗФО. Избрание на очередной

срок женщин-депутатов свидетельствует о том, что региональная элита, партии и электорат позитивно оценивают работу женщин-депутатов. Необходимо отметить, что женщины-депутаты успешно сочетают семейные и политические роли, большинство из них состоят в браке и воспитывают детей.

В целом представительство женщин в составе региональных legislатур СЗФО может быть увеличено за счет целенаправленного продвижения женщин во власть политическими партиями. Кроме того, перспективы продвижения женщин в органы законодательной власти субъектов Федерации могут быть связаны с активизацией деятельности женщин в третьем секторе. И, наконец, увеличение доли женщин возможно за счет более сбалансированной кадровой политики в органах государственной власти и местного самоуправления.

К проблеме теоретического моделирования политики согласования интересов

Одной из магистральных проблем современной политической науки является поиск оптимальной модели распределения и перераспределения ограниченных общественных ресурсов, которая отвечала бы принципам рациональности и соответствовала доминирующим представлениям о социальной справедливости. Таким образом, в фокусе внимания исследователей оказываются политические механизмы, обеспечивающие согласование национальных, государственных, общественных, коллективно-групповых, частных и иных интересов.

Эффективное функционирование данных механизмов – залог принятия взаимосогласованных политико-управленческих решений органами власти. Каждое государство обладает уникальной институциональной инфраструктурой, посредством которой осуществляется регулирование процессов артикуляции, представительства и координации интересов, циркулирующих между социальной, экономической и политической системами общества. В связи с этим мы склонны предположить факт существования *политики согласования интересов*, направленной на упорядочение отношений между государством и группами давления. В рамках соответствующего вида политики могут быть выделены четыре функциональных блока, обеспечивающих ее реализацию:

1. *Нормативно-ценностный*. Определяет и нормативно фиксирует иерархию общественных интересов по степени их значимости и приоритетности для государства.

2. *Артикуляционный*. Регулирует деятельность институтов, обеспечивающих артикуляцию и репрезентацию общественных интересов. Регламентирует допустимые формы и средства политического участия заинтересованных групп.

3. *Коммуникационный*. Предполагает формирование каналов диалоговой коммуникации как по вертикали (между властью и обществом), так и по горизонтали (между заинтересованными группами). Обеспечивает

циркуляцию информации о частных и публичных интересах между различными элементами политической системы.

4. *Медиативный*. Включает комплекс мер, применяемых государством для урегулирования и разрешения конфликтов, возникающих в результате столкновения конкурирующих и антагонистических интересов. Устраняет наиболее острые противоречия между государственными и общественными интересами.

Относительная новизна предмета исследования обуславливает практически полное отсутствие устоявшихся научных подходов к теоретическому моделированию рассматриваемого политического феномена. Вместе с тем из обширного конгломерата научных знаний в области политического согласования интересов можно вычлениить ряд фрагментарных идей и теоретико-прикладных разработок, способствующих решению поставленной задачи. К их числу мы относим:

- широкий спектр работ, посвященных проблеме взаимодействия власти и гражданского общества;
- фундаментальные концепции плюрализма и корпоративизма;
- исследования в области институционализации и государственного регулирования лоббистской деятельности;
- труды, посвященные политико-правовым аспектам социального партнерства;
- совокупность теорий о рыночных и нерыночных принципах взаимодействия политических акторов;
- пласт работ из области политической компаративистики, отражающих базовые подходы к сравнительному анализу национальных политических систем.

В настоящей статье предпринимается попытка концептуализации универсальных моделей политики согласования интересов. Решение данной задачи, прежде всего, потребует установления критериальных параметров для осуществления теоретического моделирования. Первый критерий, на наш взгляд, должен отражать *уровень плюралистичности субъектов политического согласования интересов*. В данном контексте целесообразно обратиться к концепциям корпоративизма и политического плюрализма, которые раскрывают содержательные аспекты взаимоотношений власти и общества.

В современной политической науке доминирует сформированное А. Каусеном, А. Лейпхартом и Ф. Шмиттером представление о корпоративизме как о неконкурентной форме политической репрезентации, предполагающей монополизацию системы представительства интересов подконтрольными государству общественными институтами, которые наделяются привилегированным положением в обмен на лояльность

к действующей власти¹. Существенным недостатком подобной системы, по мнению российского исследователя О.Ф. Шаброва, является «сращивание государства с наиболее влиятельными в экономическом отношении корпорациями»².

На современном этапе корпоративизм нередко подвергается критике за его несоответствие общепринятым представлениям о демократических принципах взаимодействия власти и общества. Своеобразным антиподом корпоративизма выступает плюрализм, концептуальный контур которого был сформирован Г. Ласки, Е. Летхемом, Л. Милбрахом, Д. Силлом и другими³. Плюралистическая модель согласования интересов предполагает многообразие иерархически неупорядоченных и равноудаленных от государства артикуляторов общественных интересов, которые погружены в открытую и конкурентную политическую среду. При этом роль государства в регулировании институтов электорального и функционального представительства стремится к минимуму.

Опираясь на категории плюрализма и корпоративизма, можно выделить соответствующие модели политико-управленческого воздействия государства на институты согласования общественных интересов, то есть констатировать существование корпоративистской и плюралистической политики согласования интересов. Однако подобный подход представляется нам излишне симплифицированным. Дабы в полной мере передать степень выраженности вышеобозначенного признака, мы предлагаем выделить следующие модели политики согласования интересов:

- клиентелистскую;
- авторитарно-корпоративистскую;
- неокорпоративистскую;
- плюралистическую (рыночную).

Первая модель предполагает построение формальных и неформальных отношений господства-подчинения между властью и заинтересованными группами. Основным инструментом реализации подобной политики становится формирование устойчивых патрон-клиентских сетей, в рамках которых политические ресурсы обмениваются на экономические блага и привилегии. При этом группы интересов, не находящиеся под патронажем власти, дистанцируются от институтов политической репрезентации. Дабы удерживать своих клиентов в подчиненном состоянии, политические покровители, как правило, комбинируют моральное и материальное

¹ Cowson A. Corporatism and Political Theory. L., 1986; Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: Сравнительное исследование. М., 1997; Шмиттер Ф. Неокорпоративизм // Полис. 1997. № 2. С. 14–22.

² Шабров О.Ф. Корпоративизм в отношениях государства и бизнеса // Государство, НКО и бизнес: процесс взаимодействия / Материалы Международной научно-практической конференции. М.: МГОФ «Знание». 2007. С. 226.

³ См.: Latham E. The Group Basis of Politics: Notes for a Theory // American Political Science Review. – 1992. – № 46.; Laski H. Liberty in the modern state. – N.Y.: Harper & Brothers. – 1930.; Milbrath L.W. The Washington lobbyists. – Greenwood Press, 1976.; Sills D. Voluntary Association. – N.Y.: Free Press, 1968.

поощрение с жесткими репрессивными мерами. Межгрупповая конкуренция за право обладания ограниченными общественными ресурсами в данных условиях сводится к борьбе за лояльность патрона. Подобная модель политики согласования интересов реализуется преимущественно «султаническими» режимами, для которых свойственно преобладание патримониальных принципов взаимодействия власти и общества.

В авторитарно-корпоративистской модели политики согласования интересов государство выполняет функции архитектора институтов функционального представительства, прибегая к открытому или теневому вмешательству в их организационно-репрезентационную деятельность. Властью создаются такие условия, при которых неаффилированные с ней институты артикуляции общественных интересов выводятся за рамки политико-коммуникативных процессов и утрачивают инструменты влияния на центры принятия судьбоносных для общества решений.

В свою очередь, монопольное право на политическое представительство интересов закрепляется за ограниченным числом «избранных» организаций (корпораций), выступающих во взаимоотношениях с государством от имени широких социетальных общностей. Формально не являясь субъектами политической борьбы, подобные институции-монополисты де-факто выполняют функции «приводных ремней» правящих режимов. Практическое воплощение модели авторитарно-корпоративистской политики согласования интересов создает предпосылки для олигархизации институтов артикуляции и представительства общественных интересов.

Можно выделить два основных инструмента реализации подобной политики: оказание патерналистской поддержки лояльным корпорациям и создание непреодолимых барьеров (цензов), ограничивающих доступ к институтам политического согласования интересов «непривилегированным» субъектам.

Базовые принципы авторитарного корпоративизма радикальным образом были воплощены в фашистской Италии, где перед началом Второй мировой войны ключевыми субъектами политического согласования интересов стали подконтрольные государству рабочие и предпринимательские синдикаты. Внедрение подобной системы привело к преобразованию Парламента в «Палату фаший и корпораций», 650 членов которой назначались по волеизъявлению диктатора.

Традиции корпоративизма прочно укоренились в политической системе Итальянской Республики, где по сей день функционирует Национальный совет экономики труда, наделенный, в соответствии с Конституцией, правом законодательной инициативы⁴. Данный институт формируется на корпоративной основе (из числа представителей наи-

⁴ Constitution of the Italian Republic // URL: www.senato.it/documenti/repository/istituzione/costituzione_inglese.pdf (дата обращения: 27.10.2016).

более крупных отраслевых и профессиональных групп) и представляет собой консультативный орган при Парламенте и Правительстве страны. Совет обеспечивает гармонизацию интересов труда и капитала в процессе многостороннего взаимодействия представителей власти, экспертов, общественно-политических лидеров. Однако следует заметить, что данный экспертно-совещательный орган, как и подавляющее большинство современных институтов социального партнерства, представляет собой воплощение принципов *неокорпоративизма*.

Главной особенностью неокорпоративистской системы согласования интересов, на наш взгляд, является отсутствие авторитарного давления государства на институты гражданского общества. Вместе с тем характерное для этой модели стремление к высокой упорядоченности политико-коммуникационных процессов неизбежно ведет к тотальному доминированию крупных групп давления над менее влиятельными артикуляторами общественных интересов. Наиболее ярко подобная тенденция проявляется в социально-трудовой сфере, где право выражать интересы всех работодателей и всех наемных работников в масштабах страны закрепляется за ограниченным кругом предпринимательских объединений и профсоюзов. Неокорпоративистская политика согласования интересов реализуется при помощи формализации институтов функционального представительства, подразумевающих четкую регламентацию взаимодействия власти и групп давления, установление жесткого порядка формирования коллегиальных органов, введение определенных цензов и ограничений на осуществление репрезентационной деятельности.

Российский исследователь А. А. Дегтярев справедливо отмечает, что реализация неокорпоративистских моделей в государственной политике обеспечивает преодоление межгрупповых конфликтов и способствует выработке компромиссных решений посредством создания «экологосударственных» совещательных институтов и согласительных агентств⁵. Несмотря на то, что неокорпоративистская политика согласования интересов в целом не диссонирует с базовыми демократическими принципами, она прямо или косвенно ориентируется на ограничение многообразия субъектов, обеспечивающих артикуляцию и представительство общественных интересов.

Отличительной чертой клиентелистской, авторитарно-корпоративистской и неокорпоративистской моделей политики согласования интересов, с нашей точки зрения, является их *нерыночный характер*, который предполагает отсутствие свободного публично-политического торга между субъектами, претендующими на обладание ограниченными общественными ресурсами. В рамках вышеперечисленных моделей свобода конкуренции между заинтересованными группами целенаправленно ограничивается

⁵ Дегтярев А. А. Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений // Полис. Политические исследования. 2003. № 3. С. 152–163.

государством либо корпорациями-монополистами. Зачастую подобная политика согласования интересов приводит к возникновению неформальных картельных сговоров между бюрократическими аппаратами массовых организаций, номинально призванных отстаивать конфликтующие или даже взаимоисключающие интересы⁶.

Если в качестве подобных организаций выступают крупные объединения работодателей и массовые профессиональные союзы, то социальное партнерство трансформируется в «социальное соглашательство», наносящее ущерб интересам рядовых членов обеих групп. Итогом реализации такой политики может стать накопление неразрешенных противоречий и утрата доверия к официальным институтам согласования общественных интересов, что, в свою очередь, правомерно расценивать как угрозу для социально-политической стабильности государства.

Вышеуказанная проблема не свойственна *плюралистической* политике согласования интересов, предполагающей свободную конкуренцию субъектов не только за обладание определенными благами, но и за право доступа к центрам принятия политико-управленческих решений. Подобная политика согласования интересов способствует формированию публичной сферы, которая, согласно Ю. Хабермасу, создает все необходимые условия для открытого, рационально-критического обсуждения политических проблем⁷. При этом крупные и малые, лояльные к власти и оппозиционные, обеспеченные и экономически несостоятельные группы давления наделяются формально равным статусом в системе согласования интересов. Реализация базовых принципов политического плюрализма обеспечивает номинальную равноудаленность заинтересованных групп от институтов власти, однако не гарантирует справедливого или сбалансированного распределения общественных ресурсов. Идеализация подобной модели, характерная для англо-американской либеральной традиции и отечественной научной мысли начала 1990-х – середины 2000-х годов, представляется нам не вполне оправданной.

Обладая явными социал-дарвинистскими чертами, плюралистическая политика согласования интересов вынуждает группы давления затрачивать значительную долю своих ресурсов исключительно на борьбу за право артикулировать и представлять определенные интересы в публично-политическом пространстве. Так, например, чрезмерно острая конкуренция объединений наемных работников ведет к ослаблению профсоюзного движения в целом и, следовательно, укрепляет позиции противоположной стороны производственных отношений (капитала). Кроме того, отсутствие конструктивного упорядочивающего воздействия государства на институты

⁶ См.: Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. – Leipzig: Verlag von Dr. Werner Klinghardt, 1911.

⁷ Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge (Mass.). 1993.

согласования интересов может повлечь хаотизацию политико-коммуникационных процессов и спровоцировать возникновение горизонтальных конфликтов между конкурирующими акторами. Наконец, нельзя не отметить, что неограниченная полисубъектность заинтересованных групп ведет к снижению их договороспособности.

Еще одним критерием, который, на наш взгляд, следует учитывать при построении комплексной национальной модели политики согласования интересов, является *уровень ее институционализации*. Данный параметр свидетельствует о степени формализации политических отношений, возникающих по поводу артикуляции, представительства и координации общественных интересов. Кроме того, на основе выше-названного критерия можно делать обоснованные выводы о принципах политико-управленческого воздействия государства на институты электоральной и функциональной репрезентации. Однако для применения подобного подхода к теоретическому моделированию исследуемого феномена необходимо уточнить само понятие «политическая институционализация».

В рамках так называемой «нормативной парадигмы» институциональное оформление политических отношений отождествляется с процессом последовательно сменяющих друг друга стадий хабиитуализации («опривычивания»), типизации и нормативного закрепления определенных моделей и принципов поведения акторов⁸. При этом сторонники симплифицированного (узкого) подхода к данной проблеме предлагают понимать под институционализацией фиксацию основных принципов регулирования общественных отношений в нормах права⁹.

Американский социальный мыслитель Д. Норт существенно расширил семантические рамки рассматриваемого понятия, отождествив его с упорядочением «правил игры, ограничивающих взаимодействие людей» (под данное определение подходят как формальные, так и неформальные институты)¹⁰. Придерживаясь аналогичной точки зрения, российский исследователь А. В. Абрамов отождествляет политическую институционализацию с процессом «складывания, организационного оформления и нормативного закрепления» отношений господства-подчинения¹¹.

Заслуживает внимания и так называемая «организационная парадигма», сторонники которой под институционализацией понимают структурное оформление коллективных акторов (объединений людей). В данном контексте политическую институционализацию можно интерпретировать как

⁸ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.

⁹ Levi M. A logic of institutional change. Chicago, 1990.

¹⁰ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 18.

¹¹ Абрамов В.В. Политический институт и политическая институционализация: определение понятий // Власть. 2010. № 5. С. 55.

придание внятных организационных контуров субъектам политических отношений: государственным институтам, заинтересованным группам, партиям и т.д.

Принимая во внимание оба подхода, критериями институционального оформления политики согласования интересов, на наш взгляд, следует избрать следующие параметры:

- 1) содержание нормативной базы, регулирующей процессуальные аспекты репрезентации и координации общественных интересов;
- 2) наличие устойчивых, признаваемых обществом, правил неформального взаимодействия государства и заинтересованных групп;
- 3) качественное состояние политических институтов, обеспечивающих функциональное представительство групповых интересов.

Вышеперечисленные критерии лежат в основе большинства концептуальных подходов к типологизации национальных моделей регулирования лоббистской деятельности и социального партнерства. В контексте настоящего исследования данные подходы представляют определенный интерес, поскольку вышеуказанные институты функционального представительства являются ключевыми объектами политики согласования интересов.

Классифицируя основные политико-управленческие подходы к регулированию отношений между группами интересов и государством, современные исследователи, как правило, выделяют *англо-американскую* и *континентально-европейскую* модели упорядочения лоббистской деятельности¹². С высокой долей вероятности можно утверждать, что в Великобритании, Соединенных Штатах Америки и Канаде процесс институционального оформления лоббистских отношений достиг своего апогея. В данных государствах приняты специализированные нормативные и правовые акты, устанавливающие четкие формальные рамки для осуществления деятельности по продвижению общественных интересов в органах государственной власти.

Соответствующие законы предписывают порядок обязательной регистрации лоббистов; устанавливают жесткие требования в сфере раскрытия информации о контактах представителей заинтересованных групп с должностными лицами; очерчивают круг субъектов, которым позволено заниматься лоббистской деятельностью; определяют санкции за нарушение установленных требований.

В странах, где воплощена англо-американская модель регулирования лоббизма, существует институционально обособленная, политико-коммуникационная отрасль, в рамках которой на легальной основе функционируют профессиональные частные агенты-посредники и GR-компании. *Континентально-европейская* модель функционального представительства интересов опирается на политико-этические кодексы и устоявшиеся практики взаимодействия власти и гражданского общества.

¹² См. например, Каневский П. С. Национальные модели лоббизма // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 3. С. 121–138.

В странах Западной Европы практически весь спектр общественных интересов артикулируется соответствующими организациями: профсоюзами, деловыми объединениями, правозащитными ассоциациями и т.д. Данные субъекты получают возможность оказывать влияние на центры принятия политико-управленческих решений благодаря включению их представителей в консультативные и экспертно-совещательные советы при органах публичной власти. Кроме того, в отдельных государствах Еврозоны действует принцип добровольной регистрации уполномоченных представителей общественных объединений и бизнес-структур при законодательных органах.

Континентально-европейский подход к упорядочению лоббистской деятельности достаточно успешно применяется в Германии, Австрии, Франции, Голландии и Скандинавских странах. В свою очередь, Итальянская Республика, согласно исследованиям международной организации «Transparency International», занимает одно из последних мест в Евросоюзе по «степени открытости лоббистской деятельности» и «равенству возможностей при доступе к органам власти»¹³. Таким образом, какие бы то ни было обобщающие суждения в отношении уровня институционализации функционального представительства в Западной Европе представляются нам не вполне уместными.

Базовые принципы упорядочения лоббистских отношений рекурсивно воспроизводятся в процессе регулирования всех форм политического участия заинтересованных групп. Таким образом, можно допустить существование англо-американской и континентально-европейской моделей политики согласования интересов, которые базируются на институциональном закреплении механизмов взаимодействия власти и общества. Однако следует признать, что формализация электорального и функционального представительства интересов, характерная для ряда западноевропейских стран и некоторых североамериканских государств, полностью не исключает такие явления, как локальный клиентелизм, фаворитизм, коррупцию и т.д.

В посттоталитарных и развивающихся странах соотношение институционализированных и неинституционализированных механизмов взаимодействия власти и общества может быть весьма вариативным. При этом институциональный вакуум нередко заполняется теневыми и криминальными формами репрезентации. Для оценки качественного состояния политики согласования интересов, реализуемой в подобных государствах, необходимо учитывать направленность институциональных изменений, так как последние могут носить не только прогрессивный, но и регрессивный характер.

В целях концептуализации подходов к теоретическому моделированию исследуемого феномена, целесообразно выделить три иерархических уров-

¹³ Lobbying and democracy: representing interests in Italy // URL: www.transparency.it/wp-content/uploads/2014/11/LLL-National-Report_EN_DEF.pdf (дата обращения 27.10.2016).

ня институционального оформления политики согласования интересов: *высокий, маргинальный и минимальный (слабый)*.

Высокий уровень институционализации отмечается в странах, где публичное политическое пространство насыщено высокоорганизованными группами интересов, которые прибегают главным образом к легальным и открытым формам политического участия. При этом незыблемость установленных норм, правил и регламентов сводит к минимуму государственное вмешательство в процессы горизонтального межгруппового взаимодействия.

Маргинальный уровень институционализации политики согласования интересов присущ странам, которые идут по пути демократизации к полному или частичному упорядочению отношений между властью и заинтересованными группами. Для него характерно непостоянство институционального дизайна системы политического согласования интересов и подвижность границ между формальными, неформальными, теневыми и криминальными механизмами воздействия негосударственных субъектов на центры принятия политико-управленческих решений.

В подобных странах общественные институции зачастую не обладают достаточными авторитетом и ресурсами для того, чтобы государство «видело в них полноценного партнера»¹⁴. Таким образом, власти приходится «культивировать» институты функционального представительства интересов и стимулировать ускоренное развитие гражданского общества.

Наконец, *минимальный* уровень институционализации политики согласования интересов выражается в практически полном отсутствии отлаженных и легитимных механизмов взаимодействия государства и групп давления. В данных обстоятельствах пропорция распределения ограниченных общественных ресурсов зачастую устанавливается в рамках неформальных политических сетей, клиентел и коррупционных связей.

Оба критерия, избранных нами для оценки политики согласования интересов – степень ее институционализации и уровень плюралистичности заинтересованных групп – непосредственным образом связаны с третьим параметром – *ролью государства в регулировании согласовательных процессов*. Данный критерий отражает глубину и интенсивность политико-управленческого воздействия власти на институты, обеспечивающие артикуляцию, репрезентацию и координацию общественных интересов. В рамках подобного подхода, с нашей точки зрения, могут быть выделены три универсальные модели политики согласования интересов: *элитарная, консервативная (патерналистская) и либеральная*.

Для современного этапа развития отечественной политической науки характерно отсутствие общепринятого или доминирующего подхода к разграничению феноменов элитизма и государственного патернализма.

¹⁴ Шабров О.Ф. Корпоративизм в отношениях государства и бизнеса // Государство, НКО и бизнес: процесс взаимодействия / Материалы Международной научно-практической конференции.

Неоправданно отождествляя соответствующие понятия, некоторые авторы, в частности Р. А. Лубский, настаивают на существовании «патерналистско-этатического» типа взаимоотношений государства и общества, для которого характерно «отрицание высшей социальной ценности прав и свобод человека и гражданина в контексте разнообразных форм тотального государственного контроля»¹⁵.

Подобное смешение понятий, а также их безапелляционное наделение тоталитарными коннотациями представляется излишне субъективным и методологически необоснованным. Сущностные особенности этатизма как принципа функционирования политической, социальной и экономической систем в наиболее общем виде можно свести к реализации ряда принципов:

- 1) интервенционализм (всеобъемлющее государственное регулирование общественных отношений);
- 2) государствоцентризм (полное отождествление национальных интересов с государственными);
- 3) клиентелизм (формирование отношений зависимости между властью и группами интересов).

Воплощение вышеуказанных принципов низводит политическое согласование интересов до директивного насаждения государственной позиции во всех сферах жизнедеятельности социума. При этом создаются непреодолимые преграды на пути общественной самоорганизации, а пространство диалога между властью и группами давления сужается до кулуаров при ведомствах и парламентах.

Подобная политика, как правило, зиждется на прочном идеологическом фундаменте, который легитимирует априорное и безапелляционное доминирование интересов государства как политического института над потребностями всех социальных общностей. Следует признать, что в условиях обострения внутривластных и внешних угроз национальной безопасности этатизм может рассматриваться как фактор выживания общества. Минимизируя общественное участие в процессе распределения и перераспределения ресурсов, этатическая политика согласования интересов позволяет консолидировать конкурирующие группы вокруг государства, олицетворяемого национальным лидером. Подобный подход представляется оправданным в период военных конфликтов, техногенных и природных катастроф, глубоких социально-экономических кризисов или стремительных общественных преобразований. Однако продолжительную реализацию этатической политики согласования интересов мы оцениваем как одну из предпосылок формирования тоталитарного политического режима.

Консервативная (патерналистская) политика согласования интересов представляется чрезвычайно многогранным феноменом, сущностные харак-

¹⁵ Лубский Р. А. Этатизм как принцип взаимодействия человека и государства в России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 6. С. 157.

теристики которого варьируются в зависимости от специфики национальной политической культуры, традиций политического и государственного управления, а также сложившихся моделей взаимодействия институтов власти и гражданского общества. Вместе с тем, консервативный подход к пониманию роли государства во взаимоотношениях с группами интересов имеет более или менее внятный концептуальный контур.

Краеугольным камнем политического консерватизма является концепция его родоначальника Э. Берка, согласно которой потребность в сильном, опирающемся на религию и традиции, государстве обуславливается несовершенством и порочностью человеческой природы¹⁶. Отрицая принципы «естественного права» и популярные в XVIII веке концепции «общественного договора», британский мыслитель видел государство «проводником единой четко выраженной политической воли»¹⁷.

Аналогичные идеи служат лейтмотивом трудов немецкого философа и социолога А. Гелена, рассматривавшего административно-государственные учреждения общества и устойчивые формы их взаимодействия в качестве «внешних опор человека»¹⁸. В рамках данного подхода актуализируется конфуцианский идеал патерналистского государства, выступающего охранителем морально-нравственных устоев, порядка и стабильности.

Принципиальное отличие консервативной политики согласования интересов от этатической, с нашей точки зрения, заключается в том, что она, помимо широких полномочий, возлагает на государство морально-этическую ответственность за соблюдение принципов рациональности и справедливости в процессе распределения общественных ресурсов. При этом значительно более широкие полномочия отводятся группам давления, которые получают возможность артикулировать социально и экономически значимые потребности граждан. Наконец, консервативная парадигма не предполагает тоталитарного навязывания государственных интересов, хотя и наделяет институты власти суверенным правом на регулирующее вмешательство во все сферы общественных отношений.

Наконец, либеральная модель политики согласования интересов зиждется на доктрине индивидуальной свободы, теориях социального контракта и принципе невмешательства власти в социально-экономические процессы. Концепция «ночного сторожа», сформулированная Дж. Локком, емко определяет функционал государства, которым его наделяют представители либеральной школы¹⁹.

Американский политолог В. Эбенштайн справедливо отмечает, что в концепции Локка существуют лишь два субъекта политики: «закон (опе-

¹⁶ См.: Берк Э. Размышления о революции во Франции. М., 1993.

¹⁷ Абрамов В. Н. Гражданское общество и власть в понимании Э. Берка // Трибуна русской мысли. 2003. № 8. С. 147.

¹⁸ Gehlen A. Die Seele im technischen Zeitalter. Sozialpsychologische Probleme in der industriellen Gesellschaft. Hamburg: Rowohlt, 1987. 131 S.

¹⁹ Локк Дж. Сочинения в трех томах: Т. 3. М.: Мысль, 1988.

кун) и народ (одновременно и учредитель, и подопечный)», при этом «опека устанавливается в интересах подопечного, а не по воле опекуна»²⁰. Логическим следствием подобного подхода является сведение роли государства к обеспечению воспроизводства институциональной инфраструктуры общественных отношений и выполнению медиативных функций в случае возникновения политических конфликтов. При этом государственные интересы по своей общественной значимости уравниваются с коллективно-групповыми и частными потребностями.

Либеральная модель политики согласования интересов с высокой долей вероятности может считаться абстракцией, несмотря на ее идеализацию в ряде западных демократий. Главное отличие либеральной модели от патерналистской и этатической, на наш взгляд, заключается в том, что она не предполагает грубого, инженерно-авторитарного подхода к упорядочению общественных отношений. В рамках данной модели основными средствами регулирующего воздействия государства на институты согласования интересов становятся политико-коммуникационные технологии, зачастую применяемые в манипулятивных целях.

Подводя итоги проведенного исследования, целесообразно в емкой форме представить его основной результат – совокупность критериев, необходимых для теоретического моделирования исследуемого феномена. На основе данных критериев можно выделить следующие типы политики согласования интересов:

1. *По уровню плюралистичности заинтересованных групп и субъектов:*
  - клиентелистскую;
  - авторитарно-корпоративистскую;
  - неокорпоративистскую;
  - плюралистическую.
2. *По степени институционализации взаимодействия акторов:*
  - высоко институционализированную;
  - маргинальную;
  - слабо институционализированную.
3. *По роли и функциям государства в системе согласования общественных интересов:*
  - этатическую;
  - консервативную (патерналистскую);
  - либеральную.

Учет данных параметров позволяет алгоритмизировать процесс исследования национальных моделей политики согласования интересов и сформулировать ценные с практической точки зрения выводы применительно к политическим системам конкретных государств.

---

²⁰ Ebenstein W. Great Political Thinkers "From Plato to Present". New York: Rinehart & Co, 1951. P. 234.

Гуманизм или ересь человекопоклонничества?

В своей проповеди в Неделю Торжества Православия 20 марта 2016 года¹ Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл затронул важнейшие проблемы современности – вопросы гуманизма, обозначенные им как «глобальная ересь человекопоклонничества». Неожиданно эта проповедь вызвала бурную реакцию представителей светской общественности. Хотя, казалось бы, она должна была остаться незамеченной, т.к. на первый взгляд не затрагивала никаких противоречивых вопросов. Поскольку Бог, которого проповедует Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, является Любовью. Любимый ученик Иисуса Христа Иоанн Богослов в своём Первом послании также сообщает, что «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (I Ин. 4.16). Сам Иисус Христос многократно призывал всех верующих в Него к любви к человеку. Например, апостолам он сказал: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, *так* и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13. 34–35).

На вопрос книжника о наивысшей заповеди Божией Иисус сказал ему: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22. 37–40).

Гуманисты также признают ценность человеческой личности, ее права и свободы и призывают к любви к отдельному человеку. Статья 2 Конституции России этот гуманистический призыв превратила в один из важнейших конституционных принципов, провозгласив, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства».

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович – доктор юридических наук, заведующий кафедрой конституционного, административного и финансового права Европейского института Justo

¹ Слово Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Торжества Православия после Литургии в Храме Христа Спасителя. 21.03.2016 г. // <http://www.patriarchia.ru/db/text/4410951.html>/патриарх.

Поскольку гуманизм представляет собой основное направление политики современных светских государств, а права человека являются основным объектом регулирования светского (секулярного) права, то затронутые Патриархом вопросы имеют не только богословские, но также нравственные и юридические аспекты. А поэтому имеют прямое отношение к жизни каждого человека, независимо от избранного человеком вероисповедания или принадлежности к атеистическому состоянию. Поэтому хотелось бы несколько слов сказать именно об этих аспектах.

При более пристальном взгляде на проблему прав человека и любви к человеку, как ее понимают гуманисты, и как ее предлагает понимать Церковь, проблема существует. И существенная. Особенно, если брать человека не как изолированного индивида, а в системе: человек – общество – государство. Или: человек – Церковь – государство.

Если взять, например, проблему человека, его прав и свобод, отношения к нему в системе координат: человек – общество – государство, то, думается, её правильнее решать через призму соотношения части и целого. Поскольку человек является составной частью и общества, и государства. Человек, сказано в статье 2 Конституции, является ценностью. Но в системе координат «человек – общество – государство» он выступает ценностью, являющейся частью целого. Поэтому и надо соотнести указанные понятия между собой.

Прежде всего следует отметить, что сами составители Конституции Российской Федерации предусмотрели правильный выход из этой ситуации. Положения, зафиксированные в части 3 статьи 55 Конституции, устанавливают, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Из чего следует, что человек, его права и свободы выступают несомненной ценностью. Иначе не было бы смысла в части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации. Но ценностью, рядом с которой находятся другие, более высокие ценности, точно зафиксированные в самой Конституции, в пользу которых (и только их!) можно в известной мере, установленной федеральным законом, поступиться правами отдельного индивида.

Подобный подход сочетания индивидуального и коллективного имеет древние корни. Например, выдающийся русский государствовед и философ Н. М. Коркунов отмечал, что этические учения древних не имели индивидуалистической окраски. Индивиду в этих учениях не было места. Напротив, начало нравственного подчинения во всем объективному по-

рядку приводило последовательно и к подчинению индивида обществу, образующему часть этого порядка².

Указанные положения статьи 2 Конституции не получили однозначной оценки в юридической науке. И практика их применения также во многом противоречива. Например, часть авторов справедливо отмечают, что положения статьи 2 настолько «выбиваются» из контекста всего содержания Основного Закона, что их необходимо трактовать и применять в контексте с другими ее положениями (ст. 15, 17, 18, 55) и с учетом консолидации интересов различных социальных слоев, групп, индивидов, всего общества³.

Другие же авторы, наоборот, опираясь на индивидуалистический опыт западного общества и секулярного права, считают справедливым, что права и свободы отдельного человека (индивидуализм) должны превалировать над общественными интересами и тем более – над государством⁴.

Подобный подход выглядит несколько непривычным и в какой-то степени инородным для российской действительности. Поскольку в России веками нарабатывалась взаимосвязь между нравственностью и правом. В отличие от Запада, в России, как отмечает Б.С. Эбзеев: «XIX век был отмечен неприятием индивидуализма и свободы, сводившейся лишь к гарантии от вмешательства государства в определенные сферы жизни. Вместе с крушением философско-правовой системы индивидуализма, на разложение была обречена и оправдывавшая ее естественно-правовая доктрина, утратившая былой авторитет; индивидуализм, политико-юридической рефлексией которого выступали прирожденные права человека, господствовавший в XVIII столетии и служивший обоснованию всей общественной и государственной жизни, уступил свое место коллективизму, доминировавшему первые три четверти XIX века»⁵.

И только революционные события 1917 года с их насильственным, почти вековым насаждением атеизма смогли нарушить национальные традиции. Если абстрагироваться от религии и богословия и попытаться хотя бы мысленно согласиться со второй группой авторов, настаивающих на необходимости индивидуалистического гуманизма, то получается, что наше общество не сдало главный экзамен – на нравственную зрелость. Потому что не усвоило главного урока собственной истории. Посколь-

² См.: Коркунов Н.М. История философии права. Пособие к лекциям. Изд.5-е. – СПб., 1908. С. 6.

³ См.: Фролова Е.А. Теория естественного права единство // Государство и право. 2015. № 4. С. 53; Эбзеев Б.С. Современный конституционализм как синтетическое единство // Государство и право. 2015. № 12. С. 5–15; он же. Народ, народный суверенитет и представительство: доктринальные основы и конституционная практика единство // Государство и право. 2016. № 4. С. 32–44.

⁴ См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации (под общ. ред. Карповича В.Д.). – М.: «Юрайт-М», «Новая Правовая культура», 2002. Ст. 2. Справочная правовая система «ГАРАНТ»; Луковская Д.И. Понятие прав человека: многообразие подходов. Проблема универсальности прав человека // История государства и права. 2007. № 12. С. 12.

⁵ Эбзеев Б.С. Современный конституционализм, как синтетическое единство // Государство и право. 2015. № 12. С. 7.

ку, если «наложить» обозначенные в выступлении Патриарха свойства гуманизма на историческую канву России, то получится, что в 1917 году молодая, активная, но не имеющая достаточного жизненного опыта и не совсем образованная часть общества, движимая эгоистическими устремлениями, также сказала своим родителям, всему обществу, государству, сонмам и сонмам своих предков и предшественников: «Не учите нас жизни! Мы лучше знаем, как правильно!». И до сих пор учимся «правильному»... О том, что указанная «глобальная ересь» не изжита до сих пор и имеет не только религиозно-богословский аспект, свидетельствует российское законодательство. И, прежде всего, Конституция Российской Федерации. К примеру, положения ее статей 2, 28 (о которой речь пойдет ниже) и некоторых других.

Таким образом, самое важное, сущностное, глубинное противоречие между гуманизмом и Церковью в системе координат «человек – общество – государство – государство» состоит в том, что гуманисты в качестве социальной структуры предлагают перевернутую пирамиду, во главе которой стоит индивид. Как образно сказал Святейший Патриарх, «в Новое время возникло убеждение, что главным фактором, определяющим жизнь человека, а значит, и общества, является сам человек. Несомненно, это ересь, и не менее опасная, чем арианство. До того считалось, что Бог управляет миром через законы, которые Он создал, и обществом человеческим – на основе нравственного закона, который Он открыл в слове Своем и отобразил в человеческой совести. Поэтому законы человеческие старались привести в соответствие с Божиим законом; Бог и совесть были главным судьей, а главным авторитетом для человеческого суда был Божий закон. Но наступило время, когда эту непреложную истину поставили под сомнение и сказали: «Нет, Бог тут ни при чем. Каждый имеет право верить, но это его личное дело, ведь есть и неверующие. Всякий индивидуум обладает особыми правами, в том числе определять для самого себя, что хорошо, а что плохо. Значит, должен быть некий универсальный критерий истины, а таковым может быть только человек и его права, и жизнь общества должна формироваться на основе непререкаемого авторитета человеческой личности»⁶.

Церковь же, движимая процитированными выше словами Спасителя (Мф. 22. 37–40) предлагает любить человека только в Боге и с Богом. Именно поэтому ни Патриарх, ни любой другой верующий человек не могут иметь других предложений на сей счёт, поскольку это единственный верный вариант решения проблемы, позволяющий любовью пронизать все общество, каждого его члена и гармонично консолидировать их в единое целое, в котором найдется место и самой Церкви, и множеству других общественных организаций.

⁶ Слово Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Торжества Православия после Литургии в Храме Христа Спасителя. 21.03.2016 г. // <http://www.patriarchia.ru/db/text/4410951.html>/патриарх.

Имея указанную структуру, основанную на иерархических принципах любви Бога к человеку и человека к Богу и другим людям, независимо от их вероисповедания, расы, пола и т.д. – просто потому, что они люди – наша Церковь, невзирая на все невзгоды, лихолетья и многочисленные преследования, уже более тысячелетия остается практически неизменной. Гуманизм же за гораздо более короткий период времени многократно изменялся и каждый раз с определенной степенью насилия. То были грубые материалисты, то были строители эфемерного коммунистического будущего, то мы уже строим общество потребления и др.

Подобная же проблема существует и в отношениях «человек – Церковь – государство». В ней можно выделить три магистральных направления, в которых по-разному сочетаются отношения человека с Церковью и государством. Первое – теократическое. При котором человек, Церковь и государство строят свои взаимодействия на Законах Божиих, и Церковь оказывает значительное консолидирующее влияние на человека, общество и государство. В чистом виде его у нас не существовало, а то, что было в начале – середине XVII века, давно забыто. Более памятливы другие два направления.

Первое из них установилось с конца 1917 года, расколовшее общество на два непримиримых лагеря, в которых воинствующее атеистическое государство и сочувствующие ему миллионы граждан начали борьбу на самоуничтожение, преследуя Церковь, ее членов и сочувствующих ей граждан. И только страшная катастрофа Великой Отечественной войны несколько «приглушила» этот процесс.

Третье направление формально началось с принятием действующей Конституции Российской Федерации, которое характеризуется демократическим светским гуманизмом. Но куда деть многомиллионный государственный аппарат, воспитанный на коммунистических идеях и имеющий непосредственный доступ к законотворчеству, огромным материальным, финансовым и другим ресурсам и оказывающий влияние на Церковь и общество?

В частности, влияние последних двух направлений отражается на положениях статьи 28 Конституции Российской Федерации, провозгласивших, что каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию, или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Реальная ситуация с указанными положениями Конституции гораздо сложнее. Во-первых, потому что в Конституции Российской Федерации в отношении права на свободу совести, свободу вероисповедания и атеизма отсутствуют «компенсирующие» положения наподобие части 3 статьи 55 в отношении содержания статьи 2 Конституции. Если в отношении

прав отдельного человека часть 3 статьи 55 Конституции устанавливает, что они могут быть ограничены только федеральным законом и в целях защиты более высоких ценностей (например, основ конституционного строя, нравственности, прав и законных интересов других людей), то в отношении распространения атеизма никаких формальных преград не существует. Поскольку с октября 1917 года в государственном аппарате поколениями работали только члены атеистической компартии, то и положения статьи 28 Конституции еще долго будут иметь только формальный характер, прикрывающий формальным равенством доминирование атеизма.

Во-вторых, получается, что составители Конституции Российской Федерации в отношении некоторых её статей больше «заботились» о точности формулировок производных положений, чем о формулировках, содержащих государствообразующие, обществоформирующие, нациеобразующие положения. Например, содержание упоминавшихся статей 2 и 28 Конституции имеют, на наш взгляд, именно такой основополагающий (системообразующий) характер. Положения же, например, статей 38, 40, 41, 43 и других имеют производный характер. И получается, что в соответствии со статьей 28 по такому важнейшему вопросу, как вероисповедание, **каждому** (выделено мной. – А.О.) гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой.

То есть, например, каждый несовершеннолетний (еще «лучше», когда группа несовершеннолетних, поскольку по Конституции Российской Федерации он имеет право исповедовать «совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой»), если буквально следовать положениям Конституции, может однажды по обозначенному вопросу сказать своим родителям приблизительно то же, что наши предки в 1917 году сказали своим родителям и прародителям (по существу, всему обществу)... Получается, что специально или неумышленно, но мы заложили перманентный 1917-й год в нашу последующую жизнь.

В то же время, например, грубо говоря, по вопросам приобретения умения читать, писать и считать мы ребенку уже «не доверяем», установив конституционную норму, в соответствии с которой «родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования» (ч. 4 ст. 43). Сказанное в полной мере касается вопросов воспитания: «Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей» (ч. 2 ст. 38). И какое мы собираемся дать воспитание и образование, если по такому коренному – мировоззренческому – вопросу отношения к религии мы «заложили мину замедленного действия»?

Наши предки, наоборот, в течение веков старались, прежде чем дать образование, заложить духовные основы. Да и читать-писать они учили по книгам Священного Писания.

Прежде рассмотрения смысла и опасности гуманизма, а также глубинных корней его противоречий с религией, с точки зрения права и нравственности необходимо предварительно решить еще один вопрос: что такое гуманизм. Современная литература дает различные определения указанного понятия.

Наиболее распространенные из них сводятся к следующему: **гуманизм** (*humanus* – «человеческий», «человечный») – признание ценности человека как личности, его права на свободное развитие и проявление своих способностей, утверждение блага человека как критерия оценки общественных отношений. В более узком смысле – светское вольномыслие эпохи Возрождения, противостоявшее схоластике и духовному господству церкви⁷.

Философский энциклопедический словарь отмечает, что гуманизм – это система мировоззрения, основу которого составляет защита достоинства и самоценности личности, ее свободы и права на счастье. В противовес церковному требованию посвятить земную жизнь искуплению своих грехов, гуманисты провозгласили человека венцом мироздания, утверждали его право на земное счастье, на «естественное» стремление к наслаждению и способность к нравственному самосовершенствованию⁸.

Можно приводить и другие определения указанного понятия, большинство из которых сводятся к тому, что гуманисты ставят человека в центр мироздания и при этом, естественно, противопоставляют гуманизм религии.

Другими словами, идеи гуманизма пронизаны стремлениями индивидуализма, гордыни и «самовосхваления» человеком самого себя. Как это ни странно, но многие положения Конституции Российской Федерации в той или иной степени также восприняли указанный «передовой опыт» Запада. «Обязанность соблюдать права человека налагает на вас некий авторитет; если это не Бог, то это некие люди; если, отвергая Бога, мы сохраняем понятие об абсолютности прав человека, мы наделяем эту группу людей абсолютной, богоподобной властью нас обязывать». Это справедливое суждение выглядит как развитие мысли Николая Бердяева, который в «Экзистенциальной диалектике божественного и человеческого» настаивал на том, что «ложь гуманизма» заключается в догмате о самодостаточности человека, что ведет к идолопоклонству⁹.

Исходя из этого, некоторые авторы считают гуманизм квазирелигией¹⁰. Хотя, с учетом того, что творение в указанной «квазирелигии»

⁷ Советский энциклопедический словарь / Главный редактор А. М. Прохоров. 3-е изд. М., 1985. С. 349.

⁸ Философия: энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004.

⁹ Щипков А. В. Гуманизм как квазирелигия // <http://www.patriarchia.ru/db/text/4410951.html/>

¹⁰ См., например: там же; Мальцев Г. В. Нравственные основания права. М.: СГУ, 2008. С. 407.

заменяет собой Творца, правильнее было бы назвать это антирелигией, богоборчеством.

Подобно тому, как все призывы позитивистского и неопозитивистского науковедения положить конец идеологии, этой «порочной форме сознания», сами в конечном счете принимают форму негативной идеологии (представления о конце идеологии – это тоже идеология), призывы к абсолютной секуляризации общественных отношений, безрелигиозному обществу не могут не выступать в виде некоего подобия все той же религии, но только негативной религии, соответствующей условиям современного духовного кризиса цивилизации.

Поэтому, указав на основные свойства гуманизма, Патриарх Кирилл отметил, что сегодня о нем необходимо говорить как «о глобальной ереси человекопоклонничества – нового вида идолопоклонства, исторгающего Бога из человеческой жизни. Ничего подобного в глобальном масштабе никогда не было», «ересь всегда ставит себя выше Церкви. Еретик считает, что только он знает правильный путь, а все остальные заблуждаются». ... Ведь ересь – это заблуждение, которое касается не частных аспектов, но атакует саму сущность церковной жизни, более того, веру в Бога»¹¹.

Другими словами, извращение в духовной жизни наложило свой отпечаток на материальное существование человечества, на существенное изменение социальных структур и место в них человека. Произошло также изменение социального регулирования, т.е. права и нравственности. Отсюда берет начало вторая проблема гуманизма – секуляризация права.

Секуляризация права привела к тому, что в настоящее время человек Запада, где она за столетия утвердилась достаточно стабильно, «находится в гуще беспрецедентного кризиса правовых ценностей и правовой мысли. Ставится под вопрос вся наша традиция права – и не только так называемые либеральные идеи последних двух столетий; поколебалось само здание западной законности, постройка которого началась еще в XI–XII столетиях»¹².

О древности указанной проблемы на Западе свидетельствует другой крупнейший зарубежный специалист в области сравнительного права Р. Давид. Он пришел к выводу, что на Западе в XIII веке уже перестали смешивать религию и мораль с гражданским порядком и правом; за правом вновь были признаны его собственная роль и автономия, которые отныне стали характерными для западных образа мысли и цивилизации¹³.

¹¹ Слово Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Торжества Православия после Литургии в Храме Христа Спасителя. 21.03.2016 г. // <http://www.patriarchia.ru/db/text/4410951.html>/патриарх.

¹² Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. – М.: ИНФРА-М-Норма, 1998. С. 13.

¹³ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. – М.: Междунар. отношения, 1996. С. 33. См. также: Берман Г. Вера и закон: примирение права и религии. – М., 1999. С. 26, 28; Буткевич О. В. Міжнародне право середніх віків. Монографія. – К.: Видавництво гуманітарної

Другими словами, секуляризация привела к отделению права от морали и религии.

Между тем мораль, выступая, главным образом, в качестве «внутреннего» социального регулятора, основанного на определенных представлениях о справедливом и несправедливом, о гуманном и бесчеловечном, о добре и зле, позволяет постепенно вырабатывать в человеке внутреннее стремление к этому возможному идеалу, совершенному поведению.

Известно, что под моралью понимают форму общественного сознания, предполагающую высокие идеалы и строгие нормы, регулирующие поведение человека во всех сферах общественной жизни на основе представлений о добре и зле, справедливом и несправедливом и т.п. С позиций религии, мораль дарована человеку свыше; ее основные понятия и нормы даны человеку Богом, изложены в священных книгах для регулирования правильного поведения людей. Например, в Ветхом Завете сформулированы десять заповедей; в Новом Завете – Нагорная проповедь Иисуса Христа – обращение к народу с нравственными поучениями. В исламе пророк Мухаммед получил нравственные наставления от Аллаха через ангела Джебраила и передал их верующим.

Таким образом, мораль для людей является сводом вечных и неизменных заповедей (императивов), которые не могут возникнуть без религии и вне ее. Представители светской науки многократно пытались «научно» доказать, что нравственные отношения имеют собственный источник возникновения, но при этом или впадали в противоречия или, как создатели морального кодекса строителей коммунизма, заимствовали его положения из десяти ветхозаветных заповедей.

Как отмечают многие ученые, именно мораль позволяет обеспечить гармоничное развитие как отдельного индивида, так и государства, и общества. «Не противостояние различных слоев общества и их противоборство за политическое господство, а социальная солидарность – в этом заключается универсальная объективная составляющая демократической конституции и основное содержание ее сущностной характеристики. Отсюда – признание социальной природы человека и возложение на нее определенных тягот во имя общего блага»¹⁴.

Как считает богословская наука, важнейшей особенностью религиозной морали является то, что она ориентирует человека на две группы ценностей: «земные» и «небесные». Первая из них способствует образованию и развитию идеалов любви и уважения людей друг к другу в повседневной

литературы, 2008. С. 10; Ильин И.А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 4.– М., 1994. С. 78.

¹⁴ Эбзеев Б.С. Современный конституционализм, как синтетическое единство // Государство и право. 2015. № 12. С. 9. См. также: Хессе К. Основы конституционного права ФРГ / Пер. с нем.– М., 1981. С. 112, 113; Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия.– СПб, 1897. С. 18; Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 165, 166.

действительности, а вторая – служит образцом для первой и воспитывает в человеке стремление к «небесной» жизни.

Например, десять ветхозаветных заповедей (Декалог), переданных Моисею на горе Синай, состоят из двух частей. Первые четыре заповеди регулируют отношения человека с Богом: (1) Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов перед лицом Моим; (2) не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху и что на земле внизу, и что в водах ниже земли, не поклоняйся им и не служи им; (3) не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно; ибо не оставит Господь [Бог твой] без наказания того, кто употребляет имя Его напрасно; (4) помни день субботний, чтобы свято хранить его, как заповедал тебе Господь, Бог твой; шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему (Втор. 5. 6–14).

Только после этого излагаются остальные шесть заповедей, регулирующих отношения между людьми. Важно отметить, что они также излагаются в определенном иерархическом порядке: вначале изложены моральные императивы, а затем – важнейшие постулаты права. Внутри указанных двух групп императивов также есть жесткая и строгая иерархия.

Рассмотрим моральные заповеди. «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои, и чтобы хорошо тебе было на той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе. Не прелюбодействуй. Не желай жены ближнего твоего и не желай дома ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабы его, ни вола его, ни осла его, [ни всякого скота его,] ни всего, что есть у ближнего твоего (Втор. 5. 16, 18, 21)». Причем, во всех монотеистических религиозных системах нормативные отношения между людьми и Богом являются основополагающими.

Таким образом, религиозная мораль создает, сохраняет и систематизирует основные нравственные, культурные, национально-бытовые и другие традиции. Освящая целый ряд норм, ценностей и постулатов, религия придает им статус святости и абсолютности в виде единого систематизированного и годного на все времена свода правил.

Завершается Декалог правовыми императивами: не убий, не укради, не лжесвидетельствуй. То есть запретом совершать определенные действия, которые способны причинить вред другому человеку.

Современное право, которое в подавляющем большинстве государств приобрело светский характер, характеризуется тем, что оно потеряло связь не только с религией, но и с моралью. В этой катастрофической секуляризации (отделении) право не только теряет свою целостность социального регулятора, но и качества адекватного регулятора общественных отношений.

Значение морали и религии (и их превосходство над секуляризованным правом) выражается в том, что, во-первых, выступая в качестве «внутреннего» социального регулятора, мораль вначале позволяет выработать внутреннюю модель (отношение) к определенному поведению, а затем и пресекать (на уровне мыслительного процесса) «некачественное» поведение еще до совершения поступка (то, что в уголовном и административном праве принято называть субъективной стороной преступления, правонарушения). От мысли, которая не отвечает нравственным критериям (справедливости, добра и т.п.), всегда легче отказаться, чем от подготовленного действия.

Во-вторых, позволяет оценивать «качество» юридических прав и обязанностей. Поскольку в качестве критериев социального регулирования норм морали используются представления о справедливости, добре, сострадании и т.п. В качестве критериев воздействия права на поведение человека заложены права и обязанности, которые не в состоянии дать оценку качества их воздействия на поведение людей.

В-третьих, регулирование и контроль социальных отношений религиозными и нравственными нормами более эффективно, поскольку осуществляются самим обществом (семьей, общественными организациями, профсоюзами, политическими партиями, друзьями и просто близкими людьми) на основе внутренней потребности, внутреннего побудительного импульса, а не внешним юридическим принуждением, формально осуществляемым государственными чиновниками разного уровня и профиля.

Не случайно Г. Гегель в «Философии права» более 200 лет тому назад писал, что «христианская религия есть религия свободы»¹⁵. Кроме того, привлечение общественных организаций к указанной сфере переведет институты гражданского общества из существования «на бумаге» в реальную плоскость.

Сохранению веры, национальных традиций в отечественном праве и преимущества в этих вопросах способствовало бы введение в учебную программу юридических вузов дисциплины «Церковное право». Преподаваемое в настоящее время в юридических вузах так называемое секулярное (светское) право ни в какой мере не может решить эту проблему, поскольку оно существует как регулятор индивидуальных интересов. В то же время подлинное право, разновидностью которого является церковное право, по существу своему имеет метафизическое начало¹⁶.

¹⁵ Гегель Г.В.Ф. Философия права. Пер. с нем. М.: Мысль, 1990. С. 306.

¹⁶ См.: Осавелюк А.М. О соотношении церковного и светского права // IX Румянцевские чтения. Государство, Церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы: материалы научной конференции, посвященной 50-летию со дня преставления Архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), святителя Симферопольского и Крымского / Материалы междунар. научной конференции / Под ред. А.М. Осавелюка. М.: Издат. РГТЭУ, 2011. С. 120–137; он же. О некоторых проблемах канона в церковном праве // Государство и право. 2015. № 4. С. 28–34.

Известный отечественный ученый Б. Н. Чичерин еще в XIX веке отмечал, что с отрицанием метафизики пришлось и сущность права подвергнуть изгнанию. Вместо свободы основным началом признается *интерес*. Метафизическая идея заменяется практической пользой. Однако это изгнание метафизической идеи и замена ее началом практическим имели весьма печальные последствия. Все юридические понятия перепутались, что в приложении ведет к беспрерывным недоразумениям. Если юристы-практики не сбились окончательно с толку, то это происходит единственно потому, что они исполняют закон, как он есть, т.е. как определение прав и обязанностей, а не так, как это требуется теорией, заменяющей право интересом¹⁷.

Характеризуя связь нравственности с религией, Б. Н. Чичерин отмечал, что на этот вопрос нельзя ответить иначе, как утвердительно. Если нравственность не существует независимо от религии, то она должна быть предметом особенного откровения»¹⁸.

Оценивая опыт секуляризации в Европе, некоторые западные авторы отмечают, что она в целом не решила радикальных задач, которые ставили в свое время самые решительные атеисты – искоренить религию, сделать общество свободным от религии. Более того, она не умалила значения христианства, не снизила пафоса христианской веры¹⁹.

Такую же особенность отмечают и многие другие иностранные и российские ученые: «По мере исторического развития этих стран право и религия как социальные регуляторы все более обособляются друг от друга». При этом исследователи подчеркивают, что «разрушение религиозных основ, где бы оно ни происходило, никогда не приносило пользы праву и правовому порядку, так как в конечном счете право и религия призваны закреплять и утверждать нравственные ценности»²⁰.

В результате такой удаленности права от религии и морали «неминуемо поведет к его несправедливости»²¹. Подобная оторванность и несправедливость выражаются в том, что секулярное законодательство государств устанавливает правила поведения, которые грубо попирают не только религиозные и моральные устои, но и по своей сути являются бесчеловечными.

То есть с точки зрения формального секулярного права (в основе которого, повторимся, лежат юридические права и обязанности субъектов),

¹⁷ См. подробнее: Чичерин Б.Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. С. 80–81.

¹⁸ Чичерин Б.Н. Философия права. С. 136.

¹⁹ См.: Christentum und modernes Recht. Beiträge zum Problem der Säkularisierung. Hrsg. von G. Dilcher und I. Staff. Frankfurt am Main, 1984. S. 5–6; Берман Г. Вера и закон: примирение права и религии. М., 1999. С. 26, 28.

²⁰ Проблемы общей теории права и государства. Учебник для вузов под общей ред. акад. РАН В. С. Нерсесянца. М.: Норма, 2002. С. 216; Буткевич О.В. Международное право средних веков (на укр. языке). – Киев: Изд-во гуманит. лит-ры, 2008. С. 315–319; Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М.: ИНФРА-М-Норма, 1998.

²¹ Ильин И.А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 78.

определенное действие (законодательное разрешение эвтаназии, сделки преступника с правосудием, заключение однополых браков, свободного разрешения аборт и т.д.) считается правомерным.

Но при сопоставлении с нормами морали на поверхность проступает не что иное, как узаконения преступлений. Поскольку нравственность зиждется не на юридических правах и обязанностях (критерии права), а на принципиально иных критериях: представления о любви, добре, справедливости и т.п.

По нашему мнению, именно восстановление триединства норм религии, морали и права, при опоре на указанное триединство в процессе преподавания юриспруденции и правового регулирования отечественным правом способно не только дать наиболее полное представление обучающимся о праве, его возможностях и месте в системе социальных регуляторов, но и обеспечить в последующем системный подход к регулированию социальных отношений²², прав и свобод человека в первую очередь. Более того, и само право, как система юридических правил поведения, в этом триединстве может максимально реализовать себя в качестве социального регулятора.

На самом деле «безрелигиозное общество» и «безрелигиозный человек» – понятия химерические, они пусты и бессодержательны подобно всякому простому отрицанию. За ними стоят иллюзия свободного выбора убеждений, суррогатная духовность, производимая и распространяемая современным миром на высоком информационном уровне²³.

С учетом того, что гуманизм – это квазирелигия, антирелигия и т.п., то положения статьи 28 Конституции Российской Федерации следовало бы сформулировать иначе. Негоже смешивать грешное и праведное и ставить их на одну ступеньку. Тем более, что уголовное, административное и другое отраслевое законодательство различают правомерное и неправомерное (преступное) и четко отделяют их друг от друга. Например, посвящает им разные статьи в нормативных правовых актах и тем самым не ставит их на одну ступеньку.

Имеется в виду, что содержание указанной статьи Конституции следовало бы разделить на две части или еще лучше – на две отдельные статьи. В одной из них поместить право на свободу вероисповедования, а в другой – права атеистов, гуманистов и т.п.

Кроме того, с учетом вышеизложенного, право на свободу вероисповедования надо бы также изложить с учетом семейных и общественных ценностей, которые способствуют гармонизации социальных отношений, а не

²² См. подробнее: Осавелюк А. М. Государство и церковь. Монография. М.: Изд-во РГТЭУ, 2010.

²³ Мальцев Г. В. Указ. соч. С. 407. См. также: Проблемы общей теории права и государства. Учебник для вузов под общей ред. акад. РАН В. С. Нерсесянца. С. 212–216; Папаян Р. А. Христианские корни современного права. М.: Норма, 2002; Селюков Ф. Т. Происхождение действующего права. М., 1997. С. 34, 132–133.

их разрушению и внесению дисгармонии, как это вытекает из содержания действующей нормы статьи 28 Конституции Российской Федерации.

Например, наподобие появившейся почти двадцать лет спустя, после принятия Конституции Российской Федерации нормы статьи 87 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», которая установила, что в целях формирования и развития личности в соответствии с семейными и общественными духовно-нравственными и социокультурными ценностями. в основные образовательные программы могут быть включены, в том числе на основании требований соответствующих **федеральных государственных образовательных стандартов** (выделено мной – А.О.), учебные предметы, курсы, дисциплины (модули)²⁴, направленные на получение обучающимися знаний об основах духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации, о нравственных принципах, об исторических и культурных традициях мировой религии (мировых религий) или альтернативные им учебные предметы, курсы, дисциплины (модули).

Более того, часть 2 статьи 87 указанного Федерального закона в какой-то степени исправляет атеистические положения статьи 28 Конституции Российской Федерации, устанавливая, что «выбор одного из учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), включенных в основные общеобразовательные программы, осуществляется родителями (законными представителями) обучающихся». То есть, лицами, которые родили ребенка, вырастили его до определенного возраста и дали соответствующее образование и воспитание, и с которыми у ребенка, как правило, в течение всей жизни сохраняются самые устойчивые и самые прочные связи – духовные и кровнородственные.

С учетом того, что положения главы 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции Российской Федерации (ч. 1 ст. 135) не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием в целях повышения правового статуса семьи и ответственности родителей за духовно-нравственное воспитание детей, а также в целях повышения консолидации общества в указанной сфере, предлагаем изменение законодательства. Предлагаем дополнить статью 3 «Основные принципы государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования» Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» новым принципом: «признание права родителей (законных представителей) обучающихся участвовать в выборе одного из учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), включенных в основные общеобразовательные программы, направленные на получение обучающимися знаний об основах духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации,

²⁴ СЗ РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598

о нравственных принципах, об исторических и культурных традициях мировой религии (мировых религий)».

И это справедливо. Более того, этот принцип в сочетании с упоминавшимися положениями статьи 87 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» позволит в большей степени компенсировать гуманистические положения статьи 28 Конституции Российской Федерации и наполнить их духовно-нравственным содержанием. Повысить гармонию и спокойствие в российских семьях, во всем обществе.

Если семья – это основная и первичная ячейка общества, и если «забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей» (ч. 2 ст. 38 Конституции Российской Федерации), то именно в основополагающих, обществообразующих вопросах вероисповедания, духовно-культурного воспитания каждому должна гарантироваться свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию. Но в отношении несовершеннолетних указанные вопросы должны решаться совместно с родителями. Причем мнение родителей должно быть главным и определяющим.

Мы убеждены в том, что светское государство не является синонимом атеистического государства, как это получается по содержанию статьи 28 российской Конституции.

В отличие от России, конституции многих других светских государств если и не дистанцируются от атеизма, то более объективно и гармонично, с учетом интересов единства семьи регламентируют вопросы религии и религиозного образования.

Например, в статьях 13, 16 Конституции Греции установлено, что «отправление культовых обрядов, оскорбляющих общественный порядок или нравственные нормы, не допускается. Прозелитизм запрещается»; «образование является важнейшей задачей государства и имеет целью моральное, духовное, профессиональное и физическое воспитание греков, развитие их национального и религиозного сознания и формирование их как свободных и ответственных граждан»²⁵.

Статья 29 Конституции Румынии устанавливает, что свобода мысли и мнений, а также свобода религиозных верований не может ограничиваться ни в какой форме. Никто не может быть принужден принять мнение или присоединиться к религиозному верованию, противоречащему его убеждениям. Свобода совести гарантируется; она должна проявляться в духе терпимости и взаимного уважения. Религиозные культы свободны и организуются по собственным уставам на условиях, установленных законом. В отношениях между культурами запрещаются любые формы, средства, акты или действия, возбуждающие религиозную рознь. Религиозные культы автономны по отношению к государству и пользуются

²⁵ Конституции зарубежных государств: Учебное пособие / Сост. проф. В.В. Маклаков – 3-е изд., исправ. и доп. М.: Издательство БЕК, 2006.

его поддержкой, включая благоприятствование религиозной помощи в армии, больницах, местах лишения свободы, приютах и сиротских домах. Родители или опекуны имеют право обеспечивать, соответственно собственным убеждениям, воспитание несовершеннолетних, за которых несут ответственность.

Статьи 48 и 53 Конституции Польши устанавливают, что каждому обеспечивается свобода совести и религии. Свобода религии включает свободу исповедания или принятия религии по собственному выбору, а также проявления индивидуально или совместно с другими людьми, публично или частным образом своей религии путем отправления культа, молитвы, участия в обрядах, исполнения религиозных правил и обучения. Свобода религии включает также владение храмами и другими культовыми местами в зависимости от потребностей верующих, равно как и право людей пользоваться религиозной помощью там, где они находятся.

Родители имеют право обеспечивать детям нравственное и религиозное воспитание и обучение согласно своим убеждениям. Религия церкви или иного вероисповедного союза, имеющего урегулированное правовое положение, может быть предметом обучения в школе, причем не может быть нарушена свобода совести и религии других лиц.

Подобный подход к закреплению прав и свобод человека и гражданина позволяет не только обеспечить преемственность поколений, нравственно-религиозно-правовую связь между детьми и их родителями, но и сплотить их в единую семью. А единство семей будет способствовать укреплению гражданского общества и налаживанию гармоничных отношений внутри гражданского общества – между ним и государством. Кроме того, такой подход воспитывает морально-нравственную обязанность человека по отношению, прежде всего, к семье и к другим людям, обществу и государству. Делает эту обязанность не правовым принуждением, а внутренней потребностью каждого индивида, повышает взаимную ответственность человека и общества. Тем более, что индивид, являясь одновременно членом различных общественных объединений, строящих свою деятельность во многом на нравственных нормах, получает от них помощь в разрешении трудных вопросов.

Но в Конституции Российской Федерации аналогичное право в статье 28 сформулировано с чисто казенной формальностью и с остатками скрытого атеизма. Исходя из положений указанной статьи, на практике ребенок имеет право сказать родителям: «Вы можете исповедовать одну религию, а я буду атеистом (или исповедовать другую)». Кроме того, из этой статьи (также формально) вытекает, что иностранные религиозные объединения получают такой же правовой статус, что и отечественные.

Понятно, что о запрете нарушать свободу совести и религии других лиц, о которых идет речь в приведенных положениях конституций Польши и Греции (аналогичные положения закреплены конституциями других

государств), как гарантии укрепления социального мира и согласия для россиян, с такой скрытой атеистической формулировкой в Конституции Российской Федерации не приходится говорить.

Более того, конституции многих светских государств, в отличие от России, содержат нормы о религиозном образовании. Например, статья 7 Основного Закона ФРГ установила, что лица, уполномоченные на воспитание детей, имеют право решать относительно участия этих детей в религиозном обучении. Религиозное обучение является в публичных школах, за исключением неконфессиональных школ, обязательным предметом. Без ущерба для права надзора государства, религиозное обучение производится в соответствии с принципами религиозных общин. Ни один преподаватель не может быть обязан против своей воли вести религиозное обучение.

О том, что современная Россия, в отличие от многочисленных светских государств (на которые мы, *на словах*, так сильно хотим ориентироваться), является не столько светским, сколько атеистическим государством (и по Конституции и фактически), свидетельствуют гуманные СМИ: спор о преподавании основ православной культуры в российских школах ведут **не другие конфессии** и Русская Православная Церковь между собой – здесь-то как раз имеется некоторое взаимопонимание и определенное сотрудничество, – «масла в огонь» подливают именно те, кого это, по крайней мере формально, меньше всего должно касаться – те же самые СМИ.

В связи с этим хотелось бы сказать, что «спор о преподавании основ православной культуры в российских школах – спор не праздный. От решения вопроса, будет ли новое поколение русских понимать православие, воспринимать его не как одну из конфессий в «многоконфессиональном государстве», а как своё миросозерцание, как некую аксиому, маяк для индивидуального сознания во мраке тотального нигилизма, зависит – сохранится ли Россия»²⁶.

Анализируя причины исторической катастрофы, происшедшей в России в феврале – октябре 1917 года, И. А. Ильин писал, что «политическое событие есть всегда объективировавшийся сгусток множества личных душевных состояний и напряжений; ритм исторического процесса вырастает всегда из множества индивидуально-духовных, хотя и взаимодействующих, ритмов. Из действия миллиона здоровых правосознаний не возникает общественно болезненное явление, а миллион разлагающихся правосознаний в их взаимодействии и сотрудничестве – что даст кроме государственной гибели?»²⁷.

²⁶ Бабурин С. Н. Вероисповедание как стержень политического, правового и духовного развития государств и народов // Государство, Церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы. Материалы V межвузовской научной конференции, посвященной 400-летию династии Романовых / Коллектив авторов: Материалы научной конференции / Под ред. С. Н. Бабурина, А. М. Осавелюка. М.: Книжный мир, Европейский институт JUSTO, 2013. С. 11.

²⁷ Ильин И. А. Основные задачи правоповедения в России // Ильин И. А. Родина и мы. Смоленск, 1995. С. 153.

По его мнению, «причина кризиса – духовная, она – в нас, в свойствах нашего правосознания, нашего хозяйственно-душевного уклада, нашей религиозности. И, прежде всего, в свойствах нашего правосознания – общего, публичного и частного»²⁸.

Утверждение юридического принципа свободы совести свидетельствует об утрате обществом религиозных целей и ценностей, о массовой апостасии и фактической индифферентности к делу Церкви и к победе над грехом. Но этот принцип оказывается одним из средств существования Церкви в безрелигиозном мире, позволяющим ей иметь легальный статус в секулярном государстве и независимость от инаковерующих или неверующих слоев общества.

С точки зрения религиозного понимания любви к человеку и построения на ее основе солидарной соборности, религиозно-мировоззренческий нейтралитет государства не противоречит христианскому представлению о призвании Церкви в обществе. Поскольку Церковь может указывать государству на недопустимость распространения убеждений или действий, ведущих к установлению всецелого контроля за жизнью личности, ее убеждениями и отношениями с другими людьми, а также к разрушению личной, семейной или общественной нравственности, оскорблению религиозных чувств, нанесению ущерба культурно-духовной самобытности народа или возникновению угрозы священному дару жизни.

С другой стороны, в осуществлении своих социальных, благотворительных, образовательных и других общественно значимых программ Церковь может рассчитывать на помощь и содействие государства. Она также вправе ожидать, что государство при построении своих отношений с религиозными объединениями будет учитывать количество их последователей, их место в формировании исторического культурного и духовного облика народа, их гражданскую позицию.

---

²⁸ Там же. С. 156.

И.Б. ГАСАНОВ

Влияние электоральных стереотипов на голосование избирателей

При изучении влияния тех или иных факторов на проведение избирательных кампаний, на само голосование избирателей и результаты выборов, представители юридической науки нередко придают слишком большое значение чисто процедурным вопросам, зачастую несколько преувеличивая возможности законодательства. С этим и в немалой мере связаны всевозможные дискуссии о совершенствовании избирательного законодательства, об уместности или своевременности тех или иных изменений в выборные законы.

Разумеется, закон должен быть как можно более совершенным и всеохватывающим. А чтобы не быть постоянным объектом изменений, как говорится, на злобу дня, он должен быть максимально готовым ответить на самые неожиданные вызовы как современности, так и все более ускользящего времени. Но это не означает, что только с помощью законодательства можно добиться организации если не идеально справедливых, то хотя бы в той или иной степени устраивающих различные слои общества выборов. Ключевое слово здесь «устраивающие», потому что между терминами «справедливость» и «закон» расстояние пока еще достаточно большое, а, если быть честным, их не так много всего связывает. Это, по большому счету, нормально, так как закон – категория более или менее конкретная, а справедливость – понятие сугубо субъективное.

Вот на этом фоне и встречаются, с одной стороны, избирательное законодательство, с другой – представления избирателей о справедливой и нужной им политической силе, которыми, к сожалению, можно относительно легко управлять. Правда, управлять этими представлениями можно опять же не всегда, о чем говорит множество примеров, когда вопреки всем предсказаниям, результатам социологических опросов и экзит-полов граждане голосуют за, казалось бы, абсолютно неизбираемых кандидатов, возводя себе в начальники людей, очень и очень далеких от политики и государственного управления: профессиональных комиков, цирковых клоунов, телеведущих, эстрадных певцов, спортсменов и так

далее. Ничего против представителей подобных профессий не имея, всего лишь констатирую, что такое электоральное поведение масс иначе как суицидальным не назовешь. Но так происходит, и причины подобных явлений лежат отнюдь не на юридической плоскости. Люди так выбирают не из-за того, что законы несовершенны. Все гораздо сложнее и глубже. И речь здесь не только об обычаях и традициях, без учета которых невозможно обеспечить честность и прозрачность выборов, и которые требуют к себе постоянного и серьезного внимания не только в периоды избирательных кампаний.

Когда классик американской журналистики Уолтер Липпман в далеком 1922 году впервые заговорил о стереотипах¹, он имел в виду довольно узкий круг психологических предпочтений человека. Долгие годы эти предпочтения изучались лишь с точки зрения их использования при создании рекламных проектов. В Советском Союзе реклама по известным причинам не имела особого значения, поэтому научный интерес к проблематике стереотипов занимал весьма скромную нишу. Более или менее настоящий интерес к ним возник во времена противостояния политических систем в годы так называемой холодной войны (она вообще-то кое-где полыхала, только ее пламя не всегда достигало тех, кто ее развязал).

Этот интерес подразумевал использование стереотипов в строго прикладных, а конкретно, в военных целях (чтобы знать, с каким народом как воевать, представителей какого народа как вербовать, как вести себя на оккупированных в той или иной форме территориях и т.д.). Но речь здесь чаще шла не о психологических стереотипах, как во времена Липпмана, а этнических (у нас их называли «национальными») наряду с такими категориями, как «национальный характер», «образ врага». Опять же, не сказать, что тогда интерес к стереотипам был многоохватывающим.

Судя по количеству работ на тему стереотипов, то есть по разработанности данной темы на Западе и в Советском Союзе, у нас ей уделялось небольшое внимание. По стереотипам было защищено от силы пара-тройка диссертаций (Л. М. Дробижева, Г. У. Кцоева), издано несколько книг, хотя первые работы по этнопсихологии, иногда это были отдельные статьи работников спецслужб, совмещающих государственную службу с научными исследованиями, издавались уже в пятидесятые годы прошлого века. Стереотипы у нас изучались в основном в рамках предмета «Социальная психология», и их исследование редко выходило за пределы данной дисциплины.

Но уже в 1990 годы в России интерес к стереотипам значительно возрос. В начале особого внимания удостоились опять же негативные национальные стереотипы в связи с охватившими постсоветское пространство различного масштаба и рода межэтническими конфликтами.

---

¹ Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.

Хотя практически все подобные конфликты между народами бывшего Советского союза носили политический характер, а все остальные причины, включая указанные стереотипы, по крайней мере, на начальных этапах этих конфликтов являли собой внедренные или искусственные факторы. Но отечественным ученым надо было как-то ответить на относительно давно забытый и малоизученный вызов истории, тем более что при урегулировании межэтнических конфликтов правовые принципы редко срабатывали.

Затем обнаружилось, что стереотипы как сущностное явление индивидов, не только весьма важный фактор нашего существования, но и охватывают практически все сферы человеческой жизни. Это только кажется, что за этими штамповидными и клишеобразными реакциями² индивида на окружающую действительность мало что стоит. Например, тот же Липпман выделял всего четыре аспекта стереотипов: стереотипы всегда проще, чем реальность; люди приобретают стереотипы, а не формулируют их сами; все стереотипы ложны в большей или меньшей степени; стереотипы живучи³. В отношении этих аспектов мало что изменилось, исследователи во всем мире и сейчас в той или иной степени придерживаются подобной градации.

Существенно изменилось отношение к самим стереотипам и их месту в жизни людей. Оказалось, что человек только и делает, что стереотипно реагирует на все, что с ним происходит. «Стереотип – это более или менее постоянная «формула явления», это представление об объекте, низведенное до самых элементарных черт, и оно сохраняется порой без изменений на протяжении жизни многих поколений. Стереотип не требует домысливания, он воспринимается готовым»⁴.

К тому же, кроме психологических и этнических стереотипов существует огромная масса социальных, бытовых, гендерных, индивидуальных, массовых, поведенческих, исторических стереотипов. А есть еще гетеростереотипы, обращенные на других людей, и автостереотипы, обращенные на самого человека. Более того, стереотипы весьма живучи, от них не так-то просто избавиться. «Имея свойство экономить мышление и суммировать исторический опыт, стереотипы не могут быть абсолютно истинными, но могут основываться на близких к действительности представлениях, могут быть абсолютно ложными, одновременно могут служить основанием для возникновения новых, еще более ложных стереотипов»⁵. Стереотипы могут быть негативными и позитивными, то есть они однозначны: «да» или «нет», «свой» или «чужой». Более

² Кстати, стереотип (от греч. stereos – «твердый» + typos – «отпечаток») и означает монолитную печатную форму, копию с типографского набора или клише, используемых для ротационной печати многотиражных изданий.

³ Липпман У. Указ. соч. С. 75.

⁴ Феофанов О.А. Агрессия лжи. М., 1987. С. 37

⁵ Там же.

того, стереотипы у людей можно создавать, и даже использовать в целях разной полярности.

Последнее обстоятельство на сегодня стало обычным делом для не особенно разборчивых в инструментариях политтехнологических и социологических служб, специализирующихся на внедрении в сознание масс различных стереотипов самой разной направленности в зависимости от целей своих клиентов. При наличии современных средств коммуникации (телевидение, радио, интернет, телефония), которые позволяют находиться едва ли не в буквальном смысле в постоянном контакте с объектом воздействия, подобная деятельность больших способностей не требует. Особенно с учетом того, что безграничной беспринципности и изощренности умственных способностей некоторых специалистов по разного рода «грязным» политическим технологиям позавидовал бы сам Макиавелли, и которых можно охарактеризовать, лишь перефразируя высказывание Карла Маркса о том, что нет такого преступления, на которое ради прибыли «черный» технолог не рискнул бы пойти.

Многие опросы общественного мнения по своей форме, формулировкам, направленности служат тому, чтобы создавать у граждан нужные стереотипы. «Сравнительная легкость формирования ложных стереотипов с помощью пропаганды позволяет отвлекать народные массы от злободневных вопросов и сосредоточивать их внимание на вопросах второстепенных. Когда люди находятся в неведении о проблемах и фактах, от которых зависит их судьба, и когда неоткуда черпать информацию, любая брошенная в эфир или на газетную полосу правдоподобная версия событий приобретает характер апробированного факта»⁶.

Всевозможные ток-шоу с множественными ссылками на реальных и псевдоавторитетов, наводнение информационного пространства определенного типа новостями (в том числе, фейковыми, то есть поддельными, фальшивыми), беспринципное и беспредельное использование самой обычной и банальной лжи в разных вариациях служат одной цели: убедить избирателя проголосовать за конкретную политическую силу посредством формирования у него мысли, что только данная политическая сила и достойна выбора. Ведь выборы могут быть безальтернативными не обязательно в прямом смысле слова – их можно сделать таковыми в одном случае просто отсекая других кандидатов как недостойных, в другом – сделав своего кандидата единственно достойным, и в третьем – используя оба метода для достижения цели. Есть тут и четвертый, пятый и так далее варианты.

Надо сказать, что и без вмешательства подобных технологий основная часть избирателей при голосовании на выборах за те или иные политические силы в значительно большей степени руководствуется различного

---

⁶ Гасанов И.Б. Роль средств массовой информации в создании и использовании национальных стереотипов / Современная Россия: власть, общество, политическая наука. Том 1. М., 1998.

рода стереотипами, чем реальным положением дел или, хотя бы тем же здравым смыслом.

Различного рода потому, что каждый избиратель относится и относит себя к определенной референтной группе⁷, а нередко – ко многим референтным группам сразу, каждая из которых (семья, род, этнос, религиозная принадлежность, производственный коллектив, группы по самым различным интересам и многое другое) является источником социальных установок и норм поведения. А референтная группа зачастую склонна мыслить общими для своих членов стереотипами, вроде «мы лучше» – «они хуже», «мы правы» – «они неправы», «наш» – «не наш» и так далее. «Стереотип формируется не на основе собственного опыта, а заимствуется готовым у той социальной или национальной группы, к которой принадлежит человек. Для него не имеет значения достоверность стереотипа – он черпает в нем групповую оценку определенного явления и, чтобы соответствовать ценностям группы, строит свое поведение в соответствии с этой оценкой. Стереотип обобщает похожие явления, соединяет их в единую категорию, сокращает до предельного минимума набор его отличительных характеристик – черт, которые либо присущи данному явлению, либо могли бы быть ему присущи»⁸.

Человеку и так трудно выбраться из-под этих установок и норм для того, чтобы иметь возможность сформулировать и выражать собственное мнение по тем или иным общественно важным вопросам, таким, например, как выборы, электоральные предпочтения и электоральное поведение. С учетом политтехнологических «соблазнов» самостоятельный выбор и во все становится делом практически неосуществимым. В нынешних условиях эта самостоятельность чаще всего бывает кажущейся, так как избирателю приходится выбирать из слишком многих (партий, кандидатов) объектов при минимуме доступной (необходимой для выбора) информации. А чтобы избежать всякого рода внутренних колебаний у граждан, и используются электоральные стереотипы на все случаи жизни как наиболее надежные инструменты для принятия избирателем нужных, быстрых и, главное, практически бездумных, решений. Те избиратели, кто по тем или иным причинам не подвержены воздействию политических технологий (такие тоже есть), за неимением нижнего порога явки и строки «против всех» в избирательном бюллетене уходят в абсентеизм, то есть, как говорят участники и организаторы выборов, «голосуют ногами». Количество таковых избирателей часто зависит от силы давления, оказываемого на них различными агентами влияния.

⁷ Референтная группа (от лат. referens – сообщающий) – реальная или условная социальная общность, с которой индивид соотносит себя как с эталоном и на нормы, мнения, ценности и оценки которой он ориентируется в своем поведении и в самооценке.

⁸ Гасанов И. Б. Указ. соч.

Что касается электоральных стереотипов, то их – огромное множество, более того, подобных стереотипов каждым избирательным циклом становится все больше. С одной стороны, одни стереотипы служат основанием для создания других, с другой, – благо, есть кому и для чего их придумывать и создавать. Чего стоит одно только максимально распространенное убеждение (ему подвержены практически все сегменты электората, кстати, не только российского) о том, что «от избирателя ничего не зависит». С помощью только этого стереотипа можно добиться многого: уверенности у граждан, что выборы ничего не значат; при необходимости – низкой явки избирателей; снижения уровня доверия к выборам; негативного восприятия власти (к действующей и возможной) в собственных целях; лишения поддержки неудобных партий и кандидатов; выделения из общей массы своего избирателя и точечного воздействия на него и др.

Подобной же характеристикой обладают стереотипы «все выборы фальсифицируются», «результаты выборов зависят от того, кто считает бюллетени», «как сверху скажут, так и будут считать» (или разновидность «цифры нарисуют»), «кто бы ни пришел к власти, ничего не изменится» и так далее. От того, кто и в чьих интересах считает бюллетени, наверняка, зависит немало. Но при реальной явке свыше 70 процентов избирателей технологии теряют эффективность по той простой причине, что они обычно не рассчитаны на большие сегменты граждан и способны воздействовать только на конкретные цели вроде какой-то части молодежи или возрастных граждан. При 80 процентах реальной явки только сумасшедшая власть рискнет сфальсифицировать результаты выборов, потому что такое количество людей может заставить идти на выборы только реальная цель, охватившая все общество. Она может быть направлена как на поддержку той или иной политической силы (в том числе действующей власти), так и против нее.

Организаторы выборов не могут отвечать за то, как голосуют избиратели – они лишь организуют выборы, добиваются их прозрачности и честности. У них недостаточно инструментов для противодействия как всяким «грязным» технологиям, так и различного рода административному ресурсу или тем же негативным электоральным стереотипам. Но при этом именно они едва ли не перманентно находятся в положении или «обвиняемых», или оправдывающихся. Но организаторы выборов – не инопланетяне, не пришельцы и даже не иностранцы, они такие же избиратели, как и остальные граждане. При этом большинство негативных электоральных стереотипов направлены именно на них – ведь выборы не сами по себе фальсифицируются, бюллетени не сами считаются, – и выборы кто-то фальсифицирует, и бюллетени кто-то не так считает. А тут больше не на кого думать, кроме как на членов избирательных комиссий разного уровня, то есть на своих сограждан, горожан, односельчан,

а очень часто – просто соседей, живущих той же жизнью, имеющих те же проблемы, что и основная масса избирателей.

А, может быть, мы виноватых не там ищем, может, стоит оглянуться на себя, на собственную позицию по отношению к самому себе и к собственной жизни. Может, каждому из нас просто пойти и проголосовать. Да так, чтобы нас, голосующих, было слишком много для любых неправовых вмешательств. Да и для того, чтобы у нас у самих не осталось сомнений в честности выборов. И так из раза в раз. Кстати, в этом нуждается и страна наша и государство российское, да и власть, которой просто необходим катарсис через настоящие народные выборы.

Кстати, любителям применения таких серьезных инструментов воздействия, как стереотипы, хорошо бы помнить и том, что те же негативные стереотипы, во-первых, как уже было сказано выше, долговечны, во-вторых, и это более важно, носят в некотором роде универсальный характер и прекрасно работают не только при решении узкопартийных или узкокорпоративных электоральных задач, но и при подготовке достаточно распространенных в последние десятилетия «цветных» революций, осуществляемых, как правило, в интересах внешних сил, когда на чаше весов оказывается судьба страны и государственности.

Другое дело, что стереотипы почти не работают при отсутствии соответствующей основы. Значит, чтобы от использования негативных электоральных стереотипов получить нужный эффект, необходимо подготовить почву (то есть, общество) и держать ее в соответствующем состоянии. Ведь стереотипы – это знание, и не важно, какое – правдивое, ложное, доброе, злое, но это – знание. От настоящего знания они отличаются простотой как для восприятия, так и понимания. Как все общество, так и отдельный индивид, постоянно нуждаются в получении новых знаний о тех или иных событиях, происходящих вокруг, чтобы ориентироваться в собственной жизни, а не, как говорится, «блуждать в потемках». А знания могут быть настоящими, могут быть лживыми, а могут быть, скажем так, подброшенными, то есть, теми, которые работают на определенные цели. Но все они требуют подкрепления другими знаниями, то есть некой доказательной базы. Стереотипы же не требуют объяснений или подкреплений, а тем более, доказательств. Особенно, когда они запускаются в уже основательно «удобренную» почву ненависти, ксенофобии или банального невежества.

Например, когда годами пресса, радио и телевидение твердят о том, что «все богатые воры», то достаточно сказать о конкретном кандидате, что он богатый. Даже нет необходимости уточнять, что он вор. И так всем все ясно. Или, если годами со всех экранов, страниц журналов и газет, новостных сайтов льется информация о том, что, например, «кавказцы – преступники», то кандидата-кавказца можно даже не называть преступником. То, что он – преступник, потому что кавказец, уже сидит в подкорке

у избирателя. Многим трудно понять, но в Российской Федерации практически каждому кавказцу, независимо от его национальности и того, какое он занимает место в социальной иерархии (конечно, если он не Иосиф Сталин), перманентно приходится доказывать, что он, как говорится, не верблюд. А это всего лишь стереотипы и не более того, которые можно распространить на все что угодно: от цвета кожи и волос и формы носа (самые используемые для создания негативных стереотипов) до профессий и политических или любых иных предпочтений.

Российские военные, думаю, хорошо помнят, как они в самом начале 1990-х годов стали, правда, на короткое время, чуть ли не изгоями. То же самое можно сказать и в отношении вечных виноватых – чиновников, которых в России миллионы, и огромное большинство которых не то что не имеют возможности (то есть, даже если бы захотели) брать хоть какую-то взятку, а нередко просто едва сводят концы с концами. Но долгие годы соответствующего «удобрения почвы» привели к тому, что просто само слово «чиновник» ассоциируется со словом «коррупционер». Подобных примеров можно приводить довольно много.

Есть примеры и похуже. Например, как писала газета «Комсомольская правда», в мае 2014 года «в Замоскворецкий суд был подан иск к «Большому толковому словарю». Скандал разгорелся вокруг приведенного в книге разговорного значения слова «чукча»: «наивный простодушный человек»⁹. Конечно же, суд чукотским активистам в иске отказал. Но, судя по тону заметки, ее автору, а вместе с ним и газете, несколько смешно. А ведь на самом деле совсем не смешно, что банальный бытовой стереотип проник в такое солидное издание, как «Большой толковый словарь». То есть, стереотип получил официальный статус знания.

Небольшая ремарка. Стереотипы это данность, от них не свободен не один человек в мире, но есть стереотипы, которые упрощают жизнь людей, есть, которые, работая как инструменты воздействия, лишают их воли, возможности мыслить, превращают в толпу, а отдельных индивидов и вовсе – в сподвижников зла и лжи. Средства массовой информации (пресса, радио, телевидение, тот же интернет-СМИ) не специально работают на создание негативных и деструктивных стереотипов, им всего лишь нужно привлекать внимание читателей, слушателей, зрителей и пользователей, а иногда просто дополнить полосу, заполнить паузу, украсить сюжет сенсацией или, например, добиться большего количества «лайков». А то, что в результате неких вроде безобидных, но в определенном контексте поданных, сообщений общество постепенно превращается в готовую почву для роста социальной, национальной розни, им и неведомо. Их никто не собирает, и не будет судить ни человеческим судом, ни государственным. Разве что результаты собственной, мягко

⁹ <http://www.kp.ru/daily/26235.5/3117768>.

говоря, безответственности многие авторы этих средств массовой информации в той или иной мере, но обязательно почувствуют на собственной судьбе, на судьбах своих детей.

То же самое можно сказать в отношении постоянных участников политических шоу (особенно политических и многих других, где, если сказать проще, грех преподносится как норма), почему-то возомнивших себя особыми людьми, кому можно говорить перед миллионными аудиториями любую, как говорится, ересь, не задумываясь о том, что не каждое мнение можно выносить на всеобщее обозрение, да и перед экранами могут находиться (и находятся) люди с неокрепшим умом, и необремененные знаниями, для которых все, что «говорит телевизор», – правда.

Вернемся к электоральной проблематике. Стереотипы, применяемые «черными» технологами в электоральном поле особенно опасны еще и по той причине, что они сказываются на качестве власти, ответственной за саму государственность. Ведь люди, нечестными путями попадающие во власть, в результате, в том числе, использования негативных электоральных стереотипов, делают это не забавы ради. Во-первых, на эту процедуру – назовем ее «процедурой пролезания в политику» – тратятся немалые средства, что уже говорит об определенных, заведомо нечестных и, думаю, далеко идущих целях («далекость» которых, понятное дело, зависит от уровня власти, в которую человек «пролезает»). В любом случае, попадая во власть, подобные люди начинают первым делом заниматься не теми проблемами, ради которых были избраны, а приступают к решению собственных задач, как правило, носящих коррупционный характер. Иначе говоря, начинают работать против благополучия, в том числе, своих избирателей.

Но для граждан, уровень жизни которых в немалой мере зависит от этой власти, нет никакой разницы, по какой причине их благополучие никак не может состояться. Некоторая часть граждан вполне в состоянии связать качество своей каждодневной жизни с тем, как она сама за кого и как проголосовала. Но, даже в таком случае, и даже для этой части избирателей нет гарантии, что она в следующий раз не ошибется с выбором. Слишком много вокруг тех, кто способствует повторению этой ошибки, и кому подобная ошибка выгодна. И, к огромному сожалению, слишком много вокруг равнодушных.

Дело в том, что практически все «грязные» политические избирательные технологии, кем бы они ни разрабатывались, и кем бы ни применялись, основаны на двух, как говорится, «китах»: на электоральных стереотипах и на равнодушии людей. Все остальные причины их эффективности – банальное невежество, низкая правовая культура, нечестность тех или иных организаторов и участников выборов, несовершенство закона, моменты, связанные с коррумпированностью общества и государства, фальсификацией результатов голосования и многим другим – в той или

иной мере связаны именно с этими двумя «китами». Но равнодушие тоже бывает разным и, может быть, например, искусственно созданным, или равнодушием поневоле, вызванным воздействием все тех же негативных электоральных стереотипов.

Не буду говорить об активной гражданской позиции и тому подобных призывах, ставших для основной массы граждан обычными банальностями – о них много пишется и говорится, но мало кого это трогает. К тому же, активная гражданская позиция подразумевает позицию в отношении чего-либо или кого-либо и, как не удивительно, по крайней мере, внешне мало связана с индивидом, который этой позиции должен придерживаться по замыслу тех, кто призывает к ее необходимости, более того, обозначает активную гражданскую позицию, с одной стороны, как обязательство и обязанность, с другой – как некую панацею: вот если бы все и всегда придерживались подобной позиции, все было бы на самом высоком уровне. Согласитесь, что это больше похоже на лозунг или слоган, рассчитанный разве что на недолгий эффект, чем на нечто действенное.

В то же время, во-первых, откуда взяться активной позиции, когда большинство граждан просто живут свою жизнь с таким количеством забот и проблем, что им впору думать желудком, а не головой, во-вторых, активная гражданская позиция очень часто включает в себя действия, которые не входят в круг возможностей гражданина, а являются прямыми обязанностями власти и государства. Но избирать и быть избранным – конституционное право гражданина, и он сам решает: воспользоваться этим правом или нет. Здесь, скорее всего, нужно говорить о позиции избирателя по отношению к самому себе, к собственной жизни и собственному будущему. То есть, о заинтересованном отношении каждого гражданина к своему существованию, значит, о неравнодушии, при котором человек десять раз подумает, прежде чем сделать выбор в отношении той или иной политической силы или того или иного кандидата. «Если не ты за себя, то кто за тебя» говорили древние. Этот клич не устарел и вряд ли когда-либо устареет.

Да, «В системе манипулятивной пропаганды стереотипы занимают одно из центральных мест, поскольку блокируют разум, рациональные способности человека, закрепляют сложный комплекс негативных эмоций, вызывают чувство страха, ненависти, недоверия, подозрительности, враждебности. А это становится возможным благодаря тем качествам стереотипов, что они, возникая чаще всего стихийно, обязательно связаны с восприятием и не обязательно с опытом, но могут оказать непосредственное влияние на получение нового опыта. Будучи предельно устойчивыми, но в то же время изменяемыми, они отражают не действительность, а этикетку действительности»¹⁰. Вот этой этикетке нас и призывают довериться и идти

¹⁰ Гасанов И. Б. Указ. соч.

за ней к «новым свершениям». Но у стереотипов есть одна очень важная особенность: их можно использовать как для разрушения отношений, так и в деструктивных целях, так и в благих, конструктивных. Видимо, это тот случай, когда, как гласит фраза, приписываемая сразу нескольким историческим персонажам от уже упомянутого Никколо Макиавелли до Блеза Паскаля, «цель оправдывает средства».

Речь здесь не о том, чтобы выдавать за истину, скажем так, «свою правду» в ответ на разнокалиберную, изощренную ложь, облакаемую в форму неких стереотипов, которая, к сожалению, очень часто используется различного рода дельцами от политики в неблагоприятных целях. Вариаций этой лжи становится все больше. Теперь в ход пошли некие «гибридные» формы технологий, в которых простому избирателю (простому, в смысле, далекому от политических технологий, а таковых – большинство) не разобраться при всем желании. Дело в том, что точно так же, как негативные (в том числе) электоральные стереотипы, весьма эффективно срабатывают и позитивные стереотипы.

Конечно, если условное «поле электорального боя» отдать в безвозмездное использование дельцам от «черных» политических технологий, то и рассчитывать надо на действия исключительно негативных стереотипов. Но существует государство, власть, гражданское общество (оно есть – безотносительно его качества и уровня зрелости), просто общественность и социум, будущее которых никак не связано и не может быть связано с дельцами от политики, нуждаются в надежной опоре в виде избирателя-гражданина, голосующего, не важно, умом ли, сердцем ли, главное, неравнодушно. Следовательно, все названные институты должны быть заинтересованы в создании и закреплении в умах граждан позитивных электоральных стереотипов, объединенных предельно серьезным отношением к выборам: именно выборы есть краеугольный камень демократии, именно от них зависит уровень нашей жизни и ее качество, и именно в них заключены наша любовь к Родине, патриотизм, уважение к собственной истории, надежность настоящего и реальность надежд на будущее.

В.И. ФЕДОРОВ

Электронное голосование: идея фикс или основа демократий будущего?

Сегодня электронные технологии голосования завоевывают доверие избирателей и организаторов выборов по всему миру, они становятся новым символом свободных и честных выборов. География распространения этого нового феномена мира политики охватывает все континенты. По состоянию на ноябрь 2016 года власти 40 государств законодательно закрепили возможность применения электронных технологий голосования на выборах, но только в 12 из них законодатели ввели электронное голосование в качестве императивной нормы права. В этих странах электронное голосование стало единственной формой реализации активного избирательного права и применяется на муниципальных, региональных и общенациональных выборах. Последним удачным опытом электронного голосования стали парламентские выборы в Кыргызстане в октябре 2015 года.

Понятие «электронное голосование» (e-voting) можно определить как набор различных способов волеизъявления избирателя, объединенных одним обязательным условием: подсчет голосов производится при помощи специальных программно-технических устройств без вмешательства человека. В постановлении ЦИК России от 27 августа 2014 года № 248/1529–6 «О Порядке электронного голосования с использованием комплексов для электронного голосования на выборах, проводимых в Российской Федерации»¹ дается определение этому понятию: «Электронное голосование – голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием комплекса средств автоматизации ГАС «Выборы». Таким образом, в России электронным голосованием не является голосование с использованием оптических машин сканирования бумажных бюллетеней.

Оговоримся, что, анализируя разнообразный мировой опыт электронного голосования, мы пришли к пониманию, что в большинстве стран

ФЕДОРОВ Владислав Иванович – научный сотрудник Центра исследования политических трансформаций Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, магистрант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

¹ Постановление ЦИК России от 27 августа 2014 г. № 248/1529–6: [веб-сайт]. URL: <http://base.garant.ru/55172165>.

мира электронным голосованием считают любую форму волеизъявления граждан, при которой для обработки голосов избирателей, участников референдума используются программно-технические средства. Формы электронного голосования могут быть разными. Выделяются две большие разновидности: голосование на стационарных избирательных участках и голосование через интернет.

Мировая практика электронного голосования

Поводом для больших дискуссий о внедрении электронных технологий голосования стало быстрое развитие технологий цифрового века, которые проникли во все сферы жизни общества, в том числе в политику. В мировом опыте развития автоматизированных систем голосования можно выделить три больших этапа эволюции: механический, электронный, дистанционный. Если механический этап завершился в 1960-х годах, то два других – электронный и дистанционный продолжают оставаться актуальными и в наши дни.

Греция – не только родина демократии, но и родина первых механизмов автоматизации голосования. В Афинах и некоторых других греческих полисах в IV–II веках до н.э. для избрания должностных лиц активно использовалось механическое устройство клеротерий². На каменной стеле размещали таблички, где были указаны имена кандидатов. В вертикальный желоб помещалось 10 шаров, из них 9 были черного цвета, и лишь один шар был белым. Организаторы выборов перемешивали шары и помещали в желоб. Первый шар соответствовал верхней табличке. При открытии желоба из него выпадал шар, если он был черным, то жеребьевка продолжалась, если белым – кандидат считался избранным.

Возвращения механических машин в выборную практику пришлось ждать более чем двадцать столетий, но произошло это событие уже на другом континенте. В середине XIX века чартисты в Великобритании предложили использовать машину для голосования, чтобы исключить возможность фальсификации результатов выборов. Но только в 1892 году в США появились рычажные машины для голосования, которые применялись на разных уровнях выборов. В кабинке для голосования избиратель нажимал на рычаг, а машина запоминала сделанный выбор. Машины для голосования производили компании «AVM» и «Shoup». Проверить итоги голосования на машине было нельзя, поскольку дублирования на бумаге записи голосов избирателей не было предусмотрено.

На следующей ступени эволюции автоматизированных систем голосования появились электронные машины, считывающие информацию с бюллетеня. В 1960-х годах такие машины были запатентованы в США,

² Staveley E. S. Greek and Roman Voting and Elections, Cornell Univ Pr, 1972. P. 62.

а в 1972 году – в Нидерландах. В 1974 году в США была изобретена система прямой записи волеизъявления избирателя на электронную машину. В англоязычной литературе для обозначения подобных машин используют аббревиатуру DRE (Direct Recording Electronic).

В 1996 году в США прошел первый эксперимент по интернет-голосованию. С тех пор подобные эксперименты были проведены в десятках стран мира. В 2007 году в Эстонии состоялись первые в мире общенациональные интернет-выборы. В 2011 году пионером интернет-голосования на Ближнем Востоке стали Объединенные Арабские Эмираты. На сегодняшний день только в этих двух странах интернет-голосование используется на общенациональных выборах как основной способ реализации активного избирательного права.

Таблица 1

Эволюция способов автоматизированного голосования

Дата появления	Способ голосования	Страна
Механический IV в. до н.э.–1960-е гг.		
IV в. до н.э.	Каменная стела, на которой размещались таблички с именами кандидатов и желоб с черными и белыми шарами для жеребьевки	Афины
1892 г.	Рычажная машина для голосования (чтобы проголосовать, нужно нажать на рычаг). Производство наладили компании «AVM» и «Shoup»	США
1930-е гг.	Рычажные машины использовались на выборах в крупных городах США	США
Электронный 1960–н.в.		
1962 г.	Машина оптического сканирования, считывающая информацию с бюллетеней	США
1964 г.	Компьютер, считывающий информацию с перфокарт. Производителем устройств стала компания «Votomatic»	США
1972 г.	Компания «Nedar» создала первую европейскую электронную машину для голосования	Нидерланды
1974 г.	Запатентована система прямой машинной записи результатов голосования	США

1980–1990-е гг.	Эксперименты по использованию электронных машин для голосования	Бельгия; Бразилия; Великобритания; Венесуэла; Индия; Италия; Нидерланды; США; Франция
1998 г.	Первые федеральные выборы с использованием электронных машин как единственного способа голосования	Бразилия
Дистанционный 1990–н.в.		
1990–2000-е гг.	Эксперименты по проведению интернет-голосования	Австралия; Болгария; Великобритания; Дания; Испания; Канада; Нидерланды; Россия; США; Франция; Швейцария; Эстония
2000 г.	Эксперимент по интернет-голосованию реализован на выборах президента США. Через интернет смогли проголосовать избиратели, находящиеся за рубежом	США
2007 г.	Первое в мире интернет-голосование на парламентских выборах в Эстонии	Эстония

Карта распространения электронного голосования по миру

Рис. 1

Эксперименты по внедрению электронных технологий голосования весьма дорогие, поэтому далеко не все страны располагают ресурсами для их проведения. Однако ограниченность распространения электронного голосования по миру связана не только с дефицитом ресурсов. Например, в Африке к проблеме бедности добавляются сложные климатические условия и отсутствие инфраструктуры. В Европе переход на электронное голосование сдерживается неудачными примерами Ирландии, Германии и Голландии. На выборах в этих странах применялись электронные машины голландской компании «Nedar». Эксперты пришли к выводу, что оборудование не обеспечивало тайну голосования и допускало фальсификацию результатов выборов.

Таблица 2

Использование электронных систем голосования в мире

По всей стране	В отдельных регионах	Эксперименты или ограниченное использование	Интернет-голосование
Бельгия; Бразилия; Бутан; Венесуэла; Индия; Кыргызстан; Монголия; Намибия; Парагвай; Филиппины	Гватемала; Канада; Мексика; США; Франция; Швейцария;	Австралия; Аргентина; Армения; Бангладеш; Болгария; Великобритания; Гватемала; Германия; Индонезия; Ирландия; Испания; Италия; Казахстан; Коста-Рика; Непал; Норвегия; Перу; Россия; Румыния; Филиппины; Шотландия; Эквадор; Япония	Объединенные Арабские Эмираты; Эстония

Основным способом формирования выборных органов власти электронное голосование стало в 12 странах. В остальном мире власти действуют осторожно и ограничиваются экспериментами. Далее подробнее рассмотрим опыт электронного голосования на парламентских выборах в Кыргызской Республике. Этот прецедент интересен с позиций рисков и преимуществ, которые дает такая форма голосования, и возможностей использования зарубежного опыта в России.

Электронное голосование в Кыргызской Республике

Последний удачный пример использования оптических машин сканирования бюллетеней – это парламентские выборы в Кыргызской Республике, состоявшиеся 4 октября 2015 года. После тестирования машин

для голосования на местных выборах они были применены на общенациональных парламентских выборах. Реализацию активного избирательного права обеспечивали 3695 электронных машин. В реестр избирателей Кыргызстана было внесено 2761 297 граждан страны.

На парламентских выборах в Кыргызстане были внедрены биометрические технологии идентификации избирателей. Для участия в выборах гражданам нужно было пройти дактилоскопию и фотографирование. Только в этом случае гражданин регистрировался в реестре избирателей. Таким образом, проголосовать можно было только при наличии биометрических сведений об избирателе.

Явка на парламентских выборах составила 59 процентов. Заградительный барьер в 7 процентов преодолели 6 политических партий. Благодаря использованию электронных машин и прозрачной процедуре проверки работы оборудования, избиратели, кандидаты, наблюдатели и эксперты признали результаты выборов легитимными и не вызывающими сомнения.

Интервью с экспертами

Об опыте электронного голосования в Кыргызстане и перспективах его развития в России мы поговорили с экспертами, которые были участниками делегации ЦИК России в составе Миссии наблюдателей от СНГ для наблюдения за выборами депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. Нашими собеседниками стали действительный государственный советник 3-го класса, кандидат юридических наук А. С. Пучнин и председатель Координационного совета НПО по защите избирательных прав граждан, кандидат психологических наук И. В. Богданов.

А. С. Пучнин в течение десяти лет проработал в системе избирательных комиссий Российской Федерации. С 2006 по 2012 годы он возглавлял Избирательную комиссию Тамбовской области, а с 4 июля 2012 года по 22 апреля 2016 года был председателем Санкт-Петербургской избирательной комиссии.

– Алексей Сергеевич, какие особенности применения электронных технологий голосования на парламентских выборах в Кыргызстане Вы можете выделить?

– В Кыргызской Республике в 2015 году на выборах в национальный парламент впервые в истории этой страны были использованы электронные машины для голосования, которые были предоставлены Южной Кореей. Электронная машина давала предварительные итоги голосования, для установления окончательных итогов необходимо было выполнить ручной пересчет. Конструкция машины очень проста и не требовала специальной подготовки для оператора.

Организаторы выборов в Кыргызстане хотели добиться отсутствия споров по итогам голосования, и это им удалось. Избиратели получали

бюллетени только после биометрического контроля и не могли проголосовать несколько раз. Аналогичный подход можно применить в России, но для этого нужно, чтобы базы данных ФМС России были адаптированы к нуждам избирательных комиссий.

– Как Вы оцениваете опыт применения электронных технологий голосования в России?

– Известно, что сейчас остановлена федеральная программа по производству КОИБ, и об этом я говорю с явным сожалением, потому что электроника стремится к упрощению. Можно подумать и о других моделях КОИБ, а не только о тех, которые применяются сейчас, поскольку техника совершенствуется. Электронные машины дают нам отсутствие споров не только на избирательных участках, но и в масштабах всей политической системы. Сейчас у нас нет задуманного прогресса, использование электронных машин для голосования не покрывает большую территорию.

Приведу пример выборов в городе Ломоносов, этот город входит в границы Санкт-Петербурга. На всех 18 избирательных участках города применялись КОИБ-2010, которые явно сложно обслуживать. Техника устаревает, её нужно подстраивать под наши привычки.

Но даже старые модели КОИБ позволили исключить споры с любого участка не только за счет того, что мы смогли быстро установить итоги голосования на каждом участке, но и благодаря тому, что привлекли к изучению КОИБ всех кандидатов, а также гражданских активистов.

Презентация КОИБ состоялась на Исаакиевской площади в самом центре Санкт-Петербурга. Участники избирательной кампании могли задавать самые сложные вопросы, проверять машины на возможность использования недопустимого программного обеспечения и фальсификации выборов, если такой вопрос ставился. Итогом активного общественного препарирования стало то, что даже представители оппозиционно настроенной части гражданского общества в составах участковых комиссий выступили с поддержкой использования КОИБ, поскольку стало ясно, что изменить результаты голосования нельзя.

Кроме быстрого подсчета результатов голосования, мы получили второй эффект. Системе организации выборов в отдельно взятом городе было возвращено доверие, а это нельзя оценить в деньгах. Хотя, техника дорогая. Каждый аппарат стоит около 150 тысяч рублей, плюс эксплуатационные расходы в размере 14–15 тысяч рублей. Но доверие к системе и к результатам выборов в деньгах нельзя выразить, а вот недоверие можно выразить в протестных акциях, в последующем недоверии к институтам публичной власти, которые, как мне кажется, выбраны непрозрачными способами. В итоге может возникнуть социальная напряженность, которая негативно повлияет и на экономическую ситуацию.

Поэтому я поддерживаю применение любых электронных устройств, обеспечивающих прозрачность процедур, которые на самом деле имеют

только одну цель – они должны заменить человека. На избирательном участке машина должна заменить человека, чтобы исключить возможность любого влияния на результаты голосования. Необходимо совершенствовать технику. КОИБ-2010 был изобретен в прошлом веке. Сейчас есть более надежные машины с удобным софтом.

– **Считается, что интернет-голосование оправдано в основном для избирателей, находящихся за рубежом; живущих в труднодоступных населенных пунктах и для избирателей с ограниченными физическими возможностями. Есть ли реальные перспективы у интернет-голосования в России?**

– Зачем ограничивать круг возможных интернет-избирателей этими тремя категориями? В этом случае мы исключаем из круга избирателей лиц в возрасте 18–35 лет, для которых интернет – привычная среда общения. Интернет должен быть общим инструментом реализации активного избирательного права для всех категорий граждан вне зависимости от их статуса и географического положения.

Интернет – область нового знания, но ещё не полностью освоенного. Интернет сегодня является инструментом для незаконных банковских транзакций, хотя банки тратят на защиту своих сервисов большие деньги. До сих пор около 80 процентов интернет-контента является информацией порнографического содержания. Поэтому делать интернет инструментом голосования нужно очень осторожно. Нужно понимать, что именно мы управляем интернетом, а не наоборот. Отданный нами голос, пройдя от персонального компьютера избирателя к серверу, накапливающему информацию, не должен измениться. Пока такой инструмент верификации отсутствует.

В США в начале 2000-х годов в ряде штатов провели эксперимент по интернет-голосованию, но итоги этих выборов были засекречены. Интернет должен быть простым инструментом, как кабина для тайного голосования, где избиратель сам ставит отметку в бюллетене, а потом сам опускает бюллетень в ящик для голосования, осознавая, что в этот момент никто его голос не изменит. В Интернете нужно создать защищенные каналы передачи информации, только тогда дистанционное голосование на выборах в России станет реальностью.

Председатель Координационного совета НПО по защите избирательных прав граждан, кандидат психологических наук И. В. Богданов поделился с нами своими впечатлениями об опыте электронных выборов в Кыргызстане.

– **Игорь Васильевич, можно ли утверждать, что использование электронного голосования на парламентских выборах в Кыргызстане положительно сказалось на доверии избирателей к выборам?**

– Безусловно, самым главным достижением использования технических средств идентификации избирателей и голосования (электронный

стационарный ящик для голосования) на выборах в Кыргызстане явилось доверие к выборам и их результатам. Имеющиеся незначительные проблемы с использованием электронного голосования никоим образом не повлияли на доверие к выборам и их результатам.

– Известно ли о проблемах внедрения электронного голосования в Кыргызстане?

– Прошу учесть, что здесь я выражаю только свое мнение. Не исключаю, что оно может не совпадать с другими точками зрения. Итак, о проблемах. Данные о результатах голосования в УИК с каждого сканирующего устройства передаются через открытое интернет-пространство, что создает угрозу фальсификации результатов голосования. Кроме того, при ручном пересчете бюллетеней, слабо подготовленные комиссии подгоняли результаты голосования на избирательном участке под протокол электронного устройства.

На 60 процентов избирательных участков, где мне удалось побывать, нарушался регламент подключения сканирующего устройства к интернету. По закону только строго после 20:00 (время окончания голосования) сканирующие устройства должны были быть подключены к интернету. А на самом деле сканеры были подключены к передающему устройству с самого начала работы участковой избирательной комиссии, т.е. с 8:00.

Процедура биометрической идентификации в день голосования только по базе избирателей только своего участка сравнима со стрельбой из пушки по воробьям. При этом тем, кто заранее не прошел биометрическую регистрацию, было отказано в голосовании. Идентификацию в день голосования можно проводить при помощи других, менее затратных и достоверных процедур (паспорт, регистрация, ID-номер и т.д.).

– Как отнеслись к внедрению электронного голосования основные политические игроки и население?

– По моим наблюдениям, крайне положительно. Объективность технических средств (по сравнению с человеком) никем не ставилась под сомнение. Использование электронного голосования практически полностью исключило возможность «административного давления» на избирательные комиссии, создало условия для сосредоточения на соблюдении процедурных моментов. Техника выступала высшей силой, на которую не может повлиять человек. Ситуация, в которой, благодаря техническим устройствам, результаты голосования на конкретном избирательном участке становятся достоянием наблюдателей (общественности и граждан) буквально через 5 минут после окончания голосования, устраивает всех. Времени на скандалы и «договоренности» уже нет.

– Как Вы думаете, почему власти страны решились на радикальную модернизацию избирательной системы?

– Я бы не стал всё происходящее в избирательной системе Кыргызстана называть радикальной модернизацией. Это скорее разумное совер-

шенствование, начало модернизации, факторы которого лежат в волнениях, которые мы наблюдали в Кыргызстане в период республиканских избирательных кампаний прошлых лет. Предотвращение подобных волнений в значительной степени выступало фактором инновационного внедрения электронного голосования. Поэтому вектор «объективизации подсчета результатов голосования и сокращения времени на эту процедуру» (на вызревание протеста) выбран абсолютно правильно. В эпоху «оранжевых революций» этот вектор модернизации может служить хорошим лекарством. Выборы в Кыргызстане это наглядно продемонстрировали.

Опрошенные эксперты позитивно оценили опыт применения электронных технологий голосования на выборах в Кыргызстане, подчеркнув, что все политические силы страны выступили с поддержкой электронного голосования. Организаторы выборов минимизировали время подсчета результатов голосования, снизили влияние «человеческого фактора», обеспечили прозрачную процедуру проверки работы машин, тем самым создали условия для легитимации выборов.

Вместе с тем, электронные выборы не были лишены недостатков, повторение которых необходимо предупредить в будущем. Данные об итогах голосования на УИК нельзя передавать по незащищенным каналам связи. В Кыргызстане данные с каждого сканирующего устройства передавались в вышестоящие комиссии через интернет. В эпоху кибератак результаты выборов могут быть легко сфальсифицированы. Кроме того, члены избирательных комиссий допускали нарушения порядка подключения электронных машин для голосования к Интернету.

Основные тенденции электронного голосования в мире

В современных политических системах электронные технологии приобретают всё большее значение в коммуникациях по поводу власти. Электронное голосование как форма реализации избирательных и референдумных прав граждан является новым феноменом политической жизни общества и может оказывать как легитимирующее, так и делегитимирующее влияние на выборы. Для того, чтобы обеспечить легитимность выборов, необходимо выработать набор требований, которым должно соответствовать электронное голосование.

Обобщение опыта внедрения электронного голосования в 12 странах мира позволяет отметить ряд важных тенденций, продиктованных соображениями практической целесообразности и необходимостью соблюдения основных принципов избирательного права.

Во-первых, большинство стран, перешедших к использованию электронных систем голосования, сделали это не из-за абстрактного желания внедрять достижения технического прогресса, а из-за насущных проблем выборной практики, которые требовали эффективных решений. Например,

импульсом к внедрению электронного голосования в Индии стали скандалы с крупными фальсификациями и проблема неграмотных избирателей. В Бразилии в 1990-е годы и в Индии в 2000-е годы, благодаря использованию электронного голосования, были решены проблемы абсентеизма и недоверия к избирательной системе.

Эксперименты с электронными системами голосования всегда очень дорогие, но они необходимы для тестирования способов голосования, оценки рисков и преимуществ в уникальных условиях конкретного государства. Например, эксперимент с электронным голосованием в четырех областях Италии в 2006 году стоил 34 миллиона евро, на Филиппинах пилотный проект обошелся в 150 миллионов долларов, в Ирландии тестирование электронных машин обошлось в 54 миллиона евро³.

Очевидно, что доверие к институту выборов важнее миллионов расходов на эксперименты, поскольку от результатов голосования зависит будущее общества и государства. Эксперименты помогают организаторам выборов понять, какие проблемы может решить электронное голосование и какие риски оно несет.

Во-вторых, электронное голосование должно обеспечивать основные принципы избирательного права: свободу выбора и тайну голосования; всеобщее и равное избирательное право. Если власти страны решились использовать новые технологии на выборах, то необходимо неукоснительно следить за соблюдением прав избирателя, стремиться к тому, чтобы электронное голосование усиливало защиту тайны и свободы выбора.

На сегодняшний день единственным международным правовым актом, который определяет стандарты электронного голосования, выступает Рекомендация Комитета министров Совета Европы по правовым, организационным и техническим стандартам электронного голосования⁴. В этом документе описаны требования к условиям проведения электронных выборов.

Составители Рекомендаций опираются на практику электронного голосования в странах Европы и на важнейшие международно-правовые документы в области избирательного права. Такие, как Всеобщая декларация прав человека 1948 года, Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года, Протокол № 1 к ней 1952 года, документ Копенгагенского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ 1990 года.

³ The end of the voting machine: [веб-сайт]. URL: file:///C:/Users/1/Downloads/White%20Paper%20NASS%20-%20Updated%207-2-14%20AG.pdf.

⁴ Council of Europe, Legal, Operational and Technical Standards for E-Voting, 2004.: [веб-сайт]. URL: [http://www.coe.int/t/dgap/democracy/activities/key-texts/recommendations/Rec\(2004\)11_Eng_Evoting_and_Expl_Memo_en.pdf](http://www.coe.int/t/dgap/democracy/activities/key-texts/recommendations/Rec(2004)11_Eng_Evoting_and_Expl_Memo_en.pdf); McGaley M., Gibson J. A Critical Analysis of the Council of Europe Recommendations on E-voting Standards: [веб-сайт]. URL: https://www.usenix.org/legacy/event/evt06/tech/full_papers/mcgaley/mcgaley.pdf.

По мнению составителей Рекомендации, для соблюдения основных принципов избирательного права необходимо выполнить ряд условий. В частности, электронная машина для голосования или интернет-сервис должны быть простыми в использовании и доступными для лиц с ограниченными возможностями; каждый электронный голос должен быть посчитан только один раз; при голосовании необходимо исключить любое влияние на принятие избирателем решения; электронная система голосования не должна иметь возможности узнать, как проголосовал избиратель.

Несомненной проблемой в области международного права является отсутствие стандартов проведения электронного голосования. Рекомендации Совета Европы до сих пор остаются единственным подобным документом. Для выработки единых требований к электронному голосованию необходима совместная работа экспертов из разных стран мира. На площадке ООН могут работать эксперты из таких международных организаций, как Ассоциация организаторов выборов стран Европы, Экспертный центр по электронному голосованию и участию в выборах, Международный фонд избирательных систем, Избирательный институт Южной Африки, БДИПЧ, а также российские РОИИП и РЦОИТ при ЦИК России.

Выработка международных стандартов электронного голосования создаст правовую базу и будет способствовать распространению современной избирательной практики по всему миру.

В-третьих, общество очень настороженно относится к любым новеллам в политической сфере, поэтому успех электронного голосования будет зависеть от доверия избирателей, а заручиться доверием можно только при использовании прозрачного механизма голосования и верификации результатов выборов. Во всех странах, где электронное голосование сегодня применяется на общенациональных выборах, длительное время проводились эксперименты и разъяснительная работа с населением. Например, в Бразилии от первого эксперимента до законодательного закрепления электронных выборов прошло 7 лет, а в Индии – 21 год. За это время большая часть населения привыкла к новым технологиям голосования и приняла их.

При внедрении электронной системы голосования у граждан во всех странах мира возникал один и тот же закономерный вопрос: как проверить корректность работы электронной машины? Если бюллетени можно пересчитать вручную и развеять сомнения, то как удостовериться, что электронная машина не ошиблась при подсчете голосов?

Эта проблема решалась везде по-разному. На выборах в Бельгии в качестве бюллетеня используется магнитная карта: чтобы проголосовать, её нужно вставить в электронную машину и сделать выбор, после чего машина запишет результаты голосования на магнитный носитель. Избиратель забирает магнитную карту и вводит её в другую машину – электронный ящик для карт, считывающий информацию с карты, и вы-

дает итоговый результат. Если избиратель хочет убедиться, что его голос зафиксирован корректно, то перед вводом в электронный ящик можно проверить запись на карте в другой машине для голосования, которая покажет, за кого отдан голос.

В Индии результаты выборов можно проверить, распечатав голосование избирателей в хронологическом порядке на бумаге. В Бразилии для проверки корректности работы электронных машин используются другие машины или программное обеспечение. В Кыргызстане первоначальный подсчет голосов избирателей выполнялся машинами, а затем бюллетени считали члены избирательных комиссий.

Результаты выборов будут не легитимными, если не удастся обеспечить понятный механизм верификации. Мировой опыт электронного голосования требует, чтобы процедуру проверки результатов выборов мог выполнить человек, не обладающий юридическими и техническими знаниями. Только в случае выполнения этого требования можно ожидать от общества доверия к электронному голосованию.

В-четвертых, для организации выборов должны использоваться оборудование и интернет-сервис, соответствующие единому стандарту. Только в этом случае в разных регионах страны удастся обеспечить равные условия проведения выборов. Ситуация, когда в каждом регионе действует свое законодательство, регламентирующее проведение электронных выборов, приведет к нарушению целостности правовой системы избирательного законодательства.

Какой способ электронного голосования подойдет для России?

Наша страна отличается многообразием социальных, географических, и экономических условий, а также устойчивыми традициями «бумажного голосования», поэтому радикальная смена способа голосования и отказ от использования бумажных бюллетеней вряд ли встретят консолидированную поддержку общества. Очевидно, что переход на электронное голосование положительно воспримет молодежь и люди среднего возраста, проживающие в крупных городах. Для них такой переход будет закономерным этапом модернизации института выборов. В то же время люди старшего поколения и жители сельской местности, где цифровые технологии менее развиты, не смогут в полной мере оценить все преимущества электронного голосования.

Одним из путей решения проблемы может быть сочетание традиционного и электронного способов голосования, чтобы у избирателей оставалась возможность выбора. Гибридная форма голосования предусматривает сохранение традиционного бумажного бюллетеня наряду с использованием электронных машин «прямой записи». Если участки для

голосования оборудуют двумя типами электронных машин – КОИБ и КЭГ в соотношении 50 на 50, то будет обеспечено и бумажное, и электронное голосование. Так будут учтены интересы разных социально-демографических групп общества. Но при этом финансовые затраты и сложности при составлении протоколов об итогах голосования на избирательных участках могут свести на нет все преимущества этой формы организации голосования. Очевидно, что такая форма при всей привлекательности будет нежизнеспособной.

Гораздо более перспективной формой электронного голосования на избирательных участках выглядит голосование при помощи машин прямой записи результатов голосования. России стоит обратить внимание на опыт Индии и Бразилии, где такие машины успешно применяются более 10 лет. Для общероссийских масштабов электронного голосования нужно значительно снизить стоимость оборудования. Это возможно только при организации открытого конкурса, участники которого представят свои варианты машин для электронного голосования.

Интернет-голосование не свободно от рисков и требует длительных экспериментов. Дистанционное голосование наиболее целесообразно проводить среди трех категорий избирателей: жителей труднодоступных населенных пунктов, граждан с ограниченными возможностями и россиян, находящихся за рубежом. Дистанционное голосование позволит повысить электоральную активность и снизить расходы на проведение выборов. В настоящее время компания «Ростелеком» реализует программу устранения цифрового неравенства, в рамках которой к 2018 году более 13,5 тысяч населенных пунктов с численностью населения от 250 до 500 человек будут обеспечены широкополосным доступом в интернет. Таким образом, будет построена телекоммуникационная инфраструктура, необходимая для развития электронного правительства и голосования через интернет.

Если интернет-голосование будет проводиться в масштабах всей страны, то эффект от него выразится в значительном росте электоральной активности жителей городов, и особенно молодежи, экономии средств на проведении выборов и снижении нагрузки на членов избирательных комиссий в день выборов.

Для идентификации избирателя при голосовании через Интернет может быть использована универсальная электронная карта с электронной подписью её владельца. Чтобы проголосовать, нужно зайти на сайт, созданный для интернет-голосования. После идентификации избирателю откроется доступ к электронному бюллетеню. Все этапы голосования должны подвергаться верификации, а сам процесс голосования должен напоминать совершение транзакции в онлайн-банке. Можно с уверенностью сказать, что практически все читатели данной статьи несколько раз в месяц пользуются онлайн-банком. У нас сформировалась привычка

и доверие к электронным платежам, так почему же схожую процедуру нельзя применить для реализации активного избирательного права?

О надежности электронного голосования

Часто говорят, что выборы – это предсказуемый процесс с непредсказуемыми результатами. Так должно быть, но зачастую ошибки при подготовке и проведении выборов, использование неисправного или непроизводительного оборудования приводят к тому, что и процесс становится непредсказуемым. Эксперты сломали немало «полюемических копий», обсуждая вопросы надежности и безопасности электронного голосования, поэтому остановимся только на принципиально важных условиях.

Во-первых, электронные выборы в России должны проводиться с использованием единой платформы машин для голосования и единого интернет-сервиса. Это обеспечит равенство условий и целостность правового поля.

Во-вторых, в современной напряженной геополитической обстановке изготовителем машин для голосования и интернет-сервисов может быть только российская компания. Корректность работы оборудования для голосования должна сертифицироваться независимым контролирующим органом, в состав которого, помимо технических специалистов и экспертов, должны входить представители общественности, политических сил и СМИ.

В-третьих, конкурирующие политические силы должны иметь доступ к наблюдению за работой системы подсчета голосов наряду с организаторами выборов. Только так можно обеспечить прозрачность процедуры.

Значение и объем использования электронного голосования будет расти по всему миру, и тут Россия не исключение. Новые технологии обеспечивают автоматизацию и высокую скорость подсчета результатов голосования, а также увеличивают явку избирателей.

Потенциал для развития электронных систем голосования в России огромен. По состоянию на ноябрь 2016 года проголосовать при помощи электронных машин можно лишь на одном проценте избирательных участков. Опираясь на мировой опыт использования электронного голосования, организаторы выборов в России могут избежать многих проблем, которые стали непреодолимыми барьерами на пути внедрения современных способов голосования в других странах. Прежде всего, подразумеваются проблемы, связанные с недоверием к системе подсчета голосов, которая напоминает «ящик Пандоры», а также проблемы с обеспечением верификации результатов выборов и независимой проверки оборудования для голосования.

Любая политическая система современности, в том числе российская, не может сохранять баланс интересов в обществе, если не использует для коммуникации и выработки управленческих решений инструменты

цифрового века. Электронное голосование является собой блестящий пример сочетания передовых достижений науки и техники и современных представлений о развитии гражданского общества и электронном правительстве. При строгом соблюдении процедур, электронное голосование выступает мощным источником легитимности выборов.

Для всестороннего изучения этого феномена нам нужно не только узкопрофессиональное, а широкое общественное обсуждение. Нам нужны исследования на эту тему для глубокого понимания, как можно избежать многих проблем и использовать значительные преимущества электронного голосования. Не вызывает сомнений, что будущее российских выборов связано с электронным голосованием, остается лишь ответить на вопрос, каким оно будет: близким или далеким?

В.В. ЛУГОВОЙ

Домой, в Россию!

**(почтовые и филателистические материалы
о референдуме 16 марта 2014 года о воссоединении
Крыма и Севастополя с Россией)**

События в Крыму и Севастополе, приведшие к референдуму 16 марта 2014 года, подписанию и ратификации Договора о принятии Республики Крым в Российскую Федерацию и образованию в её составе новых субъектов Федерации – Республики Крым и города федерального значения Севастополя, на долгие годы станут особо памятной страницей современной российской истории. Сегодня они получили звучное собирательное наименование «Крымская весна».

Несомненно, что в скором времени сегодняшние и будущие школьники и студенты, ученые и другие исследователи станут подробно изучать хронологию тех событий, анализировать причины и предпосылки, приведшие к восстановлению исторической справедливости и воссоединению полуострова с Россией.

Небезынтересным материальным свидетельством тех памятных дней и событий стали разнообразные почтовые и филателистические материалы, в особенности, – частные выпуски марок, художественных конвертов, карточек и открыток, а также специальных гашений, приуроченные непосредственно к событиям Крымской весны, а также к первой и второй ее годовщинам.

Возвращение домой – на пути к референдуму 16 марта 2014 года

В 2014 году, благодаря инициативе отдельных российских и украинских коллекционеров, была выполнена во многом уникальная общественная миссия по выпуску разнообразного почтового и филателистического материала, запечатлевшего неповторимый дух того времени и общественные настроения на полуострове. Целью его была популяризация проведенного в Крыму и Севастополе референдума, отразившего волю подавляющего

ЛУГОВОЙ Валерий Викторович – начальник отдела организационно-контрольной работы и связи с общественностью Избирательной комиссии Калужской области

числа жителей полуострова связать свою судьбу и свое будущее с Российской Федерацией.

Автор настоящей статьи сформировал собрание таких материалов из более, чем 120 экземпляров различных видов и предложил отдельным коллекционерам поделиться воспоминаниями об их подготовке и выпуске. По нашим сведениям, над изданием почтовых и филателистических свидетельств по темам Крымской весны трудились художники, дизайнеры и собиратели Калининградской, Калужской, Кировской и Нижегородской областей, Москвы, Симферополя и Севастополя, а также различных городов и регионов Украины.

И, хотя частные выпуски, посвященные этим событиям, далеко не всегда соответствовали требованиям Всемирной почтовой конвенции (а потому не могут считаться полноценными филателистическими материалами), для российской общественности они всегда будут представлять историческую ценность как яркие наглядные материалы о Крымской весне. По сути, такое же значение для украинских коллекционеров имеют частные выпуски марок с атрибутом «Полевой почты Майдана», изданные в Киеве в революционные дни 2014 года и засвидетельствовавшие кардинальные политические и идеологические изменения в соседней с нами стране.

В этом ряду первым своеобразным филателистическим свидетельством подготовки референдума на полуострове стал перфорированный марочный лист из шести марок, расположенных в два ряда, и с надписью в нижнем поле листа «Референдум – 16 марта 2014». Этот лист стал ярким свидетельством широкого общественного движения в Крыму в поддержку референдума за воссоединение с Россией. На всех марках и в нижнем поле листа воспроизводились фотографии тех дней, на которых были запечатлены массовые митинги жителей полуострова, вышедших с самодельными плакатами «Требуем референдум!», «С Россией в Крыму мир!», «Референдум! Фашизм не пройдет!» и флагами автономии на площади и улицы городов в стремлении связать свою судьбу и свое будущее с Российской Федерацией.

На каждую марку также были помещены надписи «Крым» и их английский перевод «Crimea». Здесь же указывалась номинальная стоимость выпуска в виде цифры «10» и год издания – «2014», что полностью соответствовало международным правилам к содержанию почтовых миниатюр. Формат листа составил 103x147 мм, формат каждой марки – 33x45 мм.

Крымский лист вошел в серию частных марочных листов, популяризовавших тему референдумов в южных и юго-восточных областях Украины о самоопределении своих территорий после государственного переворота, совершенного в Киеве в феврале 2014 года.

По нашим подсчетам, вся «референдумная» серия состояла из 17 листов с 86 марками, посвященных широкому общественному движению, возникшему в то время в Автономной Республике Крым, Донецкой,

Днепропетровской, Запорожской, Луганской, Николаевской, Одесской, Харьковской и Херсонской областях. Это движение было неподконтрольно новому украинскому правительству, от которого оно безответно требовало соблюдения интересов русскоязычного населения и федерализации Украины. По сообщению киевского коллекционера Андрея Сизова, вся серия марочных листов была изготовлена в Харькове. Тираж листов неизвестен – предположительно, не более 500 экземпляров каждого выпуска. В настоящее время на территории современной Украины распространение этих марок незаконно и наказуемо.

Еще одна частная миниатюра, посвященная референдуму 16 марта 2014 года, была выпущена в российском областном городе Кирове. Как свидетельствует помещенная на ней информация, тираж этой своеобразной марки составил всего 30 штук, формально выраженный номинал – 35 рублей, а непосредственным издателем стал местный клуб филателистов. На марке изображен контур полуострова в цветах российского триколора с двуглавым орлом золотого цвета, а в поле включены две надписи: «Крым – это Россия!» и «16.03.2014. Референдум». Сегодня крымский марочный лист и кировская миниатюра вызывают особый интерес у собирателей и, без сомнения, со временем станут коллекционной, хотя и квазифилателистической, редкостью.

Пожалуй, наиболее значимым и без преувеличения уникальным массивом среди частных немаркированных почтовых материалов, посвященных событиям Крымской весны, стали художественные конверты, подготовленные и изданные А.В. Родкевичем, коллекционером из города Гвардейска Калининградской области и одним из его севастопольских коллег¹. Благодаря их давним собирательским связям, регулярному филателистическому обмену и взаимодействию, была разработана и реализована тема воспроизведения на конвертах памятных событий в Крыму и Севастополе.

Ценность такого коллекционного массива в том, что сюжеты конвертов в достаточно полной мере отразили не только хронологию событий, но и настроения жителей полуострова. Издателям удалось художественными средствами передать глубину общественных переживаний в различные периоды, до и после проведения референдума: от организации отрядов самообороны для защиты от провокаций экстремистов и украинских националистов, проведения агитации по вопросам, вынесенным на голосование, популяризации деятельности лидеров Крымской весны С.В. Аксенова, В.А. Константинова и А.М. Чалого, до убедительного ответа жителей на вопрос о воссоединении с исторической Родиной и принятия Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации.

¹ По просьбе севастопольского коллекционера мы не называем его имени, т.к. до сих пор в его адрес поступают угрозы в связи с активной позицией в событиях Крымской весны.

В те дни калининградский коллекционер А. В. Родкевич, как и многие россияне, внимательно наблюдал за бурными событиями 2014 года на Украине и не смог не отреагировать на сообщения о назначенном референдуме. Через год с небольшим в письме к автору статьи он следующим образом описал это время: «По поводу инициативы... Наверное, да, я – зачинщик. С севастопольским коллегой у нас давние связи – приобретал у него несколько раз конверты и хмк (художественные маркированные конверты – В.Л.) по своим темам. И тут, с год назад, в прессе проходит сообщение о готовящемся проведении референдума в Крыму и Севастополе. Если есть время для подготовки, то почему бы и не отметить такую историческую дату? Причем о дальнейшем развитии событий не было никаких догадок. Поискал в интернете соответствующие рисунки, отослал их коллеге. Часть из них была использована, но авторство большей части принадлежит ему. А он уже на месте распечатал макеты конвертов и после голосования, в котором тоже принимал участие, погасил эти конверты на главпочтамте Севастополя. Существенный недостаток – использование устаревших украинских марок, не в тариф действовавшей тогда стоимости пересылки простого письма. Причем сразу было ясно, что через Киев конверты такой тематики попросту не пройдут. Из-за этого не стали и заморачиваться с заказными отправлениями. Поэтому главной задачей стояло изготовление конвертов и гашение их 16 марта в Севастополе. А марки были наклеены те, которые оказались в наличии. Конечно, филателистически верным было наклеить на каждый конверт хотя бы стандартные марки по тарифу, но тут, что было сделано, то сделано. Моей неосуществленной мечтой было бы использование марок «Севастополь», выпущенных украинской почтой в 2005 году».

Когда через несколько дней было принято решение о включении Крыма в состав России, коллега допечатал еще несколько конвертов и погасил их датой 21 марта – когда юридически Крым и Севастополь были включены в состав Российской Федерации. Дизайн этой серии изменений практически не претерпел, на некоторых даже осталась надпись «16 марта – референдум». Как справедливо отмечал мой коллега, «референдум явился отправной точкой и основанием для всех последующих событий в Крыму».

В самом Севастополе, непосредственно в гуще событий, для изготовления вышеназванных материалов использовались обыкновенные чистые конверты массового тиража «Укрпошты» без рисунка, с пунктирной линией для адресации. После утверждения сюжетов конверты поступили в полиграфическую мастерскую, и там на них были нанесены надписи и рисунки по различным темам предстоящего референдума и воссоединения Крыма с Россией.

Только небольшая часть конвертов была изготовлена самостоятельно из белой офсетной бумаги с печатью необходимого рисунка на цветном

принтере. Такие конверты были разного формата как стандартного, так и «европейского» (удлиненного), зато рисунок и надписи на них выглядели более ярко и выразительно, чем на конвертах, прошедших через полиграфическую мастерскую. «Самодельные» конверты обладали еще одним замечательным преимуществом. Простота в их изготовлении позволяла оперативно нанести любой актуальный сюжет или надпись, чем значительно усиливался «событийный» эффект каждого нового почтового материала.

Тиражи конвертов были небольшими (с учетом допечаток – несколько десятков штук того или иного вида), но свою задачу – отразить умонастроения жителей полуострова и запечатлеть события Крымской весны они выполнили.

По нашим подсчетам, всего к памятным мартовским дням 2014 года совместными усилиями калининградского и севастопольского филателистов были подготовлены и изданы художественные конверты с 17 различными сюжетами, на каждом из которых помещался красочный агитационный баннер с различными надписями: «16 марта. Референдум», «Севастополь – Крым – Россия», «16 марта. Общекрымский референдум», «За русское единство в Крыму!», «Отстаивайте же Севастополь!». Стилистика и шрифты баннеров были взяты с работавшего в те дни сайта общекрымского референдума.

Из этого значительного коллекционного ряда нами, в первую очередь, классифицированы те конверты, на которых рисунок изготавливался полиграфическим способом, а также конверты с новыми сюжетами, отпечатанные собирателями самостоятельно на множительной технике. Разновидности рисунков (или схожие рисунки по типу) с включением дополнительных элементов или надписей, а также отличавшиеся цветовой гаммой, автором статьи, как правило, не учитывались.

Все выделенные сюжеты можно условно разделить на пять основных групп. В первую отнесем конверты, основной темой которых стала организация отрядов самообороны для защиты от посягательств экстремистов запрещенных в России радикальных националистических организаций «Украинская повстанческая армия» (УПА) и «Правый сектор». Для таких конвертов были выбраны следующие сюжеты: изображение вооруженного ополченца на фоне карты Крымского полуострова и фотография одного из известнейших символов Севастополя – Графской пристани, на фоне которой помещены запрещающие автодорожные знаки с перечеркнутыми названиями «УПА» и «Правый сектор» и фашистской символикой. Такие рисунки сопровождалась надписями «Фашизму нет!», «Стоп фашизм!» и «Все на референдум!». В верхней части конвертов в виде штемпельного оттиска красного цвета помещалось слово «Самооборона» в соседстве с цветным рисунком герба города Севастополя. Отметим, что часть названных сюжетов была широко распространена и издана в виде плакатов

или баннеров, размещенных в Севастополе в дни подготовки к предстоящему голосованию.

Тема самообороны, защиты города-героя и подготовки к референдуму 16 марта была продолжена на конвертах с известными всему городу эмблемами и словами «Защитим Севастополь!» и «Отстаивайте же Севастополь!». Они также получили широкое распространение в дни Крымской весны, издавались в виде наклеек и шевронов, помещались на листовках и плакатах, выпускались в виде иной сувенирной продукции и стали своеобразными символами патриотизма и готовности жителей противостоять любым провокациям и проявлениям экстремизма со стороны украинских последователей Степана Бандеры. Свое место они нашли и на художественных конвертах, став самостоятельным сюжетом для различных филателистических выпусков.

Один из рисунков воспроизводил эмблему, основой которой стал одноцветный вариант памятника затопленным кораблям, – знаменитого символа города с развевающимся российским военно-морским Андреевским флагом, примыкающим к монументу, и широким полем со словами «Защитим Севастополь!». Разновидностью этого сюжета стало изображение на части конвертов закругленной цветной георгиевской ленты вместо широкого одноцветного поля и дополнительной надписи – «Сбор средств». Рисунок другого конверта представлял не менее известную эмблему с пронзительными словами «Отстаивайте же Севастополь!», сказанными вице-адмиралом Владимиром Корниловым после смертельного ранения на Малаховом кургане в период Первой обороны города в октябре 1854 года. Воспроизводимая эмблема состояла из фрагмента памятника затопленным кораблям в виде бронзового орла в императорской короне с расправленными крыльями, держащего в клюве якорь и лавровый венок Славы. Орел увенчивал высокую колонну монумента, обрамленную полотнищем из георгиевской ленты, российского триколора и Андреевского флага.

К этой же группе филателистических материалов можно отнести конверт, на котором воспроизведен плакат «Крым. Великое возвращение», получивший широкое распространение в интернете. Фигуры знаменитых исторических личностей Петра I, Екатерины II, Александра Суворова и Георгия Жукова были совмещены с фотографиями так называемых вежливых людей или зеленых человечков – российских военнослужащих в камуфляжной форме без знаков различия, блокировавших в конце февраля – начале марта 2014 года базы Вооруженных сил Украины и иные стратегические объекты в Крыму и не допустивших кровопролития на полуострове во время самой острой фазы политического кризиса.

Вторую серию конвертов можно условно назвать персональной. В качестве основного сюжета на них были помещены портреты лидеров Крымской весны: председателя Совета министров Автономной Республики Крым

Сергея Валерьевича Аксенова, председателя Верховного Совета Владимира Андреевича Константинова и председателя координационного совета по созданию управления по обеспечению жизнедеятельности Севастополя («народного мэра») Алексея Михайловича Чалого. Именно они взяли на себя ответственность за сохранение мира и спокойствия на территории полуострова в период бурных политических событий на Украине, возглавили движение самообороны, обеспечили реализацию демократических процедур при проведении референдума 16 марта и подписали документы о воссоединении Крыма и Севастополя с Российской Федерацией. На дополнительных выпусках этой группы конвертов к портрету каждого лидера прибавилась георгиевская лента, ставшая в новой политической реальности не только символом противостояния оголтелым украинским националистам и экстремистам, но и символом народной победы добра над злом, символом воссоединения с исторической Родиной.

Сюжеты третьей группы были ориентированы на пропаганду конкретного результата на референдуме и на мобилизацию жителей полуострова для участия в голосовании. На нескольких конвертах были воспроизведены рисунки агитационных плакатов с бюллетенем, разделенным на две части. В нижней части помещались формулировки вопросов референдума с соответствующими квадратами для ответа, а в верхней – на фоне российского триколора располагались дата волеизъявления «16 марта» и агитационные лозунги: «Голосуй правильно!» или «Домой, в Россию!». Здесь же в квадрате, напротив вопроса «Вы за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации?» стояла набранная жирным шрифтом красная или черная «галочка» – известный символ волеизъявления. Второй квадрат, стоявший напротив вопроса «Вы за восстановление действия Конституции Республики Крым 1992 года и за статус Крыма как части Украины?», заполнен не был.

Художественный конверт с похожим, но принципиально иным наглядным рисунком был издан непосредственно в день голосования. На нем почти полностью воспроизводился бюллетень общекрымского референдума с ярко проставленной «галочкой» напротив вопроса о единстве с Россией, за который высказались более 96 процентов жителей полуострова из почти 82 процентов участников голосования. Тема выбора между двумя государствами была продолжена на конвертах, сюжет которых составили флаги Украины и России, развевающиеся напротив друг друга на ярком небесном фоне.

К четвертой группе можно отнести конверты, сюжет которых составили фотографии различных памятных мест Крыма и Севастополя или изображение герба Автономной Республики Крым. В частности, на одном из таких материалов была помещена фотография памятника затопленным кораблям, на другом – воспроизведен еще один интернетовский сюжет

с контуром карты полуострова, составленной из коллажа видовых фотографий различных административно-территориальных единиц республики.

Последняя пятая группа материалов была дополнительно выпущена ко дню официального принятия Крыма в состав Российской Федерации. На художественных конвертах с надписями «21 марта. Крым – Россия» и «21 марта. Севастополь – Россия» изображены российские, крымские и севастопольские флаги (с дополнением в виде фона физической карты полуострова), символизировавшие завершение долгожданного процесса воссоединения с Россией и образования в её составе новых субъектов Федерации – Республики Крым и города федерального значения Севастополя.

На большей части конвертов, изданных калининградским и севастопольским коллекционерами, украинские марки гасились 16 марта 2014 года штемпелем севастопольского главпочтамта. Через четыре дня 21 марта там же была погашена последняя, дополнительно выпущенная, партия конвертов.

Еще одна серия соответствующего филателистического материала была изготовлена по инициативе симферопольских коллекционеров. В качестве заготовок использовались чистые конверты формата А5, на которые цветным лазерным принтером были нанесены рисунки и надписи в память о ключевых политических событиях марта 2014 года. Помещенные на этих конвертах марки гасились обыкновенными штемпелями на симферопольском почтамте. Тираж этой серии неизвестен, но, по разным оценкам, он мог составлять от 100 до 150 экземпляров.

В моей коллекции находятся три таких конверта с различными надписями и проставленной датировкой.

На первом конверте с надписью «Всенародный референдум АР «Крым». 16 марта 2014. Крым, Украина» воспроизведен рисунок с россиянином, протягивающим руку помощи жителям полуострова и вытаскивающего их из своеобразного болота. Фоном сюжета послужил разрез природного ландшафта, окрашенный в местах расположения в цвета национальных флагов России и Украины. На втором рисунке с надписью «Великое Воссоединение АР «Крым» с Российской Федерацией. 18 марта 2014. Москва, Кремль, Россия» помещен новостной кадр из репортажа телеканала «Russia Today». На нем президент Российской Федерации В. В. Путин и лидеры Крымской весны С. В. Аксенов, В. А. Константинов и А. М. Чалый обмениваются рукопожатиями после оглашения специального послания президента Федеральному Собранию и церемонии подписания договора о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым.

Третий конверт с надписью «Присоединение АР «Крым» к Российской Федерации. 18 марта 2014. Москва, Кремль, Россия» представляет некий филателистический ребус. Во-первых, объективно была допущена ошибка в надписи с датировкой конверта, на котором воспроизведена

фотография с церемонии подписания В. В. Путиным Федерального конституционного закона Российской Федерации «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов Республики Крым и города федерального значения Севастополя», состоявшейся 21 марта в Кремле в присутствии председателей обеих палат Федерального Собрания В. И. Матвиенко и С. Е. Нарышкина. Во-вторых, гашение украинской марки на этом конверте датировано 18 марта 2014 года, когда еще не было самого факта подписания Федерального конституционного закона. По-видимому, печать рисунка с фотографией была осуществлена издателем позже маркировки непосредственно этих конвертов.

Для объективности также сообщим о частных киевских выпусках художественных конвертов, посвященных крымским событиям. Таковых нам известно только три вида. Первый символически изображает цвета национального флага соседней страны в виде золотого зернового поля и синего неба с надписью «Україна єдина», второй и третий воспроизводят карикатуры того времени в сопровождении характерных надписей «Окупація України. АР «Крим». Євромайдан, Україна, 2014» и «Україна єдина». На них наклеивались как официальные украинские почтовые марки, так и марки так называемой серии «Польова пошта Майдану», которые гасились соответствующими официальными и неофициальными штемпелями. Названные материалы являются своеобразным наглядным свидетельством массовых настроений и понимания происходящего, утвердившихся в тот памятный период в украинском обществе.

В целом, несмотря на незначительные ошибки и шероховатости в подготовке, по сути, исторических филателистических материалов, мы должны признать особые заслуги российских, крымских и украинских коллекционеров, оперативно откликнувшихся на неординарные политические события и сумевших запечатлеть их не только ради собственного собирательства, но и для памяти потомков.

Крымская почтовая и филателистическая тематика после референдума 16 марта 2014 года

Спустя три месяца после событий Крымской весны издательско-торговый центр «Марка» в серии «Россия. Регионы» выпустил две марки, посвященные новым субъектам Российской Федерации. 19 июня 2014 года вышла марка «Республика Крым» (№ 1828) и 20 июня – марка «Севастополь» (№ 1829).

Обе почтовые миниатюры подготовил известный российский художник-миниатюрист, член Московского отделения Союза художников России В. И. Бельтюков, ставший автором более чем 200 марок и создавший за несколько десятилетий творческой деятельности множество сюжетов

для советских и российских открыток и конвертов. В ноябре 2014 года журнал «Esquire» опубликовал воспоминания художника о подготовке крымских выпусков: «...после событий в Крыму, меня приглашают к главному редактору [Издательского центра «Марка» – В.Л.]: «Владимир Иванович, надо марочку сделать». Я до этого много лет работал над серией про российские регионы, около сорока марок нарисовал. Не оставлять же теперь Крым в обиде. Обговорили сюжет, напоследок спрашиваю про сроки: «Вы знаете, мы не говорим, что в 9 утра завтра надо, но если вы в 10 принесете, будет хорошо». Я всю ночь работал, но к сроку успел, сделал даже больше вариантов, чем просили. Сначала марку согласовывали в министерстве связи, а после отправили на утверждение в Крым, наверное, Аксену. Не успели согласовать, меня снова вызывают: надо еще про Севастополь. Честно скажу, я делал их с большим подъемом, ведь это дело государственной важности» (<https://esquire.ru/painters>).

На выпуске «Республика Крым» изображен морской пейзаж, виноградники и знаменитый памятник архитектуры и истории – дворец «Ласточкино гнездо», расположенный на отвесной Аврориной скале мыса Ай-Тодор в поселке Гаспра на южном берегу полуострова недалеко от Ялты.

На марке «Севастополь» изображены музей-панорама «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.» и уже упоминавшийся в статье памятник затопленным кораблям на фоне морского пейзажа с едва заметным силуэтом военного корабля. Запечатленные на почтовой миниатюре достопримечательности по праву считаются наиболее известными монументами, сооруженными в честь защитников города в период Крымской войны 1853–1856 годов.

Обе марки были выпущены массовым тиражом. Их технические характеристики приведены в прилагаемой таблице:

Наименование марки	Способ печати	Бумага	Цвета	Перфорация	Формат	Тираж
Республика Крым	Офсет	Мелованная	Многокрасочная	Гребенчатая 12:12 S	40x28	450 000
Севастополь	Офсет	Мелованная	Многокрасочная	Гребенчатая 12 S:12	28x40	450 000

К названным маркам был издан конверт первого дня (№ 1786, дизайнер В.И. Бельтюков) стандартного формата (114x162) тиражом 18 000 экземпляров, на котором воспроизведены цветной герб Российской Федерации и обновленная карта страны (с включением Крымского полуострова) в цветах государственного триколора, а также подготовлены пять штемпелей первого дня гашения. Из них три штемпеля с датировкой гашения 19 июня 2014 года в Ялте, Москве и Симферополе (в основе рисунка – географический силуэт полуострова и надпись «Республика

Крым») и два – с датировкой гашения 20 июня 2014 года в Москве и Севастополе (в основе рисунка – надпись «Севастополь город федерального значения»).

В нашей коллекции есть два особых таких конверта с гашениями крымских марок в Москве и Севастополе, на которых 19 июля 2014 года была проставлена подпись Президента Российской Федерации В.В. Путина в период его пребывания в резиденции «Волжский утес» под Самарой. Без преувеличения можно отметить, что эти конверты являются не только уникальным филателистическим материалом, но и ярким свидетельством особого внимания главы государства к любым вопросам, связанным с принятием Крыма и Севастополя в состав Российского государства.

К выходу новых официальных почтовых миниатюр коллекционеры нескольких российских регионов подготовили значительное число частных филателистических материалов (художественных конвертов и открыток) и организовали их маркировку и гашение.

В частности, в городе Обнинске Калужской области появилась серия из шести открыток с видами знаменитых памятников архитектуры и истории полуострова и его природных пейзажей (дворца «Ласточкино гнездо», Тарханкутского и Херсонесского маяков, памятника затопленным кораблям, панорамы «Оборона Севастополя» и крымских виноградников). Героями еще четырех необычных картмаксимумов², изданных в Обнинске, стали республиканский прокурор Н.В. Поклонская (в настоящее время депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации) и известный украинский политик Ю.В. Тимошенко.

Три открытки с шаржами на Наталью Поклонскую были выполнены в стиле японского аниме. На них руководитель прокуратуры изображена в должностном мундире на фоне республиканского флага и на пресс-конференциях. Как отметила автор сетевого издания «Москвичка» Виктория Бондаренко, имя нового прокурора «стало известно во всем мире, когда видео ее пресс-конференции 11 марта появилось в Сети. За две недели оно собрало более миллиона просмотров. Влюбленные пользователи окрестили Поклонскую «прокурором – няшей». Российские фанаты признаются ей в любви, в Японии постоянно рисуют аниме с ее участием»³.

Четвертая открытка в откровенно карикатурном виде изображает Юлию Тимошенко. Ее образ напоминает хоббита Горлума, вымышленного персонажа Джона Толкиена из романов «Хоббит, или Туда и обратно» и «Властелин Колец» в известной прическе – украинской косе, обернутой вокруг головы. По замыслу знаменитого английского писателя, Горлум –

² Картмаксимум – непосредственно открытка, марка и почтовый штемпель. Особенность картмаксимумов в том, что марка клеится на лицевую сторону открытки и должна совпадать по сюжету с открыткой. Штемпель тоже должен быть тематически связан с сюжетом открытки и марки.

³ <http://www.moscvichka.ru/moscvichka/2014/03/27/prokuroru-krima-natale-poklonskoj-posvyatili-pesnyu-8818.html>.

тощее существо небольшого роста со светящимися глазами, которое привыкло жить в темноте и скрываться от любого солнечного или лунного света. Несмотря на силу, оно трусливо, постоянно врёт и говорит о себе в третьем или во втором лице, а порой даже и во множественном числе. Особенно запоминается фраза Горлума: «Моя прелесть», с которой вымышленный персонаж постоянно обращается как к самому себе, так и к Кольцу Всевластья. Эта фраза в переделанном виде «Они украли Крым, нашу прррелесть» также помещена на обнинскую открытку под карикатурным портретом украинского политика.

В 2014 году частные филателистические материалы были выпущены и в других российских регионах. Нам известны несколько картмаксимумов с видом памятных мест Крыма и Севастополя, а также художественные конверты с изображением В.В. Путина в камуфляжной форме и надписью «Самый вежливый человек». Крымская тематика продолжилась изданием официальных филателистических материалов об истории и культуре полуострова, об отдельных событиях и юбилейных датах наших известных соотечественников. Просветительская традиция по распространению знаний о совместной российской истории выразилась в подготовке и выпуске художественных маркированных конвертов, посвященных 70-летию освобождения Крыма и Севастополя от немецко-фашистских захватчиков, 160-летию первой обороны города-героя и 100-летию его почтамта. В том же году появилось несколько односторонних и двухсторонних почтовых карточек с литерой «В»: в связи с 700-летием мечети хана Узбека в городе Старый Крым, 100-летием первого трамвая в Евпатории, проведением в Севастополе поединка за звание чемпиона мира по боксу по версии WBA, автопробега экспедиции «Россия – 2014» по маршруту Владивосток-Севастополь и триумфального «Байк-шоу», состоявшегося в городе-герое 8–9 августа 2014 года. Также были изданы односторонние карточки с изображением памятника адмиралу Дмитрию Николаевичу Сенявину в Севастополе, эмблемы Международного молодежного слета «Таврида» 10–20 августа 2014 года и памятных мест Республики Крым в составе набора двухсторонних маркированных почтовых карточек из 14 штук. Односторонняя почтовая карточка с оригинальной маркой была издана в честь князя Г.А. Потемкина-Таврического, создателя Черноморского флота и организатора возвращения Крыма в состав Российской империи в последней четверти XVIII века. К выходу большинства материалов были подготовлены специальные памятные гашения.

В 2015 году первая годовщина референдума и последовавших за ним событий была отмечена издательско-торговым центром «Марка» выпуском 4 марта односторонней почтовой карточки с литерой «В». Ее дизайнером стал известный художник-миниатюрист А.М. Московец, автор нескольких сотен работ филателистического характера. На карточке он воспроизвел официальную эмблему первой годовщины памятных событий 2014 года,

которая была предложена Министерством внутренней политики, информации и связи Республики Крым в виде контура полуострова в цветах российского триколора в сопровождении надписей «Год Крымской весны» и «Воссоединение Крыма с Россией».

Карточка была издана на мелованной бумаге тиражом 18000 экземпляров. К ее выходу были подготовлены три специальных гашения: два из них с датировкой 10 марта 2015 года и местом гашения на почтамтах в Севастополе и Симферополе, еще одно – с датировкой 18 марта 2015 года и местом гашения на главпочтамте в Москве. Рисунок гашения был схож с сюжетом карточки – воспроизводил контур полуострова с надписью «Год Крымской весны».

К памятной годовщине коллекционеры различных регионов России подготовили несколько серий карточек и открыток, художественные конверты, а также специальные частные гашения для маркировки филателистической продукции.

На четырех частных почтовых карточках, изданных по инициативе нижегородских филателистов, воспроизводились фотографии памятных мест полуострова, запечатленные на марках «Республика Крым» и «Севастополь», а также репродуцировались картины современных художников Александра Милюкова «Ласточкино гнездо» (2011 г.) и Виктора Коваленко «Памятник затопленным кораблям» (2012 г.).

На лицевой стороне каждой карточки марки крымской серии были погашены в Москве 18 марта 2015 года штемпелем «Год Крымской весны». На оборотной стороне под изображением государственных символов Российской Федерации содержалась подробная надпись: «17 марта 2014 года, опираясь на результаты референдума, Верховный Совет Автономной Республики Крым провозгласил Крым независимым суверенным государством – Республикой Крым, в которой Севастополь имел особый статус. 18 марта 2014 года в Георгиевском зале Кремля г. Москва был подписан межгосударственный договор о принятии Республики Крым в состав России, в соответствии с которым в составе Российской Федерации образовались новые субъекты – Республика Крым и город федерального значения Севастополь».

Судя по сопроводительной информации, каждый картмаксимум был издан тиражом 10 экземпляров в соответствии с ГОСТ Р 51507–99 для изготовления почтовых карточек. К сожалению, большего числа карточек нижегородским филателистам выпустить не удалось из-за довольно обыденной причины – отсутствия необходимого количества тематических марок.

Серия из двух открыток была подготовлена в городе Обнинске Калужской области. На одной из них воспроизведена работа популярного питерского карикатуриста Виталия Подвицкого, иллюстрирующего новостные ленты крупных российских информационных агентств. На

ней изображены «курортники» Обама, Меркель и Яценюк, остолбенело смотрящие на баннер с портретом мускулистого человека, похожего на президента России В.В. Путина, и словами «Добро пожаловать в Крым! Чувствуйте себя как дома». В памятные дни Крымской весны художник сопроводил свою работу довольно ехидной репликой с намеком на исторические события времени Александра Невского: «Была у тевтонских рыцарей хорошая традиция – ходить в гости всей свиньей»⁴. На другой открытке в зарево черно-желтого пламени изображены воинствующие представители «Новой Украины» с оружием и националистическими лозунгами и плакатами, карикатурно угрожающие ветерану и ребенку, стоящим напротив них на берегу мятежного полуострова. В руках маленькой девочки шарик в цветах триколора и надпись «Домой», а из уст ветерана исходит ключевая фраза: «Счастливо оставаться!», что усиливает безнадежность всех попыток украинских экстремистов вернуть Крым под свои знамена. Нам не удалось точно установить автора карикатуры, однако, на одном из интернет-сайтов этот рисунок сопровождается знаком копирайта с именем Ивана Беркута. На обнинской серии открыток марки «Республика Крым» погашены в Москве 18 марта 2015 года штемпелем «Год Крымской весны».

Еще одна тематическая двухсторонняя почтовая карточка была издана в Симферополе в серии «Великие события в Крыму» (№ 138) тиражом 200 экземпляров. На ее лицевой стороне автор проекта А. Коновалов и дизайнер А. Носков сопроводили цветные портреты Г.А. Потемкина, Екатерины II и В.В. Путина, гербы Российской Федерации и Республики Крым, а также узнаваемые места Севастополя, Симферополя и Москвы, изображенные на фоне праздничного салюта, памятной надписью «С праздником воссоединения Крыма с Россией! С годовщиной референдума от 16 марта!». На оборотной стороне, на месте наклейки марки был помещен контур полуострова с надписью по периметру «Крым вернулся в родную гавань!» и опубликованы памятная информация «16 марта 2014 г. состоялся Всенародный референдум о вхождении Крыма в состав России. 16 марта 2015 г. исполняется 1-я годовщина Всенародного Референдума!» и сведения об издании карточки. На части тиража было проставлено каше⁵ красного цвета с изображением контура полуострова и надписью «Референдум 16.03.2014. Крым. Россия. Севастополь».

В Симферополе к первой годовщине памятных событий также был подготовлен художественный конверт (видимо, по инициативе Валерия Кононенко) формата А5, на котором цветным лазерным принтером нанесено изображение полуострова в цветах российского триколора с наложением двухглавого орла золотого цвета и надписью на переливающимся сине-голубом фоне «Республика Крым. 18.03.2014–18.03.2015» и «Вместе

⁴ <https://vk.com/supercartoon>.

⁵ Оттиск штемпеля непочтового характера, наносимого в рекламных или декоративных целях.

с Россией!». Наклеенные на нем марки крымской серии гасились 10 марта 2015 года на симферопольском почтамте как обыкновенным штемпелем, так и специальным – «Год Крымской весны». К сожалению, тираж этого конверта нам не известен.

Завершим обзор российских филателистических материалов, подготовленных к первой годовщине исторического референдума 16 марта 2014 года, описанием специального каше, изготовленного в Москве и проставленного на различной почтовой продукции, которая в той или иной мере соответствовала тематике каше. В центре штемпеля изображен Большой Кремлевский дворец с указанием места и даты гашения: «Москва. Кремль. 2014–18–03–2015», а по окружности расположена надпись «Договор о принятии Республики Крым в Российскую Федерацию». Как и в предыдущем случае, нам не известен автор этого штемпеля и история его создания.

Ко второй годовщине референдума в Крыму в 2016 году было выпущено еще несколько почтовых материалов. В нашем собрании имеются две таких немаркированных почтовых карточки. Дизайн рисунка на первой схож с дизайном почтовой карточки с литерой «В», изданной ИТЦ «Марка» годом ранее. Исключение составили подписи к официальной эмблеме первой годовщины референдума. Прежний текст со словами «Год Крымской весны» и «Воссоединение Крыма с Россией» был заменен новыми надписями: «Крым. Россия. Навсегда» и «Вторая годовщина Крымской весны. 2016». По некоторым сведениям, издателем этой карточки стал Союз филателистов Крыма. Вышла она тиражом 100 экземпляров и была в продаже в секции филателии Симферопольского почтамта. На лицевую сторону имеющейся в коллекции карточки наклеена российская марка 2014 года «Республика Крым», которая погашена обыкновенным штемпелем в отделении почтовой связи № 47 города Симферополя 18 марта 2016 года.

Вторая немаркированная карточка также изготовлена в Симферополе. На ее лицевой стороне помещены: современная фотография памятника затопленным кораблям, эмблема белого цвета в виде контура дворца «Ласточкино гнездо» с надписью «Годовщина Крымской весны» и слова «Вместе навсегда!» в обрамлении развивающихся триколорных лент. Благодаря наклеенной марке «Севастополь» и гашению «Город–герой Севастополь», карточка фактически становится картмаксимумом и пополняет коллекцию соответствующих почтовых и филателистических материалов.

***

За прошедшее двадцатилетие после распада Советского Союза, разделения России и Украины межгосударственными границами и явными идеологическими барьерами, отечественная филателия регулярно обраща-

лась к знаменательным страницам истории Крыма, Севастополя и Черноморского флота. В память о них ежегодно выпускалась разнообразная почтовая продукция от марок и конвертов до специальных гашений и тематических карточек.

Дополнительный импульс ее изданию придавали праздничные события, связанные с 300-летием российского флота, памятные даты в истории Черноморского флота, годовщины победы советского народа в Великой Отечественной войне, юбилеи известных государственных деятелей, полководцев, флотоводцев и иных героев, чья воинская доблесть или героический подвиг остались в памяти потомков, а также знаменательные даты в биографиях ученых, инженеров, художников, писателей и поэтов, внесших значительный вклад в историческое единство народов России и Крыма.

Все эти годы российская филателия и отечественные собиратели не только выполняли важную просветительскую задачу по распространению знаний о нашей совместной истории, но и с помощью своего специфического инструментария приближали долгожданное воссоединение Крыма и Севастополя с Российской Федерацией.

Проведение в марте 2014 года народного референдума стало ярким событием для многих коллекционеров. Благодаря частной инициативе и деятельности отечественного почтового ведомства, удалось наглядными средствами зафиксировать и отразить волю и желание жителей полуострова объединить свою судьбу и свое будущее с народами Российской Федерации. Подготовленный и изданный массив материалов о Крымской весне уже сегодня является отдельной страницей в почтовой и филателистической летописи нашей совместной истории и может служить объектом специальной тематической выставки.

События

Д.А. ЕЖОВ

О финалистах Всероссийского конкурса ЦИК России на лучшую работу по избирательному праву и избирательному процессу

В мае 2017 года ЦИК России подведены итоги ежегодного Всероссийского конкурса на лучшую работу по вопросам избирательного права и избирательного процесса, повышения правовой и политической культуры избирателей (участников референдума), организаторов выборов в органы государственной власти, органы местного самоуправления в Российской Федерации и участников избирательных кампаний. По трем номинациям («Научно-исследовательская работа», «Учебно-методическое пособие», «Электронный образовательный ресурс») на конкурс поступило 140 работ, 13 из которых набрали наивысшее количество баллов, что обеспечило им возможность выхода в финальный этап конкурса и доступ к распределению призовых мест. Предлагаемый обзор включает в себя проблемно-тематический анализ конкурсных работ, вышедших в финал.

Номинация «Научно-исследовательская работа»

В номинации «Научно-исследовательская работа» конкурсной комиссией были рассмотрены работы, выделенные рабочей группой на предварительном этапе отбора и посвященные различным аспектам избирательного процесса.

Примечательно, что сразу в двух научно-исследовательских работах затрагивается проблема абсентеизма, обращение к которой видится актуальным вследствие перманентной необходимости преодоления соответствующего явления. В первой из них – «**Декаданс основ демократии под влиянием абсентеизма и пути его преодоления**» – автор выявляет перспективные направления преодоления абсентеизма в условиях информационного общества. Механизмом целедостижения при этом служит совокупность поставленных задач, среди которых фигурируют: характеристика постиндустриального общества как информационного; рассмотрение

влияния абсентеизма на легитимность государственной власти; анализ возможных мер по снижению уровня абсентеизма; обоснование использования компьютерной игры как средства политической коммуникации. Работа имеет высокую степень практической значимости – результаты исследования могут представлять интерес для научных и практических работников, занимающихся поиском и разработкой перспективных направлений преодоления абсентеизма как в России, так и за рубежом. Исследовательские выводы могут быть использованы при проведении всех стадий выборов. Значительный интерес представляет находящийся в приложении синопсис online-игры «Выборы».

В ходе исследования автор приходит к выводу, что абсентеизм как явление свойственное демократии может служить индикатором уровня легитимности как отдельного выборного политического института, так и всей политической системы. При этом предполагается, что абсентеизм в условиях демократии неизбежен и не представляет угрозу для демократического политического режима, пока не принимает массовый характер. В действительности, сделанный вывод можно считать вполне правомерным с учетом того, что сценарий приобретения абсентеизмом массового характера, скорее, гипотетический. В то же время нельзя не учитывать, что данное явление может иметь различные причины, что обуславливает правомочность применения дифференцированного подхода к методам его преодоления. В связи с этим автором работы подчеркивается значимость использования новых средств политической коммуникации и обратной связи с населением на фоне архаизации стандартных форм передачи информации ввиду несоответствия последних актуальным вызовам настоящего времени. Отдельное внимание при этом уделяется анализу и оценке мер по устранению причин абсентеизма, осуществляемых ЦИК России, другими органами государственной власти, общественными объединениями. На общем фоне здесь необходимо выделить оценку перспективы внедрения дистанционного электронного голосования как способа преодоления географических причин абсентеизма.

Данная проблема затрагивается и в работе под названием **«Активное избирательное право и абсентеизм: спектр личного выбора»**. В качестве цели своей работы автор видит выявление особенностей электорального поведения россиян в условиях нарастания тенденции к абсентеизму, а равно – в поиске путей повышения избирательной активности населения. Практическая часть работы построена на анализе соответствующих тенденций на примере Липецкой области. Поставленная цель достигается автором посредством решения таких задач, как краткое изложение исторических тенденций развития избирательного законодательства России и проявления первых признаков абсентеизма; выявление исторических предпосылок формирования электоральной пассивности россиян; проведение сравнительного анализа особенностей и причин снижения избира-

тельной активности населения в современной российской и зарубежной избирательной практике; выявление особенностей гражданской позиции С. Анчугова и В. Гладкова в связи с ограничением их избирательных прав и поданной по этому поводу жалобой в Европейский суд по правам человека; рассмотрение возможных способов противодействия абсентеизму и повышения избирательной активности населения Липецкой области (в том числе, решение вопроса о значимости преодоления склонности к игнорированию выборов в условиях многолетнего абсолютного лидерства «правлящей» партии). Практическая значимость конкурсного исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в деятельности ЦИК России, региональных избирательных комиссий и организаторов выборов всех уровней.

Значительный интерес представляют авторские выводы по результатам проведенного исследования. Нельзя не согласиться с ним в том, что формирование особенностей электорального поведения россиян складывалось на протяжении длительного периода времени, и каждый исторический период внес свой вклад в этот процесс. Действительно, во многом пассивность современного электората России имеет свои корни в ментальном русле и исторической предрасположенности к осознанию выборов как формальной процедуры. Автором представлен оригинальный взгляд на двойственность явления абсентеизма. Не отрицая свойственности абсентеизма демократическим политическим режимам, исследовательское внимание настораживает вероятность перерождения абсентеизма в деструктивный тренд в случае его массовизации. Стоит отметить, что излагаемая позиция близка к аналогичному взгляду на ту же проблему, с которым мы столкнулись при анализе предыдущей работы.

На практическом уровне автор предлагает совокупность мер, которые могут быть предприняты в целях повышения избирательной активности и электоральной культуры населения, которые он разделяет на две группы. К первой группе, включающей мероприятия системного характера, требующие серьезных усилий со стороны общества и государства, при этом относятся:

- необходимость последовательного и глубокого изучения причин отказа населения от участия в выборах и факторов, способствующих усилению тенденций абсентеизма в Российской Федерации;
- при сохранении уважения к принципу «свободного мандата», решение вопроса о степени и формах политической ответственности кандидата за выполнение своих предвыборных обещаний;
- упрощение процедуры получения открепительных удостоверений;
- внедрение системы голосования по почте, а также системы электронного голосования (в частности, через личный кабинет гражданина на портале электронного правительства).

Среди мер ситуативного свойства автор исследования выделяет:

– более тесные контакты населения и конкретных кандидатов с целью информирования избирателей о личных качествах кандидата, его увлечениях, наклонностях и т.п.;

– учет «удобства» избирателей различных категорий непосредственно на избирательных участках (отказ от их размещения на высоких этажах при отсутствии лифта; организация небольших игровых комнат для детей);

– обеспечение «праздничной атмосферы» на избирательных участках (организация небольших концертных программ, недорогих буфетов, выставок, просмотр кинофильмов, лотерей для детей или молодежи и т.п.).

* * *

Следующие две конкурсные работы объединяет содержащийся в них сравнительный аспект. В одной из них – **«Юридическая ответственность за нарушения избирательных прав в Европе и России: особенности правового регулирования, тенденции, предложения по совершенствованию»** – анализируется специфика применения ответственности за нарушение избирательных прав граждан в законодательстве России и зарубежных государств с учетом имеющих место частных и глобальных различий.

В качестве цели исследования автор определяет систематизацию юридического опыта европейских государств по общим признакам, которая способна выявить недостатки и пробелы правового регулирования, определить комплексность исследуемых явлений путем применения сравнительно-правового, формально-юридического, системного методов. При этом цель достигается посредством решения следующих задач: определение особенностей правового регулирования в европейских государствах путем привлечения к ответственности за нарушение избирательных прав граждан; выявление тенденций в указанной сфере в государствах различных правовых семей и их подгрупп; формирование предложений по совершенствованию российского законодательства.

Исследовательские выводы заслуживают интерес в части данной автором прогрессивной оценки российского законодательства по отдельным вопросам установления ответственности за нарушения избирательных прав. По результатам изучения европейского, в том числе, российского опыта правового регулирования в обозначенной сфере автор приходит к выводам, заключающимся в том, что:

- в сфере избирательных правоотношений несовершенство норм юридической ответственности с точки зрения гуманизации уголовного и административного законодательства просматривается наиболее явно;
- такая мера ответственности, как лишение публичных полномочий и возможности занимать определенные должности в отношении государственных и муниципальных служащих, виновных в совершении престу-

плений против избирательных прав граждан, применяется недостаточно активно;

- лишение граждан субъективного избирательного права, заключающегося в невозможности реализовать пассивное и активное избирательные права, а также принимать участие в избирательном процессе, за преступления против избирательных прав будет способствовать экономии средств уголовной репрессии;

- неотвратимость наказания в виде факта невозможности участия в управлении делами государства путем отсутствия допуска к выборам должно оказывать предупредительное влияние на граждан;

- дифференциация ответственности в зависимости от уровня выборов будет способствовать формированию большей прозрачности и определенности в выявлении правовой природы противоправного деяния.

В другой конкурсной работе «Пропорциональность как правовая основа разрешения избирательных споров в России и Германии: сравнительно-правовое исследование» рассмотрено применение теста на пропорциональность органами конституционного контроля России и Германии при разрешении избирательных споров. Целью конкурсной работы является определение эффективного средства для соблюдения баланса между частными и публичными интересами при разрешении избирательных споров органами конституционного контроля России и Германии. Она достигается посредством решения таких задач, как исследование сущности концепции пропорциональности; выявление и анализ критических аспектов принципа пропорциональности как метода аргументации в решениях органов конституционной юрисдикции; установление возможности ограничения субъективных избирательных прав; определение того, применяют ли органы конституционного контроля России и Германии при разрешении избирательных споров для соблюдения баланса между публичными и частными интересами тест на пропорциональность; выработка рекомендаций для разрешения избирательных споров посредством применения принципа пропорциональности как эффективного средства для соблюдения баланса частных и публичных интересов.

Практическая значимость исследования состоит в представлении рекомендаций по применению принципа пропорциональности при разрешении избирательных споров избирательными комиссиями и судами, имеющихся в приложении.

В результате обобщения приведенных позиций относительно применения теста на пропорциональность как эффективного средства для соблюдения баланса частных и публичных интересов при разрешении избирательных споров автор конкурсного исследования заключает следующее:

- широкое распространение применения теста на пропорциональность дает основание полагать, что данная методика позволяет органам кон-

ституционной юрисдикции последовательно и подробно аргументировать принятые решения в сфере избирательного права. Также, необходимо отметить, что благодаря выражению в тексте решения данного теста, можно проследить логику правоприменителя и сам процесс принятия им итогового решения;

– соблюдение принципа правовой определенности в решениях по избирательным спорам органов конституционной юрисдикции делает обоснованным, логичным и понятным принятое решение для стороннего читателя, не обладающего глубокими познаниями в области моделей аргументации;

– обоснованная и последовательная аргументация, которая становится доступной при применении теста на пропорциональность, повышает уровень юридической техники в решениях органов конституционной юрисдикции и тем самым дает меньше поводов для критики судебных решений об ограничении избирательных прав относительно их недостаточной мотивированности и обоснованности.

Чрезвычайно важной проблематике информационного обеспечения избирательного процесса посвящена конкурсная работа под названием **«Сайты избирательных комиссий субъектов Российской Федерации как источники информации о выборах в России»**, содержащая методiku критериальной оценки сайтов избирательных комиссий субъектов Российской Федерации и имеющая преимущественно прикладной характер. Дополнительную актуальность теме работы придает тот факт, что в условиях информационного общества контент сети интернет становится важнейшим источником информации в целом и о выборах в частности. Формулируя соответствующую цель, автор ставит перед собой задачи, посредством которых она достигается. Среди последних выделяются: изучение общей информации об интернет-сайтах и представление их комплексной характеристики; выявление основных показателей и характеристик информационных сайтов; разработка критериальной базы для оценки сайтов избирательных комиссий субъектов Российской Федерации; оценка сайтов избирательных комиссий субъектов Российской Федерации на основе предложенных критериев. Результаты конкурсного исследования имеют весомую практическую значимость, выраженную в разработке диагностического комплекса на основе критериальной оценки, и могут быть использованы в деятельности избирательных комиссий каждого субъекта Российской Федерации.

В процессе исследования автором выделяется система критериев, включающая в себя такие показатели, как:

- качество информационного наполнения сайта;
- удобство интерфейса;
- привлекательность дизайна сайта;
- интерактивность сайта;

- доступность инвалидов по зрению;
- социальная значимость сайта;
- соответствие техническим требованиям.

На основе выделенных критериев в конкурсной работе производится покритериальная оценка результатов исследования сайтов избирательных комиссий. В результате проведенного исследования его автор подтверждает не ставящийся под сомнение тезис, заключающийся в том, что влияние на избирателей оказывается со стороны множества источников, и сайты являются одним из таких информационных источников. В то же время утверждается, что сайты избирательных комиссий как источники информации о выборах все же уступают по популярности традиционным средствам массовой информации (телевидение, газеты и журналы, в том числе, электронные). При этом отмечено, что, исходя из возрастного состава людей, участвующих в голосовании, можно с большой долей уверенности сказать, что это приверженцы именно традиционных источников получения информации, в том числе, о выборах. Данная проблема рассматривается сквозь призму того, что слабой стороной сайтов избирательных комиссий является узкая направленность на аудиторию, имеющую достаточно высокий уровень образованности в области избирательного права и процесса, уже сформированную систему общественно-политических ценностей.

Обнадеживающими выглядят выводы относительно перспектив развития интернет-сайтов избирательных комиссий субъектов Российской Федерации о том, что сайты имеют потенциальные возможности стать основными источниками информации о выборах. Но только в том случае, если их авторы будут целенаправленно развивать свой ресурс с учетом запросов и ожиданий «инертной части общества», для чего необходима работа по адаптации информации к потребностям различных групп населения; а также в признании необходимости продвижения в сети интернет и популяризации сайтов избирательных комиссий субъектов Российской Федерации посредством технологий, успешно используемых в отношении других типов сайтов (продвижение сайта в поисковых системах, баннерная реклама, перекрёстный обмен с другими сайтами и т.д.).

Проблемы финансирования партий в период избирательных кампаний рассмотрены в конкурсной работе **«Финансовый контроль за политическими партиями в период избирательной кампании»**. Среди задач, способствующих достижению цели исследования, авторы выделяют:

- выявление закономерностей исторического развития финансового контроля;
- формулирование понятия финансового контроля;
- анализ форм и функций финансового контроля;
- изучение законодательных основ финансового контроля за политическими партиями в России и зарубежных странах;

- исследование современных проблем осуществления финансового контроля.

Исследование содержит некоторые предложения в области усовершенствования законодательства о проведении выборов и финансировании политических партий. Авторами подчеркивается, что решение совокупности проблем, сопровождающих процесс и развитие предмета выявленного исследовательского интереса возможно исключительно подобным путем. В частности, речь идет о закреплении на законодательном уровне деятельности политических партий в период избирательной кампании, форм ее осуществления, а также урегулировании вопроса о возможности использования интернета для проведения предвыборных кампаний, в том числе установлении контролирующего органа в данной сфере. Актуальным с точки зрения авторов остается вопрос об эффективности использования такого вида юридической ответственности, как штраф и его размер за нарушение установленного законом порядка финансирования и использования средств предвыборной кампании. Авторы конкурсной работы считают необходимым повысить сумму, подлежащую уплате в виде штрафа за нарушение законодательства о выборах, а также рассмотреть вопрос о возможности введения меры наказания в виде конфискации имущества по отношению к лицу, допустившему нецелевое расходование средств избирательного фонда либо превысившего допустимые пределы использования средств. Кроме того, результаты исследования содержат практическую рекомендацию о целесообразности расширения полномочий избирательных комиссий, в том числе и контрольно-ревизионных служб, исходя из того, что указанные органы осуществляют контроль за политическими партиями только при предоставлении последними в указанном законом порядке и сроке сведений о поступлении и расходовании средств, а также путем взаимодействия избирательных комиссий с филиалами банков, в которых открыты счета избирательных фондов.

Конкурсная работа **«Военнослужащие Вооруженных Сил Российской Федерации как участники избирательного процесса»** посвящена анализу реализации избирательных прав военнослужащими. Обосновывая значимость и актуальность выбранной проблематики для исследования особого статуса военнослужащих и характера выполняемых задач, влекущими наличие ряда особенностей в реализации военнослужащими избирательных прав, обусловленных спецификой военной службы, автор видит в качестве цели работы рассмотрение характерных признаков реализации военнослужащими указанных прав, а также обобщение исторического опыта России по данному вопросу и внесение предложений по совершенствованию отечественного избирательного законодательства. Задачи, способствующие достижению поставленной цели, включают: исследование становления и развития отечественного законодательства об избирательных правах российских военнослужащих; анализ особенностей участия военнослужащих в избирательном процессе

Российской Федерации на современном этапе; внесение рекомендаций в части совершенствования законодательства по исследуемой теме.

В ходе исследования автор предлагает пути решения выявленных им проблем в сфере реализации прав военнослужащих. Заслуживают внимания инициативы законодательного закрепления права голосовать на местных выборах военнослужащих-призывников либо установления дополнительных гарантий реализации активного избирательного права данной категории военнослужащих; организации избирательных участков на территории другого субъекта Российской Федерации по месту пребывания военнослужащих в день голосования вследствие законодательного закрепления соответствующего порядка. В работе также находят отражение широко обсуждаемые идеи возможного переноса единого дня голосования и внесения в бюллетени графы «против всех»; уделено внимание проблеме кодификации законодательства о выборах.

Номинация «Учебно-методическое пособие»

Наибольший интерес вызвали учебно-методическое пособие «**Готовлюсь быть избирателем**» (для педагогических работников по обучению школьников основам избирательного права и избирательного процесса при подготовке будущих избирателей); «**Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации: практикум**»; **Сценарий деловой игры «Выборы Президента**» (образовательного учреждения, детского лагеря отдыха). В рамках предлагаемого аналитического обзора хотелось бы отметить существенную практическую значимость данных учебно-методических разработок для образовательного процесса. Каждая из них, предполагая наличие отличающегося своеобразием в каждом отдельном случае методического инструментария, заслуживает внимания.

Работы-призеры в данной номинации в целом воплощают в себе реализацию совокупности методических приемов и подходов, распространенных в современном образовательном процессе, в том числе модульную систему; деловые игры; практикумы, состоящие из ситуационных задач, задач-казусов, графических заданий.

Номинация «Электронный образовательный ресурс»

Электронное учебно-методическое пособие для профессиональной подготовки сотрудников контрольно-ревизионных служб при территориальных избирательных комиссиях; **Электронный образовательный ресурс «МЫ – САМИ!»**; **Обучающий компьютерный квест «Как я был наблюдателем»** восполняют перманентный дефицит в наличии качественного контента в области электронных образовательных ресурсов

в целом и по темам избирательного права и процесса в частности, с учетом диктуемых временем требований. На фоне указанного выше необходимо признать несомненную пользу от последующей практической апробации разработок-призеров.

Общие выводы

В результате настоящего аналитического обзора представляются обобщенными следующие обобщения:

1) Проблемы избирательного права и процесса представляют несомненный интерес для молодых исследователей, что дает нам основания прогнозировать увеличение количества научно-исследовательских работ по данной проблематике с учетом фактора предстоящих выборов Президента Российской Федерации и новаций, имеющих место в избирательном законодательстве. Все это в совокупности создает предпосылки для расширения исследовательской базы.

2) Внимание молодых исследователей сосредоточено вокруг ключевых проблем избирательного права и процесса. В то же время отмечается склонность к рассмотрению проблем абсентеизма как типа политического участия и формы проявления политической активности, а также сравнительным исследованиям, предполагающим рассмотрение не только отечественного, но и зарубежного опыта организации выборов.

3) Авторы методических разработок и электронных образовательных ресурсов отличаются стремлением к аккумуляции совокупности методических приемов, практически реализуемых в образовательном процессе, что создает предпосылки для создания в перспективе системных образовательных проектов по тематике выборов и образовательного процесса.

Ответственный за выпуск
И.Б. Гасанов
Электронный адрес: gvv@rcoit.ru

Корректурa
С.И. Бодриков

Макетирование
С.Б. Касатов

Оригинал-макет изготовлен в ООО «Кириллица»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-66246 от 1 июля 2016 года

Подписано в печать 14.06.2017.
Формат 70x100 1/16. Печать офсетная.

Печ. л. 13,25.

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «РПЦ Офорт»
129110, г. Москва, пр-т Мира, д. 69